

60
А 1842

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

24308
ТОРГОВЛЯ
И
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ
XVI-XVII вв.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія
„Москвы въ ея прошломъ и настоящемъ“.

МОСКВА.
1910.

№ 1842

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

~~3432~~

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ XVI-XVII вв.

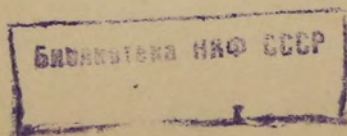

Отдельный оттискъ изъ изданія

„Москвы въ ея прошломъ и настоящемъ“.

МОСКВА.
1910.

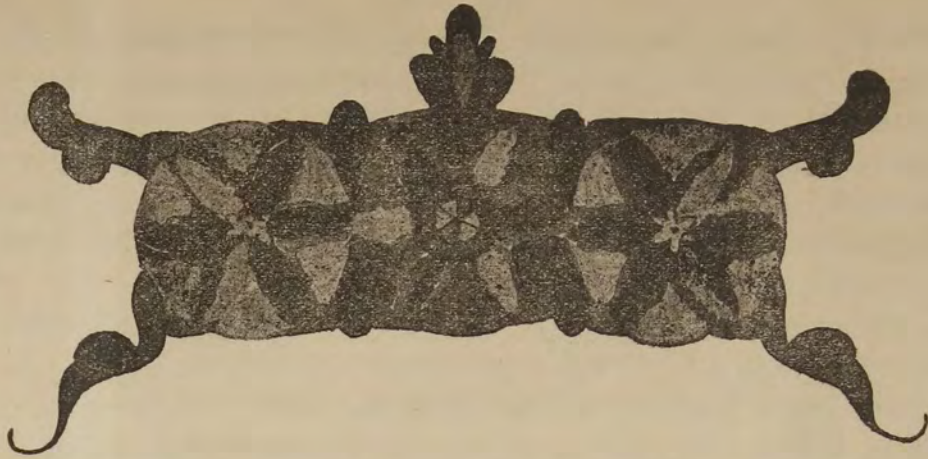

к

70498

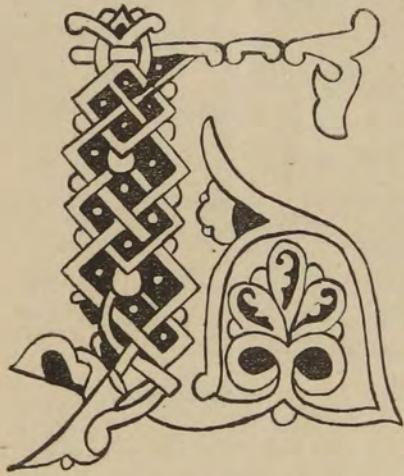
Москва.—1910.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 18-35.

Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.

Проф. М. В. Довнарз - Запольскаго.

былъ цѣлый рядъ условій московской жизни, въ силу которыхъ Москва сдѣлалась самымъ крупнымъ торговымъ центромъ Руси и сконцентрировала въ своихъ стѣнахъ торговое оживленіе, распространявшееся на все обширное царство. Еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые изъ иностранцевъ предпочитали Москвѣ Новгородъ за удобство его путей сообщенія и близость къ морскимъ портамъ. Но въ теченіе того же XVI вѣка Москва и ея торговля заняли доминирующее положеніе. Кромѣ центрального положенія въ смыслѣ географическомъ, московская торговля поддерживалась и рядомъ другихъ обстоятельствъ. Въ Москвѣ жилъ царь, а московскій царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ. Условія придворной жизни стягивали въ Москву служилую знать и множество мелкаго служилаго люда, наконецъ, административный московскій строй, проникнутый централизаціей, привлекалъ къ себѣ множество всякаго народа, подолгу проживавшаго въ стѣнахъ Москвы; всѣ эти элементы въ той или другой мѣрѣ должны были обращаться къ московскимъ торговцамъ или ремесленникамъ. Принципы централизаціи въ московскомъ государствѣ сказались по отношенію къ торговлѣ и промышленности тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ въ Москву притянуто было изъ провинціи все выдающееся въ торговомъ или промысловомъ отношеніи, искусственно привлечены товары, а равно и иноземная торговля. Вотъ общія условія, которыя выдвигали Москву, дѣлали ее центромъ торговли и промышленности тогдашней Руси.

Въ географическомъ отношеніи Москва занимала очень удобную позицію, и торговыя дороги тянулись къ ней, какъ къ своему естественному центру. Черезъ Москву болѣе благодатный югъ и юго-востокъ обмѣни-

вались торговыми произведеніями съ Западомъ, а со 2-й половины XVI вѣка и съ Архангельскимъ портомъ. Въ свою очередь Бѣломорье, отличавшееся промысловымъ характеромъ и имѣвшее въ теченіе полутора столѣтія единственный открытый для иноземной торговли портъ, передавало свои и иноземные товары черезъ Москву въ лежащіе за ней районы. Даже сибирскій торгъ легко было повернуть въ значительной мѣрѣ на Москву въ виду того же удобства ея центрального положенія.

Вотъ почему неудивительно, что Москва представляла собою узелъ торговыхъ путей.

Мы сейчасъ укажемъ на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ путей, которые связывали Москву съ наиболѣе крупными торгово-промышленными центрами. Особенно важное значеніе въ экономической жизни Московской Руси долгое время имѣли Поморье и Приуралье. Въ Поморье изъ Москвы наиболѣе обычный путь направлялся на сѣверъ черезъ Троице-Сергіевъ монастырь, Александровскую Слободу, Переяславль - Залѣсскій, Ростовъ и Ярославль. Въ Ярославлѣ путь развѣтвлялся. Отсюда онъ шелъ прямо на Вологду и связывалъ Москву съ Поморьемъ. Однимъ изъ этапныхъ пунктовъ между Вологдой и Архангельскомъ былъ Устюгъ, отъ котораго по Двинѣ шелъ прямой водный путь на сѣверъ; болѣе краткимъ путемъ изъ Вологды въ Двинскую область былъ путь на рѣку Вагу. Ярославль соединялъ Москву не только съ Поморьемъ, но и съ другими мѣстностями сѣверо-востока и сѣверо-запада. Черезъ Ярославль пролегалъ лѣтній путь на Бѣлоозеро; этотъ путь не отличался особенными удобствами по причинѣ множества лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, чрезъ которыя, по словамъ иностранцевъ, во многихъ мѣстахъ надо было дѣлать мосты и гати; трудность путей за Волгой увеличивалась еще тѣмъ, что они проходили большей частью по малолюдной странѣ. Черезъ Вологду и Устюгъ Москва соединялась посредствомъ Двины и Вычегды съ Пермью; въ Вятку велъ путь чрезъ Кострому и Галичъ. Тутъ же пролегалъ и путь въ Сибирь. Старый путь въ Сибирь шелъ чрезъ Чердынь, но къ концу XVI вѣка былъ проложенъ болѣе прямой путь, проходившій прямо отъ Соликамска на Верхотурье, минуя Чердынь. Съ сѣверо-западомъ Москву связываетъ также Ярославскій путь. Отсюда онъ направлялся къ Бѣлоозеру и связывалъ Москву Волгой и Шексной съ Приладожьемъ и Обонежьемъ. На западъ отъ Москвы велъ путь на Дмитровъ, имѣвшій немалое значеніе. Изъ Москвы до Дмитрова пользовались сухопутьемъ, а отсюда уже шелъ «водной ходъ» по рѣкамъ Яхромѣ, Сестрѣ и Дубнѣ въ Волгу; такимъ образомъ Дмитровъ былъ ближайшею къ Москвѣ рѣчною пристанью для верхней Волги. Этимъ путемъ Москва еще разъ связывалась съ Новгородскою областью. Между Москвой и Новгородомъ было сообщеніе на ямскихъ лошадяхъ.

Важными пунктами на пути изъ Великаго Новгорода въ Москву были Торопецъ и затѣмъ Великія Луки. Эти города связывали Москву съ Литвою. Впрочемъ, въ Литву существовала и прямая дорога изъ Москвы чрезъ Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ. Кромѣ Смоленской дороги съ южными частями Литовско-Русскаго государства Москву связывалъ еще

путь черезъ Сѣверскіе города на Кіевъ. Этотъ путь направлялся черезъ Тулу, затѣмъ Болховъ и Карачевъ. Этимъ путемъ ходили изъ Москвы и въ Крымъ, хотя туда же шелъ путь мимо Тулы на Курскъ. Но торговое движеніе въ Крымъ, повидимому, совершалось исключительно черезъ Кіевъ, такъ какъ этотъ путь былъ древнѣйшій, налаженный еще во времена процвѣтанія Кааы (Ѣеодосіи); сверхъ того, предпочтеніе этого пути объясняется торговымъ значеніемъ Кіева.

Съ теченіемъ времени особенно важное значеніе стали приобрѣтать пути, соединявшіе Москву съ южной Украиной, съ Окой и затѣмъ съ Волгой. Черезъ Серпуховъ и Боровскъ было старинное сообщеніе Москвы съ Окой; сюда же велъ рѣчной путь черезъ Коломну. Этимъ путемъ въ Москву приходили транспорты рязанскаго хлѣба, и онъ же связывалъ Москву съ Поволжьемъ. Волжскій путь еще во второй половинѣ XVI вѣка былъ тяжелымъ путемъ. Очевидцы рассказывали, что въ обширныхъ пустыняхъ между Астраханью и Москвой путешественники иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались безъ хлѣба, питаясь дичью и рыбой. Въ XVII столѣтіи Нижній Новгородъ сдѣлался очень важнымъ распредѣлительнымъ пунктомъ товаровъ между Москвой, востокомъ и юго-востокомъ. Особенное значеніе приобрѣла ярмарка у монастыря св. Макарія Желтоводскаго подъ Нижнимъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ Москвы шелъ еще одинъ путь для торговли съ магометанскими странами, именно къ Дону. Во времена Герберштейна въ Данковѣ нагружались суда, отправлявшіеся въ Азовъ, Каау и Константинополь. Эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, потому что лѣтомъ Донъ по мелководью не подымалъ большихъ судовъ. Изъ Данкова до Азова плыли 20 дней. Азовъ былъ весьма значительнымъ центромъ, въ которомъ происходилъ обмѣнъ товаровъ между московскими купцами, татарами и турками; здѣсь московскіе купцы вымѣнивали на мѣха шелковыя и шерстяныя матеріи и драгоценныя камни.

Москва была центромъ торговыхъ путей, связывавшихъ ее съ различными русскими областями и съ иноземными государствами. По этимъ путямъ въ Москву свозилось множество товаровъ, и по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ путешественникъ могъ замѣтить усиленіе торговаго движенія.

Торговое оживленіе было замѣтно какъ по сухопутью, такъ особенно на Москвѣ-рѣкѣ. По этой рѣкѣ ежегодно отправлялись большіе караваны судовъ на Оку и далѣе къ Волгѣ. Еще до завоеванія Астрахани изъ Москвы ежегодно ходили суда за солью и рыбой. Съ присоединеніемъ Астрахани къ Московскому государству это движеніе еще болѣе оживилось. Такъ, въ 1636 году Олеарій видѣлъ на Москвѣ-рѣкѣ много большихъ судовъ, шедшихъ изъ Астрахани къ столицѣ съ медомъ, солью и соленой рыбой. Изъ внутреннихъ областей суда отправлялись къ Астрахани весною, когда полая вода давала больше возможности судамъ безпрепятственно передвигаться.

Суда, ходившія по Москвѣ-рѣкѣ, были небольшого размѣра; это были струги тоннъ въ 30. Эти мелководныя суда были приноровлены къ глу-

бинѣ рѣкъ Оки, Москвы-рѣки и верхней Волги. По словамъ де-Родеса, большіе волжскіе суда не шли далѣе Нижняго и развѣ только при высокой водѣ доходили до Ярославля. Такимъ образомъ въ Нижнемъ совершалась перегрузка товаровъ. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ иностранцевъ (напр., Герберштейнъ) считали путешествіе по Москвѣ-рѣкѣ не совсѣмъ удобнымъ. Между прочимъ замѣтимъ, что путь рѣчной отъ Москвы до Коломны въ 120 верстѣ совершался въ 24 часа при безостановочномъ передвиженіи.

Сухопутныя дороги подъ Москвой также отличались оживленіемъ, вызывавшимъ удивленіе иноземцевъ.

За двѣсти миль отъ Москвы, на пространствѣ между Москвою и Ярославлемъ, еще въ половинѣ XVI вѣка, замѣчалось торговое оживленіе. Вся эта область была усѣяна дереvушками, по словамъ Ченслера, переполненными народомъ. Вся эта область изобиловала хлѣбомъ, который доставлялся въ Москву ея обитателями въ громадномъ количествѣ. По дорогѣ можно было встрѣтить обозы въ 700 и 800 саней, везущихъ хлѣбъ или рыбу въ Москву. Кромѣ того, съ сѣвера туда же привозили мѣха и шкуры.

Торговля привлекала въ Москву множество иностранныхъ купцовъ, которые съѣзжались изъ Германіи и Польши для покупки разныхъ мѣховъ, занимавшихъ въ московской торговлѣ первое мѣсто. По словамъ Николая Варкоча (1593 г.), въ Москву въ большомъ числѣ съѣзжались туземные и иностранные купцы изъ очень отдаленныхъ краевъ: изъ Турціи, Татаріи, Персіи, Туркменіи, Кабардинской, Грузинской, Черкасской и другихъ земель, и вели здѣсь торговлю превосходными товарами: соболями, куницами и разными мѣхами, воскомъ, льномъ, саломъ и другими товарами, которые въ великомъ множествѣ свозятся отовсюду въ Москву. Дѣйствительно, въ Москвѣ толпились иностранцы различныхъ націй. Сюда заѣзжали даже индійскіе армяне съ своими товарами. Въ 1663 году они привезли перстни, нашивки, матеріи, благовонія, ладанъ и проч. и, кромѣ того, получили разрѣшеніе отъ правительства доставлять въ аптекарскій приказъ чипучинный корень. Съ бухарцами Москва обмѣнивалась пряностями, мускусомъ, сѣрой, амброй и другими москательными товарами. Часть китайскихъ товаровъ отправлялась въ Москву изъ Тобольска, другая же часть—въ Архангельскъ. Византійскіе греки, пользовавшіеся въ Москвѣ особыми привилегіями, ежегодно привозили въ столицу драгоценныя камни, жемчугъ, металлическія издѣлія, разныя женскія украшенія и конскіе приборы, равнымъ образомъ турецкія ткани и матеріи. Они получали въ Москвѣ особенно внимательный пріемъ, кормъ отъ казны хлѣбомъ и мясомъ и имѣли свое мѣстопробываніе въ особомъ греческомъ подворьѣ. Астраханскій ханъ ежегодно отправлялъ своего посла къ великому князю. Съ этимъ посломъ шелъ цѣлый караванъ татарскихъ торговцевъ съ джедскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они вымѣнивали на мѣха, сѣдла, мечи и другія вещи. Послѣ покоренія Астрахани особенное значеніе пріобрѣлъ торгъ лошадьми, которыхъ пригоняли татарскіе мурзы изъ Астрахани. Это была систематически поставленная

торговля. Количество ежегодно пригоняемых лошадей, по словам Котошихина, достигало 50 тысячъ.

Нечего и говорить, что съ установленіемъ торговыхъ сношеній черезъ Архангельскъ съ Западной Европой, черезъ Москву направлялись въ значительной мѣрѣ всѣ товары, привозимые съ Запада, и отсюда уже распредѣлялись по другимъ мѣстностямъ Россіи. Известно, что московское правительство очень внимательно относилось къ торговымъ иноземцамъ. Въ Москвѣ не любили только купцовъ изъ Польши и Литвы.

Съ другой стороны, Москва была мѣстомъ обмѣна русскихъ произведеній на иностранныя. Неудивительно поэтому, что она скопляла въ своихъ стѣнахъ изобиліе всевозможныхъ товаровъ. Особенно поражало иностранцевъ (напримѣръ, Павла Іовія) обиліе и дешевизна жизненныхъ припасовъ. По словамъ Барбаро, въ Москвѣ изобиліе хлѣба и мяса такъ велико, что говядину продаютъ на глазомѣръ. «Зимою, рассказываетъ онъ, — привозятъ въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно купить до 200 штукъ». Это въ самомъ дѣлѣ большое количество, если вспомнить, что царскій и боярскіе дворы получали необходимые жизненные продукты изъ своихъ вотчинъ и, слѣдовательно, не нуждались въ привозныхъ припасахъ. Майербергъ въ восхищеніи отъ торговаго движенія въ Москвѣ: «Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. Поэтому хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями».

Привозъ на московскій рынокъ жизненныхъ продуктовъ былъ настолько великъ, что дешевизна ихъ удивляла иностранцевъ. Мы только что видѣли, какъ итальянца Барбаро поразилъ фактъ продажи говядины не на вѣсъ, а на глазомѣръ; онъ же сообщаетъ, что за одинъ маркъ можно было купить 4 фунта мяса; 70 куръ стоили червонецъ; по словамъ Іовія, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребыванія Контарини въ Москвѣ 30 четвериковъ пшеницы стоили червонецъ; такъ же дешево продавался и прочій хлѣбъ; 3 фунта мяса стоили 1 сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ—1 червонецъ, а самый лучший гусь не болѣе 3 сольдовъ. Контарини видѣлъ на московскихъ рынкахъ много зайцевъ, другой дичи совсѣмъ не было видно. Герберштейнъ говоритъ, что мѣра хлѣба продавалась въ Москвѣ за 4 или 6 денегъ. Но ко всѣмъ извѣстіямъ иностранцевъ надо относиться съ извѣстнаго рода осторожностью въ той части ихъ, которая касается цѣнъ на жизненные продукты. Очень возможно, что въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣковъ эти цѣны были относительно дешевы, но уже съ половины XVII вѣка Москва часто терпѣла дороговизну, именно на московскую мѣрку. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ вопроса о цѣнахъ, Москва

дѣйствительно привлекала къ себѣ огромную массу всевозможныхъ продуктовъ мѣстнаго производства, какъ въ видѣ сырья, такъ и въ видѣ ремесленныхъ издѣлій. Москва была центромъ, распредѣлявшимъ предметы потребленія, особенно въ торговлѣ съ иностранцами.

Въ Москву дѣйствительно свозились самые разнообразныя продукты потребленія. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, живая рыба въ особыхъ садкахъ доставлялась изъ Бѣлоозера черезъ Ярославль въ Москву; это была казенная рыба, продававшаяся въ Москвѣ отъ казны. Кромѣ того, свозилось много рыбы и частными промышленниками, монастырями. Подвозъ въ Москву икры изъ Астрахани въ значительной мѣрѣ обусловливался тѣмъ, что мягкая или паюсная икра составляла монополию казны. Въ половинѣ XVII вѣка никто не смѣлъ ею торговать, исключая откупщиковъ, которые снимали казенныя икряныя учуги. Икра свозилась въ Москву обыкновенно зимою на саняхъ и здѣсь поступала въ розничную продажу. По словамъ де-Родеса, ежегодно въ царскую казну доставлялось отъ 3 до 4 тысячъ бочекъ икры, при чемъ каждая бочка содержала въ себѣ отъ 40 до 60 пудовъ; отъ торга икры царское величество, по его словамъ, получаетъ ежегодный значительный доходъ. По словамъ Ченслера, всѣ окрестныя мѣстности доставляли въ Москву рыбу и соль; рыба доставлялась соленой.

Наряду съ другими жизненными припасами торговля хлѣбомъ составляла очень важную статью московскаго торга. Въ Москву хлѣбъ въ большомъ количествѣ подвозился окрестными крестьянами по Москвѣ-рѣкѣ, а также и сухопутьемъ, но этого подвоза хлѣба далеко не хватало для столицы съ ея большимъ количествомъ ремесленнаго населенія и приѣзжаго люда. Поэтому хлѣбная торговля въ Москвѣ представляла собою промыселъ значительнаго количества московскихъ купцовъ, которые иногда искусственно подымали цѣны на хлѣбъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что въ Москвѣ были развиты куреніе вина и пивоваренное дѣло. Поэтому московскіе купцы, не довольствуясь случайнымъ привозомъ хлѣба, дѣлали обширныя закупки его и по областямъ. Въ половинѣ XVII стол. можно намѣтить нѣсколько крупныхъ отдаленныхъ пунктовъ хлѣбородной Украины, гдѣ производилась усиленная скупка хлѣба для московскаго рынка. Такими пунктами были преимущественно рязанскіе города: Дѣдиловъ, Гжатскъ, Темниковъ, Красная Слобода, сама Рязань; большія закупки хлѣба производились также въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ послѣднемъ городѣ производилась также оптовая закупка и рыбы для московскаго рынка.

Во всякомъ случаѣ усиленный спросъ на хлѣбъ въ Москвѣ уясняется не только фактомъ подвоза этого продукта на мѣстный рынокъ, не только жалобами на дороговизну хлѣба, которыя рѣзко начинаютъ слышаться съ половины XVII вѣка, но также и тѣмъ фактомъ, что московскія хлѣбныя цѣны вообще были выше провинціальныхъ. Это можно констатировать по крайней мѣрѣ для 2-й половины XVII вѣка, когда свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ становятся болѣе полными. Такъ, табличка, имѣющаяся въ изслѣдованіи профессора Ключевскаго о цѣнѣ русскаго рубля, уясняетъ намъ, что средняя московская цѣна на различные виды хлѣба въ этотъ періодъ была выше, и иногда значительно, провинціальныхъ цѣнъ. Такъ,

цѣна за четверть ржи въ теченіе полустолѣтія въ среднемъ была 72 коп. Между тѣмъ въ малопродуктивномъ Великомъ Новгородѣ она доходила только до 66 коп., въ Вологдѣ, находившейся въ такомъ же положеніи, четверть ржи иногда стоила 40 коп., въ Олонцѣ—50 коп.; въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ цѣна ржи была гораздо дешевле: въ Казани въ концѣ XVII вѣка четверть стоила 20 коп., въ Свіяжскѣ въ концѣ XVI вѣка—25 коп., даже въ Нижнемъ—только 37 коп., несмотря на то, что здѣшній рынокъ самъ былъ потребителемъ продукта, свозившагося изъ провинціи. Очевидно, въ зависимости отъ урожая и подвоза хлѣба московскій рынокъ давалъ значительныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ, въ концѣ XVI вѣка, по словамъ Флетчера, четверть пшеницы въ Москвѣ стоила очень дешево, — всего 2 алтына, но въ неурожайные годы цѣна ея доходила до 13 алтынъ. Цѣна ржаной муки при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ среднемъ была отъ 8 до 12 алтынъ за четверть, а въ первую половину царствованія Алексѣя Михайловича четверть ея уже стоила обычно 18 алтынъ.

Кромѣ жизненныхъ продуктовъ въ Москву свозился рядъ другихъ, частью составлявшихъ предметъ мѣстнаго потребленія, частью составлявшихъ предметъ обмѣна на иноземныя произведенія, частью подвергавшихся переработкѣ въ Москвѣ. Уже одно количество мѣстъ продажи лѣсного товара и сѣна указываетъ на значительный подвозъ этихъ продуктовъ въ Москву. Но можно указать и на болѣе дорогіе товары, свозившіеся сюда. Такъ, изъ далекой Астрахани въ большомъ количествѣ привозили въ Москву овчины, черную, темную и бѣлаго цвѣта въ перемежку съ чернымъ. По словамъ Таннера, этотъ товаръ весьма цѣнился въ Москвѣ. Вообще мѣха всякаго рода почти исключительно проходили черезъ московскій рынокъ. По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ бывали собольи мѣха, продававшіеся иногда по 20 или 30 золотыхъ или рублей, но ему самому такихъ мѣховъ не удалось видѣть. Въ XVII вѣкѣ нѣкоторые собольи мѣха продавались въ Москвѣ рублей по 100 и болѣе; маленькіе же стоили по одному рублю. Горностаевые мѣха продавались по 3 и 4 рубля за шкурку. Особенно цѣнилась черная лисица, шедшая обыкновенно на шапки. Бѣличьи мѣха привозились связками. Бобровые мѣха были также въ большой цѣнѣ. Больше всего иностранцевъ поражали собольи мѣха. «Какъ по достоинству, такъ и по цѣнности, говоритъ Таннеръ, главное мѣсто занимаютъ собольи мѣха, превосходное качество которыхъ извѣстно всему свѣту. Звѣрьки эти ловятся миляхъ въ 200 за Москвою, въ дремучихъ лѣсахъ. Чѣмъ холоднѣе зима, тѣмъ мѣхъ чернѣе, гуще и длиннѣе волосомъ, а потому и дороже; цѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ въ самой Москвѣ доходитъ до 100 рублей (такъ называется тамъ золотой); самому небольшому цѣна одинъ золотой». Большое количество мѣховъ доставлялось изъ сѣвернаго края: во всемъ Подвиньѣ на Мурманскомъ берегу, на Пинегѣ было много промышленниковъ изъ Холмогоръ и другихъ мѣстъ, которые вымѣнивали у самоѣдовъ мѣха на сукно, олово, мѣдъ и другіе товары и отвозили ихъ въ Новгородъ, Вологду и особенно Москву. Москва была также главнымъ рынкомъ по торгу си-

бирскими мѣховыми товарами. Кромѣ мѣховъ въ Москву доставлялось большое количество кожъ. Де-Родесъ рассказываетъ о томъ, что лосиные шкуры направляли изъ Сибири частью въ Архангельскъ, частью въ Москву. Лоси, говоритъ онъ, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ государства, доставляются изъ одного города въ другой, и все, чего простой народъ не можетъ сбыть мѣстнымъ купцамъ, то привозится въ Москву для продажи иностраннымъ купцамъ. Если же и съ ними не стоворятся, то они ѣдутъ далѣе зимнимъ путемъ до Вологды. Здѣсь лежитъ товаръ до вскрытія рѣкъ, и потомъ уже они спѣшатъ на архангельскую ярмарку. Другія же кожи, изготовляемыя въ Новгородской и Псковской областяхъ, безъ всякаго сравненія хуже вышеупомянутыхъ.

Наряду съ Ярославлемъ, Костромой (по извѣстію де-Родеса) Москва была мѣстомъ, гдѣ привозимыя кожи подвергались переработкѣ и поступали въ продажу.

Изъ другихъ предметовъ, доставлявшихся въ Москву для переработки, можно упомянуть о воскѣ, который поступалъ въ Москву въ большомъ количествѣ и перерабатывался частью на свѣчи, частью шелъ въ продажу за границу; безъ сомнѣнія, ленъ подвергался въ Москвѣ также въ значительной мѣрѣ переработкѣ, для какой цѣли въ самой Москвѣ была особая Хамовническая государева слобода. Потребностью въ льнѣ для его переработки въ самой Москвѣ объясняются старанія правительства царя Алексѣя Михайловича разводить ленъ подъ Москвой.

Какъ уже выше было замѣчено, царская торговля съ ея монопольнымъ характеромъ способствовала привлеченію товаровъ къ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые товары шли исключительно или въ значительной степени проходили черезъ царскую казну. Такъ, царь дѣлалъ большую закупку бархата, атласа, камки, парчи, тонкихъ суконъ, которыми награждалъ служилыхъ людей за ихъ службу. Для того, чтобы царская казна могла дѣлать выборъ товаровъ, нѣкоторые пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы (напр., греки) обязаны были свои товары прежде всего предъявлять для осмотра особымъ царскимъ гостямъ. Послѣ осмотра товары везли къ царю, и царь выбиралъ изъ нихъ то, что ему нравится. Затѣмъ такой же выборъ дѣлали гости, и только остальное могли продавать купцы, кому угодно. Въ обмѣнъ на товары имъ выдавались изъ казны соболы и другіе мѣха. Вообще царская казна старалась держать въ своихъ рукахъ торговлю мѣхами и во всякомъ случаѣ выбирать изъ нихъ самый лучший товаръ. При Феодорѣ Иоанновичѣ купцы отъ казны посылались для покупки мѣховъ. Кромѣ того, казна получала много мѣховъ въ качествѣ дани отъ сибирскихъ инородцевъ и въ качествѣ пошлины, платимой торговцами за мѣха, купленные ими въ Сибири. Вообще торговля мѣхами была весьма стѣснена конкуренціею казны. Сибирскимъ купцамъ запрещалось покупать у инородцевъ ранѣе сбора ясака. При Алексѣѣ Михайловичѣ купцамъ запрещалось имѣть и продавать мѣха высокаго достоинства, и для купеческихъ мѣховъ была назначена невысокая цѣна. Стѣсненіе мѣховой торговли вело къ обходу правительственныхъ распоряженій и разнаго рода злоупотребленіямъ. Во избѣжаніе этого въ 1697 году

запрещено было совершенно частнымъ торговцамъ покупать въ Сибири мѣха соболя и черныхъ лисицъ, и торговля этими мѣхами, наиболѣе дорогими, сосредоточилась исключительно въ рукахъ казны: только у нея частные торговцы могли покупать для продажи мѣха. Въ Москвѣ были особыя казенныя лавки, въ которыхъ продавались мѣха. Съ другой стороны, по словамъ Таннера, московскіе торговцы были весьма привычны къ мѣховой торговлѣ, и московскіе скорняки дошли до такого совершенства, что умѣли отлично выдѣлывать эти мѣха, рѣзать на куски и мастерски сшивать какіе угодно мелкіе кусочки; изъ крошечныхъ кончиковъ собольихъ хвостовъ они умѣли сшивать вельможамъ прелестнѣйшіе рукава цѣною въ 6 или 8 золотыхъ.

И другіе цѣнные товары, разъ дѣлались монополіей казны, исключительно проходили черезъ московскій рынокъ. Кромѣ царской торговли расширенію торговаго значенія Москвы въ сильной мѣрѣ способствовала и торговая политика Московскаго правительства. Оно стремилось привлечь торговцевъ къ московскому рынку. Когда въ Москвѣ замѣтили уменьшеніе доставки лошадей изъ южнаго Поволжья, астраханскіе воеводы получили государевъ указъ говорить съ большимъ прилежаніемъ ногайскимъ и другимъ татарскимъ мурзамъ и табуннымъ головамъ, равно и калмыкамъ о томъ, чтобы они пригоняли возможно большіе табуны въ Москву. Московское правительство охотно шло на челобитья черныхъ сотенъ и слободъ и разсылало указы во всѣ московскіе города о томъ, чтобы изъ низовыхъ и украинскихъ городовъ всякіе люди везли хлѣбъ къ Москвѣ и чтобы здѣсь его продавали вѣрною цѣною не изъ большихъ прибытковъ. Такое же предложеніе дѣлается и солеварамъ, которые торгуютъ солью въ Москвѣ оптомъ, и солянымъ прасоламъ, которые продаютъ соль въ развѣсъ. Всѣмъ, кто будетъ продавать означенные товары съ великою прибылью, указъ угрожаетъ великой опалой и казнью. Надо замѣтить, что около этого времени дѣйствительно чувствовался въ Москвѣ недостатокъ привознаго хлѣба: де-Родесъ сообщаетъ, что въ его время четверть хлѣба въ Москвѣ стоила по 1 рублю, тогда какъ въ Казанской и Нижегородской областяхъ она продавалась по 15—25 коп.; а въ Ярославской, Ростовской и Вологодской—отъ 36 до 50 коп.

По отношенію къ иностранной торговлѣ, московская политика заключалась въ томъ, что иностранцы могли торговать преимущественно въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Архангельскѣ, притомъ могли вести только оптовую торговлю. Такимъ образомъ, иноземная торговля съ западными народами сосредоточилась въ небольшомъ числѣ пунктовъ, изъ которыхъ Москва все-таки была важнѣйшимъ. Только шведы и ливонцы могли торговать въ Новгородѣ, а греческій торгъ въ концѣ XVII вѣка былъ преимущественно сконцентрированъ въ Путивлѣ.

Московское правительство старалось собрать въ Москву и представителей русской торговли. Повидимому, уже со временъ великаго князя Василія Ивановича установился обычай, особенно развившійся при Иванѣ Грозномъ и состоявшій въ назначеніи въ составъ гостей и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ наиболѣе зажиточныхъ иногороднихъ

купцовъ. Эти купцы нужны были для царской службы по финансовому вѣдомству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденные перейти на жительство въ Москвѣ, они переносили сюда и свою торговую дѣятельность и здѣсь концентрировали свои капиталы. Такимъ образомъ искусственно были стягиваемы въ Москву капиталисты изъ всѣхъ посадовъ. Но честь быть пожалованнымъ въ гостиную и суконную сотни далеко не всегда совпадала съ желаніями самихъ жалуемыхъ и чаще нарушала ихъ торговые интересы. Отсюда мы видимъ борьбу иногородняго купечества съ московскимъ: послѣднее стремилось увеличить свой составъ для облегченія своей службы у государева дѣла, а иногородніе купцы иногда протестовали противъ такого выбора. Такъ, въ 1648 году государю было подано челобитье отъ посадскихъ людей разныхъ городовъ о томъ, что по государеву указу взяты изъ городовъ для московскихъ и отъѣзжихъ службъ торговые посадскіе люди, и челобитчики просятъ не велѣть «тѣхъ людей изъ городовъ въ гостиную и суконную сотни имать». Гости и торговые люди гостинной и суконной сотней въ сказкѣ написали, очевидно, вслѣдствіе запроса правительства, что имъ слѣдуетъ служить московскія службы у Архангельскаго города, а въ Астрахани, Казани и въ Нижнемъ будутъ служить ярославцы, а въ другихъ городахъ—гдѣ кто живетъ. Городовые посадскіе люди тоже подали сказку, въ которой предлагаютъ иногородцамъ нести таможенную кабацкую службу по городамъ, вмѣсто московскихъ. На основаніи этого былъ изданъ указъ, по которому московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ гостинной и суконной частей, «да съ ними патриаршимъ и властелинскимъ и монастырскимъ крестьянамъ» служить московскія службы въ Архангельскѣ и въ Холмогорахъ. Иногородніе посадскіе люди оставлены на этотъ разъ въ своихъ городахъ.

Источники не даютъ намъ возможности количественно опредѣлить, въ какой мѣрѣ иногородніе купцы вызывались для переселенія въ Москву; равнымъ образомъ еще труднѣе опредѣлить размѣръ тѣхъ капиталовъ, которые такимъ путемъ переливались изъ провинціи въ столицу. Слѣдуетъ однако думать, что пополненіе московскихъ сотенъ иногородними торговцами происходило довольно часто и въ значительномъ, при слабомъ развитіи тогдашняго капитализма, количествѣ. Уже переселеніе 7000 чело-вѣкъ изъ Новгорода въ Москву послѣ его разгрома, повидимому, является первою мѣрой такого пополненія иногородними торговыми и промышленными людьми московскаго купечества. Рядъ топографическихъ названій въ Москвѣ свидѣтельствуетъ, что новгородцы были поселены именно въ столицѣ и заселили здѣсь нѣсколько мѣстностей. Такъ, было извѣстно Новгородское подворье въ Китай-Городѣ съ церковью пророка Іліи. Новгородская сотня находилась въ Бѣломъ Городѣ у Николы въ Гнѣздникахъ, и, кромѣ того названія нѣсколькихъ московскихъ улицъ тождественны съ новгородскими: Лубянка, Варварка и др.

Переселеніе псковичей въ Москву имѣло, очевидно, тотъ же характеръ; они оставили свой слѣдъ въ названіяхъ: Псковская гора у церкви св. Георгія и Псковскій переулокъ; Псковское подворье было въ Зарядѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что мѣста, заселенныя новгородцами и пско-

вичами, приурочиваются къ центру Китай-Города, и представляютъ собой самыя бойкія мѣста по торговлѣ въ Бѣломъ Городѣ; такимъ образомъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что торгово-промышленная жизнь Москвы XVI и XVII вѣковъ въ значительной мѣрѣ является традиціей Новгородской и Псковской торговли. Очень возможно, что и нѣкоторыя другія топографическія названія Москвы берутъ свое начало отъ торговыхъ переселенцевъ, переведенныхъ въ Москву волею правительства (Дмитровка, Тверская, Устюжская сотня и нѣкоторыя другія). Кромѣ того, въ Москвѣ былъ рядъ подворьевъ, названія которыхъ указываютъ на то, что они были мѣстомъ остановки торговцевъ изъ другихъ городовъ, каковы: Елецкое, Тульское, Нижегородское и др. Само московское купечество алчно смотрѣло на проявленія торгово-промышленной жизни въ провинціи и старалось привлечь иногородцевъ къ тяжелымъ государевымъ службамъ, возлагавшимся на московское купечество. Въ 1675 году торговые люди гостиной и суконной сотенъ докладываютъ правительству, что въ Двинской землѣ на посадахъ и въ уѣздахъ знающихъ и прожиточныхъ и богатыхъ торговыхъ и промышленныхъ людей много, почему и просятъ о переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москву.

Московское правительство стягивало къ Москвѣ не только торговыхъ людей, но съ еще большей настойчивостью стремилось выбрать изъ провинціи наиболѣе искусныхъ ремесленниковъ. Сдѣлалось на Москвѣ извѣстнымъ, что въ Астрахани есть черкесы, отличающіеся искусствомъ выдѣлывать булатные сабли и панцыри, и царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ потребовать ихъ въ Москву. Въ XVI вѣкѣ особенно часто вызывались въ Москву новгородскіе ремесленники. Въ 1556 году, по указу царя Ивана были высланы въ Москву серебряные мастера Артемка да Родіонка Петровы съ ихъ дѣтьми и братьями, «которые ихъ братья и дѣти горазди серебромъ образовъ окладывати».

Быть можетъ, при большемъ накопленіи нашихъ свѣдѣній, окажется, что и развитіе ремеслъ въ Москвѣ въ значительной мѣрѣ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ приливъ ремесленниковъ изъ Новгорода. Въ самомъ дѣлѣ, московское правительство весьма было занято собираніемъ иногородныхъ ремесленниковъ, нужныхъ въ Москвѣ для государственнаго дѣла. Въ 1566 г. Иванъ IV издалъ указъ о томъ, чтобы дѣти боярскіе и всякіе другіе люди не продавали нѣмецкихъ плѣнниковъ въ Литву и нѣмцамъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Всѣхъ нѣмецкихъ плѣнниковъ, у кого бы они ни находились, умѣющихъ дѣлать серебряную руду, серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло, приказано доставлять въ Москву. Въ 1671 г. изданъ былъ государевъ указъ о томъ, чтобы изъ Великаго Новгорода были присланы въ Москву иконописцы самаго добраго мастерства. Вызывались въ Москву и мастера изъ другихъ городовъ. Такъ, въ 1676 году указано выслать къ Москвѣ изъ вотчинъ Кириллова монастыря каменщиковъ, въ 1680 г. по государеву указу изъ Бѣлоозера должны были быть высланы къ Москвѣ каменщики, кирпичники съ дѣтьми, братьями, сосѣдями и захребетниками; въ 1681 году снова затребованы къ Москвѣ изъ Бѣлоозера записные каменщики и кирпичники

по росписи и, которые сыщутся сверхъ росписи вновь, указано забрать ихъ самихъ, ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и сосѣдей и захребетниковъ; равнымъ образомъ сыскать тѣхъ, которые дѣлали ранѣе государево дѣло на Москвѣ и сбѣжали. Если эти каменщики ѣхаютъ къ Москвѣ не захотятъ, то ихъ приказано штрафовать. Въ 1663 году велѣно было собрать въ Вологодскихъ монастырскихъ вотчинахъ скорняковъ и портныхъ мастеровъ съ 10 человекъ по 2 и выслать ихъ въ Москву съ женами и дѣтьми. Иногда указы о высылкѣ мастеровыхъ охватывали всѣ посады и уѣзды. Въ 1678 году указано было выслать къ Москвѣ всѣхъ замочныхъ мастеровъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ; тогда же такая же грамота была отправлена на далекій востокъ къ Кунгурскому воеводѣ. Въ 1658 году было указано о высылкѣ въ Москву изъ всѣхъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, изъ митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ селъ и деревень портныхъ мастеровъ, по два человекъ съ десяти. Мастера должны быть высланы въ Москву на житье. Кромѣ того, требуется выслать съ монастырскихъ и властелинскихъ вотчинъ добрыхъ скорняковъ, сколько гдѣ будетъ. При выборѣ ремесленниковъ правительство иногда встрѣчало сопротивленія и обманы. Иногда вмѣсто ремесленниковъ высылались въ Москву простые посадскіе люди по ложному клевету. Иногда мастеровые люди скрывались и убѣгали отъ московскихъ розыскщиковъ, почему ихъ приходилось ловить и подъ конвоемъ доставлять въ Москву: «а будетъ, говоритъ одна грамота, Ортемій Мочилниковъ съ братьями да Федоръ Свирѣповъ съ братьями жъ ухоронятся, и ты бѣ для розыски велѣлъ дать Максиму пушкарей и розыскщиковъ, сколько человекъ пригоже; а котораго числа Ортемья Мочилникова съ братьями да Федора Свирѣпова съ братьею же Максиму отдашь, и ты бѣ о томъ описалъ къ намъ, къ Москвѣ».

Вообще провинціальныя мастеровые люди были на учетѣ у московскаго правительства и вызывались немедленно сюда, какъ только въ нихъ оказывалась надобность. Въ Москвѣ извѣстно, какъ оказывается изъ царской грамоты 1655 г., что есть тихвинецъ заварщикъ Ивашка Чапланъ да замочникъ Прошка, которыхъ и велѣно взять московскимъ мастерамъ въ прибавку, для подкрѣпленія. За медленность въ присылкѣ мастеровъ во всѣхъ случаяхъ угрожается опалой и жестокимъ наказаніемъ. Мастеровъ не только собираютъ въ Москву, но для того, чтобы они не разбѣжались, на нихъ требуютъ поручныя записи отъ ихъ односельчанъ. Когда мастера сбѣжались въ Москву, въ приказахъ испытывалось ихъ умѣнье дѣлать то или другое мастерство, не умѣющихъ отсылали обратно и требовали взаменъ ихъ добрыхъ мастеровъ. Правительство не только старалось заполучить въ Москву нужное количество мастеровъ изъ провинціальныя городовъ, но съ начала XVII вѣка охотно выписывало ихъ изъ-за границы; вообще количество послѣднихъ было достаточно велико по разнымъ отраслямъ производства, при чемъ однако иностраннымъ мастерамъ ставилось обязанностью обучать русскихъ людей.

Мастеровые люди выписывались изъ провинцій, какъ и всякіе служилые люди, для государевыхъ нуждъ, т. е. для государственныхъ и дворцо-

выхъ. Но не трудно замѣтить, что московское правительство было весьма запасливо въ наборѣ мастеровъ и выписывало ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно было въ дѣйствительности. Оно, видимо, избѣгаетъ привлекать къ казенному дѣлу живущихъ въ Москвѣ ремесленниковъ и переселяетъ изъ провинціи. Такъ, вызовы скорняковъ и портныхъ очень часты во второй половинѣ XVII вѣка, между тѣмъ количество этого рода мастеровыхъ въ самой Москвѣ въ это время весьма значительно. Такая позиція правительственной политики вполне понятна: переводъ къ казенному дѣлу московскихъ мастеровыхъ отрывалъ бы ихъ отъ тѣхъ государевыхъ нуждъ, которыя они несли вмѣстѣ съ слободами и сотнями, слѣдовательно, ослаблялъ бы тягловую силу московскаго посада, несшаго притомъ и государеву службу по финансовому вѣдомству. Кромѣ указанной реальной нужды въ усиленіи московскаго посада для службъ, надо имѣть въ виду и то весьма важное обстоятельство, что московское правительство безспорно не безсознательно стягивало рабочій людъ въ Москву для того, чтобы усилить производительность столицы. Оно стремилось, какъ было видно изъ предыдущаго, все лучшее въ этой области привлечь къ Москвѣ. И другія данныя говорятъ намъ о томъ же. Такъ, Холмогорская сторона издревле славилась работой отличныхъ гребней, и оттуда вызывали мастеровъ въ царскій дворецъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ о качествѣ квасовъ, изготовляемыхъ въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, то государь посылалъ туда «для ученія квасного варенья» своихъ хлѣбниковъ и пивоваровъ.

Но возвратимся къ фактамъ вызова мастеровъ въ Москву. Каждый разъ вызовъ сопровождался рядомъ жалобъ, расходовъ и уклоненій отъ исполненія повинности мѣстнымъ населеніемъ. Съ бытовой стороны эти факты представляютъ собой не малый интересъ потому, что знакомятъ насъ съ тѣмъ напряженіемъ, которое испытывали провинція и отдѣльныя лица съ каждымъ вызовомъ мастеровъ. Мы познакомимся съ нѣкоторыми изъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи дѣлъ. Въ 1663 году былъ произведенъ значительный вызовъ портныхъ мастеровъ—изъ городовъ и изъ монастырскихъ сель. Вызовъ понадобился для Крымской клади, т. е. для работъ по подготовкѣ подарковъ Крымскому хану и его двору. Началась длительная переписка заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Государевы богомольцы, монахи Пречистенскаго Переяславля Залѣскаго монастыря, бьютъ челомъ государю и просятъ, чтобы у нихъ изъ монастыря взяты были портные мастера не по два человѣка съ десяти, какъ требовала государева грамата, а только по одному, какъ это бывало раньше. Портные мастера, вызванные изъ города Переяславля Залѣскаго, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, тоже оказались въ числѣ челобитчиковъ. Ихъ челобитье вскрываетъ интересную картину отправленія мастеровъ въ Москву отъ городовъ. Выбранные изъ Переяславля портные мастера получили отъ мѣстныхъ портныхъ мастеровъ особыя подможныя деньги въ количествѣ 225 руб. на каждого человѣка. Выборы производились по жребію, при чемъ оказывается, что двое мастеровъ пошли по жребію и получили указанную подмогу, а двое изъ переяславцевъ пошли добровольно, при чемъ взяли уже подможныхъ денегъ по 400 руб. на человѣка. Какъ видимъ,

небольшая посадская община несетъ очень большой расходъ по отправкѣ мастеровъ. Но въ данномъ случаѣ недоразумѣніе было еще большее. Портные мастера получили подможную сумму мѣдными деньгами, но когда пріѣхали въ Москву, то уже обращеніе мѣдныхъ денегъ было прекращено, и они оказались въ затруднительномъ положеніи: приносили свои мѣдныя деньги въ Приказъ, но ихъ тутъ никто не принялъ. Ярославскій земскій староста и вся община били челомъ государю по другому поводу. Они выбрали семь человекъ мастеровъ изъ Ярославля, но избранные мастера бѣжали изъ Москвы и указали при этомъ на нѣкоторыхъ ярославскихъ посадскихъ людей, какъ на занимающихся портняжнымъ дѣломъ. Последнихъ уже успѣли забрать въ Москву, но земскій староста въ своемъ челобитѣ объясняетъ, что забранные вмѣсто бѣжавшихъ 7 человекъ занимаются торговымъ дѣломъ, а не портняжнымъ, и переселеніе ихъ въ Москву вызоветъ усиленіе въ Ярославлѣ на остальныхъ тяглецахъ налогового тягла. Очевидно, посадъ настойчиво отстаивалъ лучшихъ тягловъ и охотно отпускалъ маломочныхъ плательщиковъ. Такъ поступали и частныя владѣльцы. Тяглый крестьянинъ Ипатьевского въ Костромѣ монастыря Меркушка Андреевъ говоритъ о томъ, что его переселили въ Москву для портняжнаго дѣла, а между тѣмъ онъ старъ и слѣпъ, портняжить не умѣетъ, проситъ отпустить его въ Кострому, тѣмъ болѣе, что уже на Москву взять къ скорняжному дѣлу его сынъ Дениска и поселенъ здѣсь на вѣчное житіе. Ярославскій посадскій человекъ портной мастеришка Микитка Васильевъ попалъ нѣсколько въ особое положеніе. Этотъ бѣдный и одинокій человекъ былъ выправленъ въ числѣ другихъ портныхъ изъ Ярославля въ Москву, жилъ тутъ полтора года, но за одиночество и бѣдность отпущенъ изъ Москвы, а на его мѣсто взять изъ Ярославля добрый и прожиточный мастеръ. Когда Микитка явился въ Ярославль, то тамъ его сочли бѣглецомъ и хотѣли вновь отправить въ Москву, очевидно, для того, чтобы не посылать прожиточнаго тяглеца. Скудость челобитчика уясняется и объективными данными: онъ взялъ отъ прожиточнаго мастера всего-на-всего 8 рублей за то, что замѣнилъ его, но съ условіемъ, что можетъ возратить деньги, въ случаѣ, если ему работа будетъ не въ мочь. Въ Бѣжецкомъ Верхѣ воевода долженъ былъ выслать скорняковъ по два человека съ то, да, кромѣ того, выслать и бѣжавшаго изъ Москвы портного мастера Гришку. Скорняковъ съ женами и дѣтьми и съ поручными по нихъ записями воевода выслалъ вмѣстѣ съ разсылщикомъ, а бѣглеца выслать не могъ, потому что послѣдній живетъ въ Москвѣ, избывая государева дѣла. Но оказывается, что воевода выслалъ ремесленниковъ, не подготовленныхъ къ скорняжному дѣлу. Мастеровые изъ Бѣжецкаго Верха бьютъ челомъ уже въ Москвѣ государю, что они—овчинники «и скорняшнаго дѣла мы, сироты твои, дѣлать отнюдь не умѣемъ, а дѣлаемъ государь овчинишко; вѣдомо, государь, про то всему городу и нынѣ, государь, мы, сироты твои, живучи на Москвѣ, скитаемся межъ дворъ». Вѣроятно, ихъ просьба соответствовала дѣйствительности, потому что они были отпущены изъ Москвы. Посадскій человекъ того же Бѣжецкаго Верха изъ Городца Гришка Черковъ указываетъ въ своемъ

86107
челобитьѣ, что онъ вовсе портняжнаго дѣла не умѣетъ, о чемъ вѣдомо
всему городу, и тоже былъ отпущенъ. Если присланные въ Москву
изъ провинціи ремесленники умирали въ Москвѣ, то вмѣсто нихъ требо-
валась присылка другихъ. Калужскіе посадскіе люди были поставлены въ
большое затрудненіе потому, что послѣ мороваго повѣтрія у нихъ не оказа-
лось портныхъ мастеровъ, которыхъ они бы могли послать взамятъ умер-
шихъ въ Москвѣ, отчего пришлось Казенному Приказу отказать. Во-
логодскій посадскій челоуѣкъ Тараско недоумѣваетъ въ своемъ челобитьѣ,
почему онъ оказался въ числѣ скорняковъ, тогда какъ онъ скорняжнаго
дѣла не умѣетъ и проситъ отпустить его изъ Москвы; но оказывается,
что въ Вологдѣ всѣ скорняки разбѣжались еще до полученія государевой
граматы о наборѣ скорняковъ; на произведенномъ разслѣдованіи оказалось,
что кто то Тараску «оболгалъ скорняшнымъ дѣломъ напрасно», потому
что онъ не умѣетъ дѣлать «съ младенчества» скорняжнаго дѣла. Холмо-
горскій воевода князь Щербатовъ выслалъ въ Казенный Приказъ 12 че-
лоуѣкъ портныхъ мастеровъ, но оказывается, что изъ присланныхъ иные
больны, иные живутъ уже въ Москвѣ въ стрѣльцахъ, есть въ спискѣ и
умершіе. Между прочимъ изъ этого дѣла выясняется, что изъ Двинскаго
уѣзда приказано было послать къ Москвѣ всѣхъ скорняковъ, а изъ порт-
ныхъ мастеровъ по 2 съ десяти. Неудивительно поэтому, что Холмогор-
скіе скорняки и портные мастера оказались въ Холмогорахъ и въ Архан-
гельскѣ записанными въ стрѣльцы и пушкари, а въ уѣздѣ—на крестьян-
ской пашиѣ. Воевода объясняетъ въ своей отпискѣ, что онъ не рѣшается
послать означенныхъ портныхъ мастеровъ и скорняковъ, потому что въ
государевой граматѣ указано взять ремесленниковъ изъ всякихъ чиновъ
людей; Двинской староста въ своемъ челобитьѣ государю указывалъ на
то, что многіе волостные крестьяне взяты въ государеву стрѣлецкую службу
и что будто бы у нихъ во всемъ уѣздѣ скорняковъ совсѣмъ нѣтъ, а есть
только овчинники. Впрочемъ, холмогорскій стрѣлецъ, очевидно рассыль-
щикъ, подалъ въ Казенномъ Приказѣ роспись Двинскимъ скорнякамъ и
портнымъ мастерамъ, но всѣ они показаны въ бѣглецахъ или въ стрѣль-
цахъ. Изъ Каргополя тоже было приказано выслать въ Москву всѣхъ
скорняковъ. Каргопольскій воевода приказалъ земскому старостѣ поставить
всѣхъ скорняковъ и портныхъ мастеровъ въ сѣзжую избу, но земскіе
люди обратились къ государю съ челобитьемъ объ облегченіи такого тре-
бованія.

Челобитье Каргопольскаго земскаго старосты заключается въ томъ,
что негдѣ взять въ Каргополѣ скорняковъ и портныхъ мастеровъ, потому
что тѣ мастера, которые намѣчены въ росписи, присланной изъ Москвы,
уже померли на государевой же службѣ въ Москвѣ, другіе померли, придя
изъ Москвы въ Каргополь, одинъ пошелъ въ попы, другой постригся въ
монахи, есть старые и слѣпые, въ немощи, другіе сбредли безвѣстно; что
касается мастеровъ, не помѣченныхъ въ приказной росписи, то всѣ они, ока-
залось, «разбрелись въ міръ за великою хлѣбною скудостью безвѣстно».

То же стремленіе скрыть количество мастеровъ или выслать вмѣсто
нихъ мало пригодный элементъ замѣтно и въ другихъ мѣстахъ провин-

ціи. Такъ изъ Саранска были высланы въ качествѣ скорняковъ и портныхъ мастеровъ стрѣльцы и казаки, ихъ отпустили изъ Москвы и приказали выслать новыхъ мастеровъ, но это оказалось дѣломъ нелегкимъ: Саранскіе скорняки оказались либо сѣжавшими, либо арестованными въ воровскомъ дѣлѣ, либо умершими, или, наконецъ, старыми и слѣпыми.

Вездѣ въ провинціи тяжело отзывалось требованіе правительства выслать мастеровыхъ людей съ женами и дѣтьми на вѣчное житіе въ Москву. Высылаемые уклонялись всячески отъ этой повинности, посадскіе люди всѣми мѣрами стремились удержать хорошихъ тяглецовъ. При высылкѣ правительство прибѣгало къ требованію перевода въ Москву женъ, дѣтей, при чемъ для этого требовалось иногда особое поручительство. Посадскіе же старосты въ свою очередь старались задержать у себя на посадѣ по крайней мѣрѣ семью переселеннаго.

Съ большимъ трудомъ собранные въ Москву мастеровые люди уклонялись отъ государева казеннаго дѣла, охотно поселяясь однако въ Москвѣ. Приказъ иногда требовалъ высылки изъ посадовъ бѣглецовъ или взамѣнъ ихъ новыхъ мастеровъ въ то самое время, когда присланные ранѣе, числясь въ избылыхъ въ Казенномъ Приказѣ, въ дѣйствительности проживали однако въ Москвѣ въ слободахъ или въ стрѣльцахъ. По всей видимости, центральное правительство очень хорошо это знало, но, требуя высылки новыхъ мастеровыхъ изъ посадовъ, съ большою осторожностью возвращало на Казенный дворъ тѣхъ, которые поселились въ Москвѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна докладная выписка изъ Приказа царю Алексѣю Михайловичу, объясняющая намъ затрудненія, которыя испытывалъ Приказъ вслѣдствіе бѣгства мастеровъ и въ то же время указывающая намъ сомнѣнія Приказа въ томъ, можно ли вернуть мастеровъ, убѣжавшихъ въ московскія же слободы. Въ виду его значительнаго интереса, мы приведемъ этотъ указъ полностью.

«Доложити Великого Государя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца. Въ прошлыхъ во 168-мъ и во 169-мъ годѣхъ присланы изъ Посолскаго Приказу въ Казенной Приказъ двѣ памяти, велѣно крымскую кладь и волуйскую посылку на 167 и на 168 годы готовить противъ прошлого 166 году и на 167 годъ крымская кладь на отдѣлке. А на 168 годъ соболи и куницы и лисицы и бѣлка на Крымскую кладь взята. А въ дѣло не отдано, потому что скорняки и портныя и всякія мастеровыя люди съ Москвы въ города разбежались. А иные стали въ стрелцы и въ сторожи и многие подавали порушныя записи, а живутъ въ Кадашове и въ Садовникахъ въ разныхъ черныхъ слободахъ. А ево Великого Государя годового хлебного и денежнаго жалованья тѣмъ рядовымъ мастеровымъ людямъ нѣтъ. Прежъ сего отдавано имъ поденного корму, какъ бывають у дѣлѣ: скорнякомъ по 9 денегъ, портнымъ по 6 денегъ челоуѣку на день, бѣлошникомъ отъ бѣлки за дѣло по 4 рубли отъ 1000 серебряными денгами. А въ нынешнемъ во 171 году апрѣля въ 1-й день прислана изъ Посолскаго Приказу память, велено крымскіе кладь на прошлые на 169 и на 170 годы готовить противъ прежнего. И чтобъ тѣ всѣ кладь на прошлые годы изго-

товлены были вскоре. И ныне крымскихъ кладей и всякихъ приказныхъ дѣлъ дѣлати нѣгде и нѣкемъ, а отставъ въ которыхъ полатахъ крымскую кладь и всякое приказное платье въ прошлыхъ годѣхъ дѣлали и отставъ по Великого Государя указу тѣхъ полатъ взяты на приказную четверту. И буде Великій Государь укажетъ крымские клади дѣлати наскоро, и по мастеровыхъ людей въ городъ Его Великого Государя грамоты посылать ли, и изъ стрелцовъ, и изъ сторожей, и изъ Кадашова, и изъ слободъ тѣхъ мастеровыхъ людей хъ крымской клади имать ли, и тѣмъ мастеровымъ людемъ поденного корму и за дѣльное, какими денгами, и поскольку давать и гдѣ тѣ крымские клади и приказное платье дѣлати? И Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ о томъ какъ укажетъ?»

Но Москва далеко не всегда насильно тянула къ себѣ промышленныхъ и торговыхъ людей. Выгоды жизни въ центрѣ привлекали къ себѣ множество народа, стекавшагося изъ различныхъ мѣстностей. Въ Москвѣ можно было приложить свой трудъ, умѣнье и капиталъ къ тому или другому дѣлу и въ то же время легко можно было укрыться за сильныхъ и богатыхъ людей и уклониться отъ тяжелыхъ государственныхъ податей. Посадскія тягла и службы вообще были въ Московскомъ государствѣ очень тяжелыми, что побуждало посадскихъ людей всякими мѣрами избѣгать своего тягла. Особенно послѣ Московскаго разоренія замѣтно было сдвиженіе населенія со своихъ старинныхъ мѣстъ. Царская окружная грамота 1619 года между прочимъ рассказываетъ, что «изъ замосковныхъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, лготя себѣ, чтобы въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ, и по городамъ, и у племени, и у друзей, а по городамъ... напередъ сего, ѣхати не хотятъ». Кромѣ того, многіе посадскіе люди разныхъ городовъ уклоняются отъ несенія посадскаго тягла тѣмъ, что «люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ». Всѣхъ такихъ людей государевъ указъ требуетъ выслать изъ Москвы въ свои прежніе посады. Но послѣднее распоряженіе могло имѣть значеніе только для тѣхъ, которые укрылись за незначительныхъ людей. Въ общемъ всегда въ Москвѣ было большое количество промышленнаго люда, не принадлежавшаго къ Московской посадской общинѣ въ собственномъ смыслѣ. Это были захребетники, закладчики, дворники и крѣпостные крестьяне многочисленныхъ служилыхъ людей, патріарха, митрополита или монастырей. Они заселяли цѣлыя улицы и большія слободы и, живя въ бѣлыхъ дворахъ, избывали государева тягла. Къ половинѣ XVII вѣка такія слободы выстроились по Тверской дорогѣ, на Ходынкѣ, по Троицкой дорогѣ на Яuzu, по Коломенской дорогѣ, по Серпуховской и по Можайской на Поклонную гору. Кромѣ того, въ Москвѣ было не мало монастырскихъ, патріаршихъ и боярскихъ крестьянъ, которые пріобрѣтали куплею и по закладу тяглые дворы, лавки и погреба и торговали всякими товарами, занимались откупомъ на Москвѣ таможенъ и кабаковъ. Кромѣ купцовъ въ бѣлыхъ дворахъ жили ремесленные люди, занимавшіеся тор-

гомъ и промысломъ, имѣвшіе многіе лавки, амбары и солянныя варницы. Все это люди «заступные», почему они и затѣснили и изобидѣли московскихъ торговыхъ посадскихъ людей. Уложенная реформа 1649 года является отвѣтомъ на жалобы посадскихъ людей объ утѣсненіи ихъ со стороны людей, торговавшихъ и промышлявшихъ подъ покровительствомъ бѣломѣстцевъ. Въ исторіи Москвы, какъ самаго крупнаго торгово-промышленнаго центра, эта реформа имѣетъ особенно важное значеніе тѣмъ болѣе, что Уложеніе царя Алексѣя Михайловича содержитъ въ себѣ рядъ постановленій, спеціально касающихся торгово-промышленной жизни Москвы.

Сущность Уложенной реформы заключается прежде всего въ томъ, что всѣ пригородныя московскія слободы, принадлежавшія патриарху, митрополиту, боярамъ и всякимъ другимъ бѣломѣстцамъ и заселенныя торгово-промышленными и ремесленными людьми, указано было со всѣмъ населеніемъ взять на государя безъ лѣтъ и безповоротно; если въ этихъ слободахъ окажутся кабальные холопы или владѣльческіе пахотные крестьяне, то такихъ прежніе ихъ владѣльцы должны свести въ свои дворы и помѣстья. Всякихъ чиновъ служилые люди, получавшіе государево денежное и хлѣбное жалованье, если они въ Москвѣ вели торговлю или занимались промыслами, обязаны были нести всякія городскія подати въ рядъ съ черными людьми, но отъ тяглыхъ службъ освобождались. Если же они не желали быть въ тяглѣ, то обязаны были продать свои лавки посадскимъ торговцамъ. Изъ этого исключаются мелкіе служилые люди, какъ плотники, пушкарі, кузнецы, затынщики и воротники, которые по своимъ промысламъ тянули къ посаду податью и службами; стрѣльцы, казаки и драгуны могли заниматься торговлей и промыслами, уплачивая пошлины съ своихъ торговъ и оброкъ со своихъ лавокъ. Дѣти священно-и церковно-служителей и вообще торгово-промышленные вольные и владѣльческіе люди, проживающіе въ городахъ, должны быть приписаны къ посадскому тяглу. Спеціально относительно мастеровыхъ, которые сошли со своихъ тяголь и жеребьевъ и жили въ Москвѣ во дворцѣ и при приказахъ, постановлено представить на усмотрѣніе государя. Оженившіеся на вдовахъ посадскихъ людей или на посадскихъ дѣвкахъ должны были нести тягло, если къ нимъ переходило имущество посадскихъ людей. Впредь никакихъ частновладѣльческихъ слободъ вокругъ Москвы не должно быть. Тяглые дворы, проданныя бѣломѣстцамъ или перешедшіе къ нимъ за неуплату долга, велѣно было возвращать въ сотни безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ; тѣхъ же изъ черныхъ людей, кто впредь продастъ или заложитъ бѣломѣстцу свой дворъ, указано битъ кнутомъ. Иногородніе торговые люди, у которыхъ въ Москвѣ были свои дворы и лавки, обязаны были тянуть тягло по своимъ московскимъ владѣніямъ и не избавлялись отъ тягла по тому посаду, къ которому они были приписаны. Если у иногороднихъ купцовъ не было своихъ дворовъ въ Москвѣ, то имъ предоставлялось право торговать на гостиномъ дворѣ. Крестьянамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву изъ уѣздовъ, дозволялось торговать не иначе, какъ на гостиномъ дворѣ и съ возовъ и струговъ, арендовать же и покупать лавки имъ воспрещалось.

Постановленіе о конфискаціи частновладѣльческихъ слободъ въ значительной мѣрѣ усилило составъ посадскаго населенія Москвы. Она закрѣпила за Москвой, именно за ея торгово-промышленнымъ элементомъ, значительное количество населенія, которое ранѣе къ ея составу не принадлежало и интересы котораго въ большинствѣ случаевъ были связаны съ провинціей. Напр., накануне реформы Московскій посадъ съ казенными слободами, Ямской, Конюшенной, съ составомъ мастерской Царицыной Палаты, заключалъ въ себѣ 4421 дворъ. Между тѣмъ Уложенная реформа прибавила 1894 двора изъ числа частновладѣльческихъ, что представляетъ собою весьма значительный процентъ прибылого населенія.

Мы разсмотрѣли тѣ условія, при помощи которыхъ создавалось торгово-промышленное значеніе Москвы, какъ главнаго центра. Этотъ ростъ зависѣлъ какъ отъ ея географическаго положенія, такъ и отъ тѣхъ мѣръ, которыя были принимаемы Московскимъ правительствомъ. Надо только замѣтить, что наивысшій ростъ Москвы въ торговомъ отношеніи приходится на конецъ XVI и первую половину XVII вѣка. Къ концу первой полов. XVII столѣтія торговые и промысловые интересы всего государства расширяются, появляются новые центры, наконецъ, растутъ города на южныхъ окраинахъ. Всѣ эти обстоятельства, разсѣивая торговое оживленіе по различнымъ мѣстностямъ и районамъ, неблагоприятно отозвались на торговомъ значеніи Москвы.

Какъ бы то ни было, но воплѣ естественно, что рядъ благоприятныхъ условій создавалъ изъ москвича опытнаго и ловкаго купца. Иностранцы всѣ безъ исключенія отдають дань удивленія ловкости и изворотливости, которые проявляетъ московскій купецъ въ торговомъ дѣлѣ. Уже Герберштейнъ замѣтилъ, что нѣмецкіе товары продаются въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Германіи. Это обстоятельство объясняется преобладаніемъ мѣнновой торговли. При мѣнновой торговлѣ обѣ стороны, иностранцы и русскіе, старались оцѣнить свой товаръ какъ можно выше. Но въ этой торговлѣ московскій купецъ выигрывалъ столько, что могъ продавать иностранные товары по такой низкой цѣнѣ, по какой не могъ бы продавать ихъ иностранный купецъ, привезшій въ Москву. Почти столѣтіе спустя Олеарій приблизительно въ такихъ же словахъ характеризуетъ изворотливость московскаго купца. Онъ сообщаетъ, что московскіе купцы покупають обыкновенно у англійскихъ сукно по 4 талера за локоть и перепродають тотъ же локоть по $3\frac{1}{2}$ или 4 талера и все-таки не остаются безъ барыша. Выгоды московскихъ купцовъ Олеарій объясняетъ такимъ образомъ: они покупають одинъ или нѣсколько кусковъ сукна съ тѣмъ, чтобы произвести расплату черезъ полгода или годъ, затѣмъ идутъ и продають его лавочнику, по локтямъ, но уже за наличныя деньги, которыя они потомъ помѣщаютъ въ другіе товары. Такимъ образомъ они могутъ съ теченіемъ времени съ барышомъ три раза и болѣе совершить оборотъ своимъ деньгамъ.

Московскіе купцы хорошо знали рынокъ и отличались умѣньемъ покупать во-время тотъ или другой продуктъ.

Много здраваго смысла высказывали московскіе гости и представители сотенъ, когда они приглашались московскимъ правительствомъ на

совѣщанія по вопросамъ внѣшней или внутренней торговли. Но отвѣты купцовъ на тѣхъ же совѣщаніяхъ показываютъ, что московское купечество неспособно было подняться выше своихъ эгоистическихъ интересовъ, въ немъ не было общаго классоваго сознанія, это были отдѣльныя группы, выступавшія съ тѣми или другими требованіями и пожеланіями, имѣя въ виду только свои личные интересы.

Эти замѣчанія оправдываются и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на иностранныхъ купцовъ производили торговые приемы московскаго купца. Продажа и обманъ тѣсно слились съ представленіемъ московскаго купца. По словамъ Олеарія, московскіе купцы хитры и падки на наживу. Онъ же рассказываетъ о томъ, что московскіе купцы высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, по его словамъ, самымъ грубымъ образомъ обманулъ многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, и этимъ онъ приобрѣлъ такое уваженіе среди московскихъ купцовъ за свое искусство, что они нисколько не обижались и просили принять ихъ въ товарищи въ надеждѣ поучиться его искусству. Этими отрицательными качествами изъ всѣхъ русскихъ купцовъ отличались въ особенности именно московскіе. Герберштейнъ, имѣвшій возможность близко присмотрѣться къ купцамъ различныхъ городовъ, даетъ, напримѣръ, очень хорошій отзывъ о нравахъ псковскихъ купцовъ, но повсюду иначе отзывается о торговыхъ людяхъ другихъ городовъ, особенно Москвы. Они,—говоритъ Герберштейнъ,—ведутъ торговлю съ величайшимъ лукавствомъ и обманомъ. Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину, и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе или недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь къ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже, такъ что иная вещь имъ самимъ стоитъ 1 дукать, а они продаютъ ее за 5, 10, даже за 20 дукатовъ, хотя случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 флориновъ какую-нибудь рѣдкую вещь, которая не стоитъ и одного флорина. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности припомнятъ это и настойчиво будутъ требовать исполненія обѣщанія, а сами очень рѣдко исполняютъ то, что обѣщаютъ. Если они начнутъ клясться и божиться—знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлью обмануть. Я просилъ одного боярина, рассказываетъ Герберштейнъ, помочь мнѣ при покупкѣ мѣховъ, чтобы купцы не обманули меня; тотъ сейчасъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но потомъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за трудъ, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцомъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо и съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе. И другіе иноземцы характеризуютъ московскихъ купцовъ далеко не съ лестной стороны. Тан-

неръ, бывшій въ Москвѣ въ 1678 году, рассказываетъ о томъ, что между его челядью и москвитянами происходили постоянныя ссоры. Главнымъ образомъ возникали онѣ изъ-за обмана при продажѣ соболей. Какъ только его спутники узнали о томъ, что москвитяне сварливы и плутуютъ не хуже жидовъ, они стали предлагать имъ за товары полъ-цѣны. Москвитяне сейчасъ начинали ругаться и сердиться и въ отвѣтъ стали было пускать въ дѣло кулаки, такъ что торгъ не обходился безъ участія караульныхъ. Недаромъ еще Контарини (конецъ XV столѣтія) говоритъ, что московскій народъ, «продувнѣй и лукавѣе всѣхъ прочихъ; особенно ненадеженъ въ уговорахъ; они и сами знаютъ это за собой, и потому, когда приходится имъ вести торговыя сношенія съ иноземцами, выдаютъ себя, чтобы внушить больше довѣрія, не за москвитянь, а за иногороднихъ».

Умѣнье московскаго купца во-время обернуться съ тѣми и съ другими товарами выясняется еще болѣе, если взвѣсимъ нѣкоторыя условія тогдашней торговли. Только мелочная торговля обыкновенно производилась на наличныя деньги, оптовая же преимущественно была мѣновой; этимъ и объясняется то обстоятельство, что многіе товары, привезенные въ Москву изъ Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи, Татаріи и изъ другихъ мѣстъ, по словамъ Рейтенфельса и другихъ иноземцевъ, сбываются въ Москвѣ по той же цѣнѣ или же еще и дешевле, чѣмъ они стоили на мѣстѣ. Между тѣмъ иностранцы по ихъ расчетамъ получали очень большую прибыль на привезенные товары, нерѣдко въ 100%. Трудность условій торга сопровождалась еще и тѣмъ, что заемъ денегъ былъ дѣломъ нелегкимъ и дорогимъ: ростъ въ 20% былъ обычнымъ, и только церкви, по словамъ Герберштейна, давали деньги по 10%. Наконецъ, московскій купецъ обыкновенно велъ торгъ не однимъ какимъ-либо товаромъ и вообще промышленялъ не однимъ какимъ-либо дѣломъ, но старался провести ту или другую торговую сдѣлку при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, пользуясь условіями рынка. Всѣ эти условія дѣйствительно вырабатывали очень предприимчиваго и ловкаго торговца. Прежде всего московскіе торговые люди охотно пользовались грамотою: судя по подписямъ московскихъ гостей и торговыхъ людей, призываемыхъ на совѣщанія въ приказы, грамотность среди нихъ для того времени была въ достаточной степени сильно развита, такъ что процентъ неграмотныхъ колеблется между 10 и 12%. Тогдашніе учебники ариѳметики проникнуты торговымъ духомъ и, очевидно, приурочены исключительно для торговыхъ цѣлей: они состоятъ изъ задачъ, заключающихся въ переводѣ русскаго денежнаго счета на иноземный, изъ примѣровъ на куплю и продажу различныхъ товаровъ, наконецъ, изъ расчета времени, потребнаго на перевозку товаровъ или на посылку людей. Сохранившіяся до насъ торговыя книги проникнуты тѣмъ же духомъ принаравливанія къ условіямъ рынка и къ покупателямъ: это своеобразная торговая энциклопедія, составители которой собрали свѣдѣнія о цѣнахъ на различные продукты, списокъ товаровъ, расчеты перевода денегъ иностранныхъ на московскій счетъ, описанія нѣкоторыхъ товаровъ съ наставленіями относительно выбора лучшаго качества товаровъ, опи-

санія поддѣльныхъ товаровъ: «въ изумрудѣ дорогомъ, что въ зеркалѣ, видится видъ человѣка», и тутъ же дается наставленіе о томъ, какъ отличать фальсифицированные изумруды отъ настоящихъ и т. п.; затѣмъ тутъ же даются наставленія о томъ, въ какомъ количествѣ слѣдуетъ поставлять товаръ для того, чтобы это было прибыльно. Составитель также очень свѣдуещъ во вкусахъ покупателей: онъ знаетъ, какіе соболы носятъ нѣмецкія жены, какіе мѣха идутъ въ португальскую землю и какіе къ кизильбашамъ и т. п., знаетъ, какое ворванное бѣлое сало любятъ нѣмцы и какъ это сало надо приготовить для того, чтобы оно соотвѣтствовало потребностямъ рынка. Все это результаты опыта при торговыхъ оборотахъ.

Условія московской торговли требовали отъ торговца особой смѣтливости и сообразительности еще и въ виду нѣкоторыхъ свойствъ московской биржи, какъ товарной, такъ и денежной. Иностранные товары почти исключительно получались черезъ Архангельскій портъ, а ввозъ черезъ Нарву имѣлъ лишь дополнительное значеніе. Ввозъ иностранныхъ товаровъ и вывозъ русскихъ за границу происходилъ только одинъ разъ въ году, въ силу чего наблюдалась большая неустойчивость цѣнъ и трудность соразмѣрить количество подлежащихъ приобрѣтенію товаровъ съ размѣрами потребленія. Въ теченіе лѣта купецъ долженъ былъ закупить потребное количество товаровъ именно въ такомъ разчетѣ, чтобы не купить ихъ по цѣнѣ слишкомъ дорогой въ виду возможнаго паденія цѣнъ, и, съ другой стороны, закупить въ такомъ размѣрѣ, чтобы удовлетворить спросъ потребителя. Кромѣ того, если въ Архангельскій портъ прибылъ товаръ не въ достаточномъ количествѣ, нужны были не малая сообразительность и умѣнье рисковать для того, чтобы немедленно заказать товары на Западѣ и получить ихъ своевременно зимой черезъ Нарву. Уже Кильбургеръ замѣчаетъ, что трудно найти другую землю, въ которой бы цѣны такъ скоро возвышались и упали; онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, что въ теченіе мѣсяца колебаніе товарныхъ цѣнъ на отдѣльные предметы иногда бывало сто на сто. При всемъ томъ приходилось учитывать количество товаровъ, которые оставались на рынкѣ отъ закупокъ предшествующаго года и, слѣдовательно, могли повліять на паденіе цѣнъ. Надо было также купцу быть всегда на-готовѣ, для того, чтобы предвидѣть возможныя и обычно совмѣстныя комбинаціи иноземныхъ купцовъ для повышенія цѣнъ на привозимые товары и для пониженія цѣнъ русскихъ товаровъ. Относительная немногочисленность иноземнаго купечества, торговавшего черезъ Архангельскій портъ, дѣлала такого рода соглашенія легко достижимыми, между тѣмъ какъ московское купечество, въ силу конкуренціи и другихъ причинъ, не могло сорганизоваться въ этомъ направленіи. Затѣмъ, наряду съ колебаніями товарной биржи, фондовая биржа была подвержена также постояннымъ колебаніямъ. Въ Москвѣ иностранная золотая и серебряная монета ходила, какъ и всякій товаръ, и наличное количество этой монеты, а также и качество отдѣльныхъ ея экземпляровъ очень чутко отзывались на московской биржѣ. Въ зависимости отъ разныхъ условій торговыхъ сдѣлокъ замѣчалось также колебаніе цѣнъ на иностранныя монеты. Такъ, зимою сибирскіе купцы заку-

пали иностранную монету для сибирскаго торгова, весною, съ начала навигаціи, ею запасались для персидской торговли въ Астрахани, лѣтомъ— для ногайской торговли въ Москвѣ. Такимъ образомъ постоянныя колебанія денежной биржи вліяли на исходъ торговыхъ операцій и требовали отъ купца умѣнья приноровиться къ колебаніямъ биржи.

Особенности условій торгова собственно московскаго купца заключались еще и въ томъ, что онъ велъ торговлю или занимался промыслами единолично при помощи своихъ приказчиковъ, или же входилъ въ компанію съ другими капиталистами; во всякомъ случаѣ онъ далеко не ограничивалъ сферу своей дѣятельности Москвой, а раскидывалъ свои торговыя предпріятія по всему государству или на тотъ или другой внѣмосковский районъ.

Въ настоящее время уже не можетъ быть сомнѣнія, что московское купечество знало форму компанейскихъ предпріятій. Артельно-промысловыя предпріятія, извѣстные на Руси издревле, пріѣздъ представителей иноземныхъ компаній—все это были такіе факты, которые были хорошо учтены московскими купцами и которые послужили для нихъ примѣромъ въ дѣлѣ составленія собственныхъ компаній. Но особенность организаціи ихъ далеко еще не изслѣдована въ нашей наукѣ. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся компанейскихъ предпріятій московскаго купечества. Такъ, торговый человѣкъ гостиной сотни Лазорко Плютовъ, Кадашевецъ Ѳомка Билибинъ и гость Иванъ Булковъ составили компанію для выработки поташа и смольчуга на земляхъ стряпчаго Ѳедора Полтина въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ. Они составили *складную записку*, въ которой уговорились промышленать вмѣстѣ. Первые два компанейщика должны были доставить необходимый капиталъ, а гость Иванъ Булковъ обязанъ былъ дать «въ поровненіе» денегъ, работниковъ и промышленниковъ. Каждый получалъ въ этомъ промыслѣ свой «пай». Изъ дѣла также видно, что въ промыслѣ принималъ участіе еще торговый человѣкъ гостиной сотни Тимофей Рыбинскій: онъ былъ «общимъ промышленникомъ» и завѣдывалъ промыслами на мѣстѣ, можетъ быть, по найму, а можетъ быть, и по участію въ прибыляхъ, тогда какъ остальные пайщики продолжали жить въ Москвѣ, гдѣ у нихъ началось судебное дѣло, вслѣдствіе нежеланія Булкова предоставить для промысловъ свою часть денегъ и работниковъ. Это дѣло вскрываетъ очень любопытную картину торговыхъ отношеній XVII вѣка. Въ Москвѣ знали форму товарищества на паяхъ, знали особую форму складныхъ записей, опредѣлявшую степень участія товарищей и денегъ, наконецъ, капиталисты направляли ходъ промысла изъ Москвы. Къ сожалѣнію, документы подобнаго рода чрезвычайно рѣдки. Иногда компанейщики брали привилегію на разработку того или другаго дѣла. Такъ, въ 1632 году торговый человѣкъ новгородской сотни Иванъ Потаповъ и гостиной сотни Григорій Петровъ и Онкиндинъ Кобылкинъ вмѣстѣ съ тягломъ Конюшенной слободы Иваномъ Ипатьевымъ получили на шесть лѣтъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича привилегію на разработку сѣрной руды и на добычу краски багоръ. Имъ разрѣшалось пользоваться сѣрнымъ камнемъ по рѣкѣ Нарѣ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Тарусѣ въ Туль-

скомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калужскаго, Ярославскаго и другихъ уѣздовъ. Имъ разрѣшалось искать камень на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и или у крестьянъ и покупать его по уговорной цѣнѣ; на государевыхъ земляхъ, на порожихъ имъ разрѣшалось брать камень безоброчно; равнымъ образомъ компанейщикамъ предоставлялось право безошлиннаго провоза товаровъ. Вообще во второй половинѣ XVII вѣка послѣдняго рода привилегій московскимъ торговымъ людямъ было дано довольно значительное число, но перечень ихъ для насъ особеннаго значенія не имѣетъ. Московскіе купцы не только составляли компаніи, но также умѣли прибѣгать и къ такого рода ассоціациямъ, цѣлью которыхъ было повліять на повышеніе или на пониженіе цѣнъ. Такъ, московскіе хлѣбные торговцы представляли собою ассоціацию торговыхъ людей, при помощи однообразныхъ пріемовъ пытавшуюся оказать давленіе на хлѣбныя цѣны въ столицѣ, и московскому правительству приходилось съ ними вести въ этомъ направленіи продолжительную борьбу. Правительству еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича доставляли не мало затрудненій московскіе хлѣботорговцы, очень умѣло достигавшіе искусственнаго повышенія цѣнъ. Они скупали хлѣбъ, привозимый крестьянами зимой на возахъ въ Москву или лѣтомъ по рѣкѣ, и затѣмъ перепродавали этотъ скупленный хлѣбъ съ большими барышами. Иногда, чтобы не допустить закупки хлѣба, московскіе хлѣбные торговцы выѣзжали за городъ и перекупали у крестьянъ подвозимый ими хлѣбъ. Мало того, они такія же большія закупки производили въ пригородныхъ мѣстностяхъ.

Мы только что замѣтили, что московскіе капиталисты не имѣли обычая сосредоточиваться на томъ или иномъ видѣ торговли или промысла, и что въ связи съ этимъ они разбрасывали свою дѣятельность по провинціи. Послѣднее обстоятельство объясняется частью тѣмъ, что многіе торговые люди вывозимы были изъ провинціи въ Москву, и что поэтому у нихъ часто сохранялись старинныя связи съ провинціей. Но безспорно также и то, что московскіе торговые люди направляли свою дѣятельность въ провинціальныя города, движимые торговыми выгодами. Этимъ объясняются многія явленія торговой жизни самой Москвы, и между прочимъ то обстоятельство, что крупныя капиталисты вовсе не имѣли въ городѣ большого числа торговыхъ заведеній.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ указанныхъ особенностей торговли московскихъ капиталистовъ. Такъ, по государеву указу 1648 года были собраны выписи изъ таможенныхъ книгъ о провезенныхъ гостемъ Василиемъ Шоринымъ товарахъ. Оказывается, что черезъ Архангельскую таможду Шоринъ въ 1645 г. провезъ: на дощаникѣ, нанятомъ у вологжанина, 108 литръ золота пряденаго, 1230 литръ бѣлой мишуры, 100 тысячъ иглокъ, $4\frac{1}{2}$ половинокъ кармазинныхъ суконъ, 3 половинки полукармазинныхъ суконъ, 60 полицъ тонкой мѣди, 19 полицъ красной досчатой мѣди, $162\frac{1}{2}$ аршина краснаго атласу, 37 аршинъ чернаго атласу, $25\frac{1}{2}$ аршинъ краснаго бархату. Тогда же прошелъ еще одинъ нанятый у вологжанина Елимахова дощаникъ съ товарами Шорина. Тутъ были такіе же товары, какъ въ первомъ, а также еще 16 мѣдныхъ колоколовъ, вѣсомъ

256 пудовъ, 860 стопъ писчей бумаги и ефимки. Черезъ Нижегородскую таможеню въ 1646 году вверхъ проѣхалъ человѣкъ Шорина на двухъ стругахъ. На обоихъ стругахъ было 23 человѣка. Размѣромъ одинъ стругъ былъ 7 саж., а другой—5. Черезъ ту же таможеню проѣхалъ другой приказчикъ Шорина на низъ на 9 саняхъ и тогда же вверхъ проѣхали два приказчика на 3 саняхъ. Въ 155 году прошелъ стругъ и лодка Шорина, при которыхъ было 14 человѣкъ. Черезъ Вологодскую таможеню въ 1646 году проѣхалъ приказчикъ Шорина съ 400 ефимковъ. Тогда же проѣхалъ другой приказчикъ Шорина съ разными товарами. Наконецъ, проѣхали еще 8 приказчиковъ Шорина опять съ различными товарами, среди которыхъ были уже и бакалейные товары. Изъ предметовъ вывоза приказчики Шорина везли сало топленое, клей карлукъ, масло, рыбу, весла, икру, юфть. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что этотъ же гость Шоринъ, кромѣ лавокъ въ Москвѣ, былъ еще владѣльцемъ значительныхъ промысловъ: въ Соли Камской ему принадлежало четыре варницы съ семью разсолными трубами, городская пристань на р. Камѣ и пять дворовъ въ городѣ. Однимъ словомъ, этотъ крупный купецъ торговалъ самыми разнообразными товарами. Въ томъ же актѣ есть и выписи изъ таможенныхъ книгъ о провезенныхъ товарахъ гостиной сотни Семена Задорина и ярославца Θεодора Кислово. Ихъ товары отличались такимъ же разнообразіемъ. Болѣе мелкіе капиталисты точно также разбрасывали свою дѣятельность. Въ 1635 г. произведенъ былъ сыскъ по государеву указу о торговыхъ предпріятіяхъ кадашевца Фролки Меркурьева. Оказывается, что за Фролкой въ самой Москвѣ числятся слѣдующія лавки: въ рыбномъ просольномъ ряду 1 $\frac{1}{4}$ лавка, въ масляномъ и селедномъ ряду—1 мѣсто лавочное и 2 лавки и, сверхъ того, еще полъ-лавки, на Варварскомъ крестцѣ 1 лавка деревянная, каменный погребъ. Въ этомъ выражалась его московская торговля. Но оказывается, что Фролка промышлялъ еще откупами въ разныхъ городахъ. Такъ, за нимъ оказалось въ Можайскѣ тамга, кабакъ, сусло, квасъ и гостинный дворъ, всего на сумму 1374 руб., въ Вязьмѣ—кабакъ, на сумму въ 2000 р., затѣмъ еще кабаки въ Торопцѣ и Переяславлѣ Рязанскомъ на сумму въ 3277 р. Такимъ образомъ Фролкой былъ пущенъ въ оборотъ довольно значительный капиталъ; названные въ сыскномъ дѣлѣ откупныя операціи были записаны лично за Фролкой, хотя Приказъ добивался также и того, гдѣ Меркурьевъ состоитъ въ компаніи; на это требованіе Приказъ получилъ разъясненіе изъ Разряда въ томъ смыслѣ, что «откупщики товарищей своихъ въ откупѣхъ съ собою не пишутъ, а крѣпятца откупщики съ товарищи межъ собой складными записями». Оказывается, что Фролка Меркурьевъ является, кромѣ того, поручителемъ по откупщикахъ въ Дорогобужѣ, въ Ржевѣ, въ Чухломѣ, т. е., очевидно, здѣсь онъ состоялъ уже въ товарищахъ, пайщикомъ въ откупахъ.

Еще поучительнѣе прослѣдить за дѣятельностью московскихъ капиталистовъ въ самой провинціи. Не трудно замѣтить, что они старались захватить въ свои руки въ провинціальныхъ городахъ разныя доходныя статьи. Такъ, на примѣръ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка (1651—1676 г.),

за которую можно прослѣдить по городу Саратову доходныя статьи, именно откупа и рыбныя ловли, онѣ почти исключительно находятся въ рукахъ московскихъ кадашевцевъ или торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ; ими все здѣсь взято для промысловъ: рыбныя ловли, кабацкое питье, торговыя бани, квась, сусло, укусь, морсь, проруби и портомойни, перевозки. Въ 1701 году была составлена роспись доходныхъ статей, вѣданныхъ въ Приказѣ Большого Прихода. Оказывается, что эти дворцовыя статьи опять-таки почти исключительно сданы на откупъ московскимъ торговымъ людямъ, а это — промысловыя статьи, охватывавшія рыбную ловлю во всемъ Поволжьи. Поволжье — новая мѣстность, только теперь колонизируемая, изъ нея мы не знаемъ вызова въ Москву, въ московскія сотни, торговыхъ людей; вѣроятно, этихъ вызововъ и не было, но указанные факты тѣмъ и любопытны, что они разясняютъ намъ стремленіе московскаго капитала захватить въ свои руки вновь колонизируемыя мѣстности: вмѣстѣ съ устройствомъ крѣпостей на окраинахъ и добровольной земледѣльческой колонизаціей передвигался оборотливый и ловкій московскій промышленникъ и торговецъ, и такимъ образомъ военная и земледѣльческая колонизація сопровождалась торговой колонизаціей, притягивавшей далекія окраины непосредственно къ центру.

Мы уже видѣли, что московскій капиталистъ имѣлъ торговыя сношенія и съ мѣстностями, которыя сами по себѣ отличались торговымъ оживленіемъ. Особенно любопытна связь Москвы съ крайнимъ сѣверомъ. Правда, многіе изъ числа гостей и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ были вызваны отсюда въ Москву; они не только не порывали своихъ связей съ торгово-промышленнымъ сѣверомъ, но даже развивали здѣсь и послѣ перехода въ Москву свои коммерческія предпріятія. Крупныя московскіе капиталисты пріобрѣтали земли въ Поморьѣ, и званіе гостей предоставляло имъ въ этомъ отношеніи извѣстнаго рода привилегіи. Въ каждомъ уѣздѣ встрѣчаются московскіе капиталисты, владѣющіе дворами въ городахъ, которые, конечно, играли роль торговыхъ конторъ, и землями въ уѣздахъ; это обыкновенно были люди — «богатые и семьянистые», у которыхъ «роду и племени и должныхъ людей и друзей и хлѣбояжцевъ много». Какъ велики были иногда пріобрѣтенія, въ примѣръ можно привести семейство Усовыхъ, которое пріобрѣло въ двадцатилѣтіе съ 1624 по 1648 годъ деревень въ 16 волостяхъ по неоплаченнымъ только пошлинами актамъ на 7000 руб., Ревакины пріобрѣли на 2400 руб. и т. д. За гостемъ Василиемъ Груздцынымъ въ 1678—82 гг. въ одномъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ было 12 деревень, въ Устюжскомъ уѣздѣ — 29 деревень. Цѣль пріобрѣтенія земель на сѣверѣ состояла главнымъ образомъ въ развитіи промысловъ: соляныя варницы и другіе промыслы находились въ рукахъ капиталистовъ, тянувшихъ уже къ Москвѣ. Сверхъ того, капиталисты являются кредиторами земскихъ міровъ, ссужаютъ ихъ деньгами, и такимъ образомъ черное крестьянское землевладѣніе является въ зависимости какъ отъ купческаго капитала, такъ и отъ монастырнаго.

Московскіе купцы не только разбрасывали свою дѣятельность по провинціи, но даже и въ самой Москвѣ не сосредоточивали своей тор-

говли въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ или на одномъ какомъ-либо предметѣ. Такъ, извѣстный московскій гость Василій Шоринъ, о разнообразіи предметовъ торговли котораго мы уже говорили, велъ не только торговля операціи различными предметами, владѣлъ соляными варницами въ провинціи, арендовалъ на Камѣ рѣчныя пристани и т. д., но, кромѣ того, въ самой Москвѣ владѣлъ цѣлымъ рядомъ лавокъ. Такъ, по одному только списку ему принадлежало въ Китай-городѣ 11 лавокъ. Кадашевецъ Петръ Исаевъ, по положенію средній купецъ, владѣетъ семью лавками, каждая по четверти лавки, т. е. небольшого размѣра мѣстами торговли. Вообще всѣ торгующіе держались того правила, чтобы имѣть какъ можно болѣе мѣстъ торговли. Такъ, послѣ смерти протопопа Александра Алексѣева у него оказались слѣдующія мѣста торгова: 2 полулавки въ сафьянномъ и лоскутномъ ряду, 6 каменн. лавокъ въ нижнемъ щепетильномъ ряду, 2 каменные лавки въ среднемъ пряслѣ того же щепетильнаго ряда, 3 ящичныхъ шелковыхъ каменн. мѣста въ нижнемъ же щепетильномъ ряду и тамъ же еще 4-е мѣсто ящичное, наконецъ, еще одна каменная лавка въ щепетильномъ ряду и др. Даже мелкіе торговцы держались того же правила. Когда умеръ колокольный мастеръ Федоръ Моторинъ въ 1694 году, то сынъ его объявилъ въ Приказѣ наслѣдство, заключавшееся въ 2 мѣстахъ торгова въ котельномъ ряду, состоявшихъ изъ одной полулавки и изъ одной чети лавки, затѣмъ по Срѣтенской улицѣ у него былъ дворъ съ лавкой, лавочнымъ мѣстомъ и сѣнницею, наконецъ, на той же Срѣтенской улицѣ Моторинъ владѣлъ 3-мя скамьями, держалъ квасную кадъ и сусленый кувшинъ; кромѣ того, у него же была кузница, въ которой онъ, вѣроятно, занимался колокольнымъ дѣломъ, потому что по другимъ записямъ видно, что этотъ Моторинъ имѣлъ учениковъ колокольнаго дѣла; судя по цѣнѣ и по размѣрамъ obroka, все это были небольшія торговля заведенія.

Разбросанность торгова и незначительный характеръ каждаго въ отдѣльности мѣста торговли будутъ для насъ еще яснѣй, когда мы вспомнимъ, что сама по себѣ каждая лавка представляла очень небольшое по размѣрамъ торговое учрежденіе. Недаромъ Поссевинъ въ одномъ мѣстѣ съ ироніей говоритъ, что въ одной лавкѣ венеціанскаго купца заключается товаровъ больше, нежели на всемъ московскомъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ каждая лавка представляла собой четырехугольникъ въ 2 саж. въ ширину и $2\frac{1}{2}$ саж. въ длину. Мы увидимъ ниже на основаніи цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ, что цѣлыхъ лавокъ было очень мало, а торговля мѣста состояли по преимуществу изъ полулавокъ и даже меньшихъ частей: бывали, напр., восьмая часть лавки, т. е. совсѣмъ незначительныя лари; торговля производилась на лоткахъ, на скамьяхъ. Правда, лавки бывали каменные и деревянные; въ Китай-городѣ послѣ перестройки 1626 года, повидимому, были преимущественно каменные лавки; подъ каменными лавками были подвалы для склада товаровъ, погреба. Но во всякомъ случаѣ стоимость такого торговаго помѣщенія какъ въ смыслѣ дохода, приносимаго самимъ помѣщеніемъ, такъ и въ смыслѣ товаровъ, находящихся въ лавкѣ, обыкновенно была очень не велика. Сохранилось, на примѣръ, описаніе, относящееся къ началу XVII в., шалаша на большомъ

Гостиномъ Дворѣ. Это былъ государевъ шалашъ, въ которомъ продавалась стеклянная посуда, выработывавшаяся на Измайловскомъ стеклянномъ заводѣ. Не забудемъ, что этотъ шалашъ принадлежалъ казнѣ и что онъ находился на очень бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Это было небольшое бревенчатое помѣщеніе, запиравшееся желѣзнымъ нѣмецкимъ замкомъ. Передняя стѣнка открывалась, какъ въ теперешнихъ рундукахъ. Все содержимое шалаша состояло изъ 319 сулеекъ, 32 аптекарскихъ сулеекъ, 134 маленькихъ склянокъ, 290 различнаго рода стакановъ, 30 небольшихъ бра-тинъ и еще изъ нѣсколькихъ мелкихъ стеклянныхъ вещей. Иногда можно опредѣлить и капиталъ, пускаемый въ оборотъ для содержанія той или другой лавки. Такъ, по одному документу 1634 года вдова одного изъ московскихъ протодіаконовъ сдавала въ аренду въ монатейномъ ряду, гдѣ продавалась одежда духовнаго чина, 3 торговыя помѣщенія, именно одну каменную лавку, одну деревянную и еще одну деревянную полулавку; эти всѣ три лавки она сдавала вмѣстѣ съ оборотнымъ капиталомъ, размѣръ котораго высчитанъ сборщикомъ податей въ сто десять рублей на всѣ три торговыя помѣщенія. Разумѣется, тутъ многое зависѣло отъ мѣста, гдѣ находилась лавка, и отъ другихъ многихъ условій, но во всякомъ случаѣ капиталъ, влагаемый въ каждое отдѣльное такое торговое предпріятіе, былъ невеликъ даже съ точки зрѣнія оборотовъ того времени. Объ этомъ между прочимъ можно судить по сборамъ пятинной деньги 1634 года. По отношенію къ лавочному торгу пятинна взималась съ наличности того имущества, которое въ данный моментъ было зарегистрировано сборщикомъ съ плательщика, въ размѣрѣ 20% этого имущества. Оказывается, на-примѣръ, что въ Китай-городѣ, въ иконномъ ряду съ полулавокъ было взимаемо отъ 20 алтынъ до 1 рубля пятиннаго сбора, въ одномъ случаѣ 2 руб., въ двухъ случаяхъ взято было съ полной лавки 7 и 8 руб. Даже въ сурожскомъ ряду, гдѣ торговали шелковыми товарами, брали съ лавки по 5 и по 6 руб. Правда, торговцы желѣзными издѣліями, повидимому, вообще выдѣлялись среди другихъ родовъ торговли своею зажиточностью, почему, на-примѣръ, въ желѣзномъ ряду того же Китай-города были лавки, обложенныя 10 и даже 40 и 60 рублями, но были и лавки, обложенныя 1 руб., а въ замочномъ ряду обложеніе колебалось отъ 20 денегъ до 20 руб. съ лавки. Такой же характеръ носили торговыя помѣщенія и внѣ Китай-города, еще болѣе мелкія. Цѣлый рядъ лавокъ за Варварскими воротами обложенъ былъ пятиннымъ сборомъ въ размѣрѣ 20—40 алтынъ; были, впрочемъ и здѣсь лавки, обложеніе которыхъ доходило до 20 руб. Даже въ самопальномъ ряду за Неглинными воротами, въ весьма центральномъ мѣстѣ, преобладаетъ низкій размѣръ обложенія, хотя и здѣсь было немало лавокъ, обложенныхъ 6-ю рублями и даже выше. Даже такія торговыя заведенія, какъ харчевыя избы, не представляли собой крупныхъ торговыхъ заведеній: на Арбатѣ, на-примѣръ, блинная изба облагается въ размѣрѣ 20 алтынъ. Разумѣется, квасныя кади, шалаша и т. п. представляли собою уже совсѣмъ мелкія торговыя или промысловыя учрежденія. Такъ, на-примѣръ, точильный рядъ, въ которомъ преобладали полушалаша, былъ обложенъ по 20 денегъ съ cadaго мѣста; квасныя кади облагались

20 деньгами, иногда немногимъ выше; скамьи для торгу чаще всего облагались 2-мя алтынами и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ уже было сказано, что каждое отдѣльное мѣсто торга представляло собою довольно скромное предпріятіе. Кстати напомнимъ, что одинъ рубль въ первую половину XVII вѣка можетъ быть приравненъ приблизительно къ 15 руб. второй половины XIX стол. по его покупательному значенію.

Отсюда понятно и то обстоятельство, что лавка, какъ торговое предпріятіе, цѣнилась не особенно дорого, особенно если принять во вниманіе стоимость мѣста и строительнаго матеріала. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, въ 1677 году были проданы полтора мѣста станovýchъ въ телѣжномъ ряду со всякимъ строеніемъ за 18 руб., тогда же и двѣ лавки тамъ же—за 28 руб. Конечно, въ телѣжномъ ряду торговля не могла представлять особенныхъ выгодъ. Въ половинѣ столѣтія лавка въ Китай-городѣ въ сафьянномъ и лоскутномъ ряду шла въ залогъ всего въ 60 рублей, а лавочное мѣсто въ томъ же ряду шло всего за 30 руб. Даже въ москательномъ ряду въ томъ же Китай-городѣ въ первой четверти XVII вѣка полулавки цѣнились отъ 47 до 75 руб., каменные лавки въ щепетильномъ ряду оцѣнивались отъ 75 до 85 руб. и пр.

Такимъ образомъ мы вскрываемъ весьма любопытный характеръ московской торговли: одинъ и тотъ же торговецъ стремится захватить цѣлый рядъ торговыхъ мѣстъ или промысловъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи.

Разумѣется, подобнаго рода приемы торга требовали большого числа довѣренныхъ лицъ, которымъ въ каждой отдѣльной лавкѣ поручалось веденіе торговли, или же вызывали обычай сдачи лавокъ въ арендное содержаніе. Наши документы очень рѣдко говорятъ о соотношеніяхъ между владѣльцами лавокъ и сидѣльцами или арендаторами. Но мы прежде всего приведемъ одинъ, чрезвычайно убѣдительный примѣръ. Намъ удалось найти въ архивѣ одну роспись конца 60-хъ годовъ лавокъ въ Китай-городѣ, примыкавшихъ къ шапочному ряду. По ней зарегистрировано всего 168 лавочныхъ владѣній, при чемъ, въ противоположность другимъ росписямъ, наше описаніе содержитъ въ себѣ какъ перечень владѣльцевъ лавокъ, такъ и лицъ, которыя фактически въ нихъ ведутъ торговлю на правахъ арендаторовъ или въ качествѣ приказчиковъ. Изъ указаннаго числа лавокъ надо отбросить 36 пустыхъ владѣній. Затѣмъ изъ остальныхъ только въ 35 занимаются торговлей сами владѣльцы лавокъ, въ остальныхъ сидятъ сидѣльцы, находящіеся къ владѣльцамъ лавокъ не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Въ однѣхъ лавкахъ сидятъ родственники владѣльцевъ, въ другихъ—люди ихъ, въ иныхъ—сидѣльцы, т. е. все это элементъ, торгующій не собственнымъ капиталомъ, а капиталомъ владѣльца лавки. Къ сожалѣнію, нашъ источникъ не всегда отличаетъ сидѣльцевъ отъ арендаторовъ, почему очень трудно опредѣлить число послѣднихъ: приведя названіе владѣльца лавки, наша роспись обыкновенно прибавляетъ «а сидитъ въ ней» такой то, что можетъ означать и сидѣльца-приказчика и арендатора. Но, съ другой стороны, по отношенію къ крупнымъ торговымъ людямъ можно безъ затрудненія вынести предположеніе, что въ ихъ лав-

кахъ были уже не арендаторы, а зависимые люди, или компанейщики. Такъ, мы не разъ уже говорили о широко раскинутыхъ торговыхъ предпріятіяхъ гостя Василя Шорина: въ его лавкахъ сидятъ, по выраженію нашей росписи, разные люди московскихъ слободъ и сотенъ, въ томъ числѣ и кадашевцы, отличавшіеся торговой дѣятельностью. Встрѣчаются и такіе случаи, уже несомнѣнно указывающіе на арендное отношеніе, когда въ арендуемой лавкѣ сидитъ сидѣлецъ того или другого капиталиста: напр., «четыре лавки кадашевца Ивана Терентьева, а сидитъ въ ней сидѣлецъ гостиной сотни Александра Федотова Яковъ Матвѣевъ».

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго о характерѣ торговли очевидно, что всякій сколько-нибудь зажиточный купецъ долженъ былъ имѣть извѣстное количество лицъ, которымъ онъ ввѣрялъ веденіе своихъ торговыхъ дѣлъ. У богатыхъ гостей количество такихъ лицъ безспорно было велико. Разумѣется, каждый хозяинъ старался укрѣпить за собою такое лицо для того, чтобы менѣе подвергаться риску. Наши источники весьма бѣдны въ своихъ указаніяхъ на соотношенія между хозяевами и приказчиками. Насколько можно проникнуть въ эти соотношенія, они выражались двойкой формой: или въ формѣ найма, обусловленнаго иногда долговыми обязательствами, или въ формѣ захребетничества, закладничества.

Долговое право въ достаточной мѣрѣ обезпечивало хозяина отъ возможныхъ убытковъ и ставило заемщика въ полную зависимость отъ хозяина. Заемныя записи, которыя заключались въ средѣ посадскихъ людей съ обязательствомъ отбывать занятія деньги службой, по характеру своему отличаются отъ кабальныхъ записей и являются съ характеромъ договора найма, съ тѣмъ однако, что наемникъ находится въ полномъ распоряженіи своего господина. Такъ, вдова одного тяглеца огородной слободы, занявъ въ уплату долговъ своего мужа и на свои расходы у тяглеца Казенной слободы Ивана Антипина 50 руб., отдаетъ ему въ услуженіе сына своего Семена. Послѣдній обязанъ жить во дворѣ хозяина, «во всемъ ево Ивана и жены ево и дѣтей слушать и всякую работу работать»; если хозяинъ пошлетъ наемника къ промыслу или посадитъ въ лавкѣ торговать, онъ обязанъ во всемъ давать отчетъ, самъ воровствомъ не заниматься и никакимъ дурномъ не промышлять, безъ хозяйскаго вѣдома ни по комъ не ручаться и въ долгъ товару и денегъ никому не давать, вообще не чинить хозяину никакого убытка и хозяйскихъ животовъ не покрасть. Наемникъ получаетъ отъ хозяина одежду и пищу. Особья условія оговариваютъ, что наемникъ долженъ своему господину по книгамъ и распискамъ дать отчетъ. Срокъ данной записи составленъ по животу хозяина. Но этотъ срокъ вовсе не роднитъ запись даннаго типа съ кабальнымъ холопствомъ потому, что встрѣчаются совершенно аналогичныя записи на опредѣленный срокъ. Такъ, тоже вдова другого тяглеца Огородной слободы тому же Ивану Антипину была должна 50 р. товарныхъ денегъ, занятыхъ ея покойнымъ мужемъ. Она отдаетъ Ивану въ услуженіе своего сына Федора на такихъ же условіяхъ, которыя приведены выше, но съ опредѣленіемъ срока 10-ю годами и съ добавленіемъ, что хозяинъ обязанъ одѣть наймита по силѣ при его отходѣ.

Въ предшествующихъ случаяхъ мы видѣли такія условія найма, которыя явились послѣдствіемъ уже занятаго капитала. Но посадскіе люди нанимали для торговыхъ цѣлей приказчиковъ и съ условіемъ платы по истеченіи срока. Такъ, крѣпостной крестьянинъ Остафійко Бадековъ отдаетъ тяглу Казенной слободы Никитѣ Григорьеву своего сына Дмитрія въ наемъ на пять лѣтъ. Наемникъ обязанъ слушать самого хозяина и членовъ его семьи, работать, «сидѣть въ лавкѣ за его хозяйскимъ товаромъ въ ветошномъ ряду и во всемъ въ промыслу, въ торговлѣ радѣть, прибыль чинить и отчетъ давать во всемъ вправду, безъ утайки», разумѣется, не бранничать, не воровать. Срокъ найма опредѣляется пятилѣтній при очень низкой оплатѣ труда—по 20 алтынъ въ годъ. Размѣръ оплаты труда въ данномъ случаѣ настолько незначителенъ, что почти можетъ быть признанъ фиктивнымъ. Можетъ быть, это происходило и потому, что приказчикъ предполагалъ имѣть участіе въ прибыляхъ хозяина. Дѣйствительно, иногда заключались и такія жильныя записи, которыя оплатѣ труда приказчика опредѣляли извѣстную долю прибыли. Такъ, тяглицу Казенной слободы Семень Лаптевъ далъ на себя жилую запись тяглицу той же слободы Петру Звѣренку съ обязательствомъ служить въ теченіе года. Общій характеръ записи тотъ же, что и предыдущей, но имѣются указанія на ту работу, которую долженъ нести приказчикъ: «за ево товаромъ въ солодяномъ ряду сидѣть, прибыли искать и ничего не таить»; приказчикъ получаетъ третью долю изъ прибыли, а хозяинъ двѣ доли, при чемъ содержаніе приказчика относится за счетъ торговаго предпріятія.

Этотъ договоръ подводитъ насъ къ весьма распространенному въ посадахъ институту закладничества или захребетничества. Закладниками назывались тѣ, которые закладывались, задавались за какого-нибудь сильнаго человѣка, или же это были не самостоятельные хозяева, работавшіе капиталомъ своего патрона. Положеніе такихъ закладчиковъ на посадѣ было довольно льготное, такъ какъ они не несли посадскаго тягла въ полной мѣрѣ: «съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда во льготѣ». Такіе закладчики назывались чьими-либо людьми, были въ ихъ присудѣ и пользовались ихъ защитой, не подлежа такимъ образомъ суду общихъ властей. Въ актахъ, имѣющихъ юридическое значеніе, эта категория посадскаго населенія обыкновенно называется закладчиками, но въ актахъ, имѣющихъ фискальный характеръ, или въ актахъ, рисующихъ бытовья соотношенія, мы обычно встрѣчаемъ терминъ захребетниковъ и полагаемъ, что оба явленія идентичны и что въ данномъ случаѣ встрѣчаемъ различныя обозначенія одного и того же явленія.

Захребетничество было состояніемъ, при которомъ не порывались связи захребетника съ тѣмъ лицомъ, которому онъ принадлежалъ, или съ той посадской или сельской общиной, къ которымъ онъ принадлежалъ по рожденію: «дворъ (говоритъ одинъ документъ) торговаго человѣка Ондрушки Ошурка, старъ и увѣченъ, у него живутъ въ захребникахъ Онашка Ивановъ, да Бориско Микитинъ, а сказалось, что Онашка Троицкой слободы, а Бориско

патріаршъ, крестьяне». Оттого среди захребниковъ мы встрѣчаемъ какъ лицъ, принадлежавшихъ разнымъ крупнымъ вотчинникамъ, монастырямъ, церк-вамъ и т. д., т. е. ихъ крестьянъ и холопей, даже государевыхъ крестьянъ, такъ и иногороднихъ посадскихъ людей: всѣ они жили за хребтомъ какого-ни-будь московскаго посадскаго человѣка, боярина или другого владѣльца, имѣвшаго торговый и промышленный интересъ въ Москвѣ. Документы о сборѣ пятинной деньги 1634 г., когда налагалась пятина и на захребет-никовъ, выясняютъ сложную зависимость захребетниковъ отъ различныхъ лицъ. Такъ, въ Голутвенной слободѣ на церковной землѣ оказался рядъ домовъ захребетниковъ, не записанныхъ въ тягло. Особенно много захре-бетниковъ принадлежало боярину Ивану Никитичу Романову, боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, князю Димитрію михайловичу Пожарскому и другимъ боярамъ, ведшимъ въ Москвѣ крупныя торговыя дѣла. Большинство захребетниковъ пришло для торговъ и промысловъ въ Москву и потому обычно жило въ сосѣдствѣ у кого-нибудь изъ посад-скихъ людей: «у Никольскаго попа у Ивана живетъ Муромецъ посадскій человѣкъ, Тренъка Ондреевъ», «у Ивана Савельева сапожника живутъ боярина Ивана Никитича Романова крестьяне Васька извощикъ да Гриш-ка плотникъ». Среди захребетниковъ встрѣчаемъ и родственниковъ, даже братьевъ своихъ патроновъ: такъ, захребетникъ Ивашко Ошитковъ жи-ветъ у зятя своего въ Хамовной слободѣ у Офоньки Ошиткова. Весьма любопытно, что въ числѣ захребетниковъ мы не только встрѣчаемъ вла-дѣльческихъ крестьянъ, но и боярскихъ добровольныхъ холопей, бояр-скихъ послужильцевъ, которые, оставаясь добровольными холопами своего господина, въ то же время находятся въ захребетничествѣ у другого боя-рина: у подъячаго Якова Дурова живутъ, по переписи Москвы 1636 года, двое служекъ боярина Бориса Ивановича Морозова. Такимъ образомъ захребетники сохраняли двойную зависимость, зависѣли отъ двухъ вла-дѣльцевъ. Надо однако помнить, что захребетничество имѣетъ временный характеръ зависимости, тогда какъ крестьянство или холопство имѣютъ характеръ постоянной зависимости. Такъ какъ захребетники избѣгали тягла съ посадскими людьми и были облагаемы государственными пода-тями только въ экстраординарныхъ случаяхъ, то московское правитель-ство принимало рядъ мѣръ, чтобы прикрѣпить захребетниковъ къ поса-дамъ. Такими мѣрами были извѣстныя постановленія Уложенія царя Але-ксѣя Михайловича и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ. Оконча-тельное исчезновеніе этого института относится уже къ Петровской эпохѣ.

Къ указаннымъ особенностямъ московской торговли надо добавить еще одну. Уже изъ предшествующаго изложенія было видно, что въ мо-сковскій періодъ далеко не выработался особый классъ торговыхъ людей въ собственномъ смыслѣ слова, не было строгаго раздѣленія занятій между селомъ, городомъ и военною и церковною службою, чѣмъ отличался, напри-мѣръ, социальнo-экономическій строй Западной Европы. Особенностью московской торговли надо считать то, что ею занимались всѣ, начиная отъ царя и большихъ его бояръ и кончая низами общества. Иностранцы удивлялись любви москвичей къ торговой дѣятельности: по мелочамъ, но

всякій стремился принять участіе въ торгѣ. Всѣ жители Московіи, замѣчаетъ такой внимательный наблюдатель, какъ Кильбургеръ, начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю, отчего въ Москвѣ болѣе лавокъ, нежели въ Амстердамѣ, или даже въ цѣломъ иномъ государствѣ; правда, замѣчаетъ тотъ же наблюдатель, эти лавки малы и скудны, изъ одной амстердамской лавки выйдетъ 10 и болѣе московскихъ, но все это доказываетъ лишь то, что русскіе любятъ торговлю. Неудивительно поэтому, что и московскій рынокъ далеко не находился въ полномъ обладаніи московскаго посадскаго населенія въ собственномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, трудно учесть точныя данныя объ участіи не посадскаго населенія въ московской торговлѣ въ разные періоды, но достаточно помнить, что, наприм., сборъ пятинной деньги 1634 года насчитывалъ патриаршихъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ торга или ремеслѣ; по записямъ той же пятинны мелькаетъ цѣлый рядъ захребетниковъ, принадлежавшихъ крупнымъ боярамъ. Уложенная реформа, отписавшая московскому посаду много дворовъ частновладѣльческихъ людей, жившихъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ или на частновладѣльческихъ земляхъ, была лишь палліативной мѣрой въ этомъ направленіи, потому что и во 2-й половинѣ XVII стол. продолжаются неустанныя жалобы посадскихъ тягловъ на конкуренцію частновладѣльческихъ людей, повтореніе указовъ о припискѣ къ посадскому тяглу торгующихъ не посадскихъ элементовъ, пока, наконецъ, правительство царя Алексѣя Михайловича не разрѣшило этой проблемы, допустивъ торгъ и занятія ремеслами въ Москвѣ всѣмъ не посадскимъ элементамъ съ тѣмъ, однако, чтобы они несли полностью посадское тягло, не приписываясь навсегда къ московскому посаду. Несмотря на то, что къ началу XVIII стол. совершается процессъ дифференціаціи посадскаго класса, все же участіе различныхъ элементовъ въ московской торговлѣ было значительно и на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. Въ этомъ отношеніи даетъ очень цѣнныя указанія перепись московскихъ лавокъ и другихъ мѣстъ торговли 1701 года. По этой переписи изъ общаго числа торговыхъ помѣщеній 51,98% мѣстъ торговли какъ лавочной, такъ и мелочной принадлежало собственно посадскимъ элементамъ, т. е. гостямъ, торговымъ людямъ гостиной и суконной сотни, тяглецамъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и московскимъ ремесленникамъ, 16,07% всѣхъ торговыхъ мѣстъ принадлежало мелкимъ военно-служилымъ людямъ, т. е. стрѣльцамъ и пушкарямъ, 2,74% принадлежало дѣтямъ боярскимъ, 21%—церковно служителямъ; монастырскимъ и вообще церковнымъ крестьянамъ принадлежало 2,40% и частновладѣльческимъ крестьянамъ 1,38%. Затѣмъ, въ торгѣ принимали участіе государевы дворцовые слуги и разные другіе мелкіе не посадскіе элементы. Далѣе 18,73% всѣхъ мѣстъ торга принадлежитъ лицамъ, социальное положеніе которыхъ не опредѣлено переписью. Такимъ образомъ, довольно значительный % мѣстъ торговли не поддается точному учету, но, повидимому, тѣ владѣльцы лавокъ, относительно которыхъ опись не говоритъ, къ какому разряду населенія они принадлежали, должны быть зачислены въ составъ не посадскихъ, иногороднихъ элементовъ. Такое предположеніе съ большой вѣро-

ястностью подтверждается тѣмъ, что опись наибольшею опредѣленностью отличается въ своихъ указаніяхъ на принадлежность владѣльцевъ лавокъ къ московскимъ сотнямъ и слободамъ, каковая тенденція этого документа вполне понятна въ виду его фискальныхъ цѣлей, и наименьшею опредѣленностью отличается въ регистраціи непосадскихъ элементовъ. Какъ бы то ни было, но приведенныя выше соображенія въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ высказанную уже ранѣе мысль о значительномъ участіи въ московской торговлѣ пришлаго населенія и вообще населенія, не принадлежавшаго по своему соціальному положенію къ московскому торгово-промышленному посадскому обществу.

Впрочемъ, надо замѣтить, что въ московскомъ торгѣ лишь въ количественномъ отношеніи замѣчается извѣстнаго рода наплывъ непосадскихъ элементовъ, качественная же сторона торговли, т. е. размѣры ея, всегда составляли преимущество московскихъ торговыхъ людей. Это подтверждается и описаніемъ 1701 года. Въ самомъ дѣлѣ, если мы рассмотримъ наши данныя по различнымъ видамъ торговыхъ помѣщеній, то доминирующая роль посадскихъ элементовъ въ этой торговлѣ будетъ совершенно ясна. Такъ, посадскіе тяглецы владѣютъ 55,4% всѣхъ торговыхъ помѣщеній крупнаго размѣра и только 45,8% мѣстъ мелочной торговли. Эти соотношенія могутъ быть подтверждены еще болѣе убѣдительными данными. Оказывается, что мѣста торговли оптовой и вообще наиболѣе крупной находятся преимущественно въ рукахъ посадскихъ: изъ 36 погребовъ имъ принадлежитъ 28, изъ 26 амбаровъ — 16, изъ 97 лѣсныхъ становъ—60, изъ 40 мясныхъ лавокъ и боенъ (при весьма значительной конкуренціи казны)—24.

Но мы уже хорошо знаемъ, что московскіе купцы далеко не въ одной Москвѣ вели свои торговыя операціи, и, слѣдовательно, размѣры ихъ участія въ торговлѣ собственно города Москвы далеко не характеризуетъ размѣра торговыхъ оборотовъ московскихъ капиталистовъ. Къ сожалѣнію, пока нѣтъ возможности охарактеризовать размѣры тѣхъ капиталовъ, которыми обладало московское купечество. Котошихинъ сообщаетъ, что московскіе гости обычно обладали капиталомъ въ 20—100 т. руб., но это сообщеніе, разумѣется, не имѣетъ характера сколько-нибудь достовѣрнаго показателя. Трудно также опредѣлить и способы нарастанія капитала. Петровская эпоха показала, что большое количество торговавшихъ и занимавшихся промыслами оказалось, повидимому, обратно пропорціонально размѣрамъ владѣемаго капитала, такъ какъ петровскія компаніи складывались съ большимъ трудомъ и далеко не всегда находили капиталистовъ въ средѣ именно торгово-промышленнаго класса. Но если мы затрудняемся опредѣлить размѣры роста торговаго капитала, то зато, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить того, что московскіе капиталисты обогащались не только одной торговлей, но и другими способами. Московскіе торговые люди, особенно высшіе служилые разряды ихъ, наряду съ торговлей, несли и тяжелую государеву службу въ финансовомъ вѣдомствѣ. Эта служба отнимала время, она иногда была дѣломъ рискованнымъ, такъ какъ могла повлечь къ разоренію и ударамъ батогами. Но

изворотливость выборнаго финансоваго чиновника нерѣдко приносила ему и возможность быстрого обогащенія.

Наряду съ откупной системой въ управленіи акцизными и таможенными сборами, московское правительство практиковало и управленіе этими доходными статьями, при чемъ для завѣдыванія ими — разумѣется, болѣе крупными статьями — посылались московскіе гости и сотенные тяглецы. Эта финансовая служба отрывала ихъ отъ коммерческаго дѣла, но безспорно она имѣла вліяніе и на развитіе коммерческихъ предпріятій, потому что помогала завязывать торговыя сношенія во время отправления службы. Такъ, въ силу самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, складывалась для московскаго купца возможность увеличивать своей капиталъ. Въ настоящее время трудно опредѣлить размѣры московскаго капитализма; можно съ несомнѣнностью только утверждать, что въ теченіе всего XVII вѣка наблюдается настаніе его. Но надо имѣть въ виду, что кромѣ настанія капитала, какъ слѣдствія торговли и промышленности, былъ еще одинъ источникъ его, требующій къ себѣ большого вниманія. Если государева финансовая служба могла способствовать естественному способу настанія капитала, то въ не меньшей мѣрѣ участіе въ царской торговлѣ, въ сборѣ налоговъ, взиманіе таможенныхъ и кабацкихъ денегъ открывало широкую возможность злоупотребленій и наживы. Безспорно, въ исторіи развитія русскаго капитализма этотъ источникъ обогащенія долженъ занять видное мѣсто. Для того, чтобы показать, насколько серьезное значеніе онъ имѣлъ въ дѣлѣ накопленія капиталовъ въ рукахъ московскихъ гостей, мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ архивныхъ дѣлъ, относящійся приблизительно къ 1620—22 гг.

Говоритъ онъ о двухъ способахъ зарожденія капитала, прилагаемаго затѣмъ къ торговлѣ и промышленности: о воровствѣ изъ казны въ мирное время и о грабежѣ казны во время гражданской войны. Въ первомъ дѣлѣ*) московскій купецъ Никифоръ Богдановичъ Порывкинъ обвиняетъ въ хищеніяхъ обоюго порядка 16 человекъ московскихъ гостей и торговыхъ людей. Проникнутая сарказмомъ его челобитная—доносъ и «роспись» тѣхъ, «кои государеву казну збирали вправду по... кресному целованью», указываютъ, что «воры-мужики» грабили преимущественно Денежный Дворъ. Воровство шло на крупныя суммы, особенно по тогдашнему времени. Самое крупное мирное воровство (до 20000 р., или по покупной способности около 280000 рублей 1882 года) принадлежитъ «дядюшкѣ» обвинителя, небызвѣстному гостю Андрею Котову. Другіе воровали по 10, по 6, 5 и менѣе тысячъ, вѣроятно, по способностямъ и по должности. Состоянія создаются съ быстротой поражающей. Напримѣръ, Мишка Строгальникъ занимался въ Москвѣ тѣмъ, что мочилъ сукна по 4 деньги за портище, а послѣ того какъ посидѣлъ на Денежномъ Дворѣ въ товарищахъ Андрея Котова, у него въ одинъ годъ «въ торгу появилась тысячъ з десетъ съ государева з Денежна Двора». У братьевъ Ларевонныхъ суконной сотни послѣ Смуты «не было 50 рублей», а послѣ того какъ оба посидѣли по

*) Изложеніе, приведенное ниже, архивнаго дѣла доставлено намъ П. П. Смирновымъ.

году, у нихъ оказалось до 20.000 р. Никифоръ Богдановичъ рекомендуетъ допросить ихъ: «гдѣ они животъ в два года на Денежномъ Дворѣ приторговали». Дмитрей Облезовъ такимъ же путемъ въ годъ приобрѣлъ «тысячъ с десеть и больше... осударевой казны краденой», да жену одѣлъ въ дорогіе перстни «с яхонты и алмазы»; а раньше думалъ уходить на Донъ въ казаки. Вообще, 10.000 (140.000 въ рубляхъ 1882 г.) были, повидимому, нормальнымъ заработкомъ собиравшихъ «вправду... по кресному целованью» цѣловальниковъ Денежнаго Двора и иныхъ доходныхъ мѣстъ. Ивашка Горбовъ на 100 р.—«у крупы приторговалъ» 10000 р. (онъ торговалъ въ Нижнемъ крупой), гость Томило Таракановъ «попраздновалъ въ таможенныхъ головахъ» въ Казани полтора года, бралъ тамъ взятки и нажилъ за это время 10000 р.; Ив. Оед. Максимовъ воровалъ въ Архангельской таможи и притомъ столь откровенно, что Двинскіе цѣловальники «ево велели хватать», затѣмъ вынули у своего головы «ис портокъ» 100 р. и положили ихъ «опять въ государеву въ казну»,—исторія, на погашеніе которой пришлось Максиму этимъ цѣловальникамъ выложить 300—400 руб. Сидѣльщикъ, т. е. приказчикъ, автора челобитья, Ротка Титовъ, также попалъ на Денежный Дворъ, хотя, конечно, не головой. Раньше «а не было у Ротки ни деньги», чуть не съ удивленіемъ объясняетъ Порывкинъ,—годъ спустя оказалось 2000 р. (ок. 28.000 р.). По мнѣнію Порывкина, у Ротки необходимо допытаться, большой ли на Денежномъ Дворѣ денежный колодезь, откуда онъ, очевидно, начерпалъ свои капиталы. И это все картинки, ежегодно повторяющіяся вмѣстѣ съ ежегодной замѣной цѣлующихъ крестъ хранить и собирать государеву казну, которая, по ироническому замѣчанію Порывкина, ни на огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ.

Самую крупную сумму подозрительнаго происхожденія авторъ находитъ у Третьяка и Смирнова Судовщиковыхъ. До «разоренья» у Судовщиковыхъ было 1000 р. долгу, а послѣ московскаго разоренья 40.000 р. капиталу (560.000 р. на р. 1882 г.). Гость Смирной Судовщиковъ—видное лицо, онъ отъ Калуги подписывалъ грамоту объ избраніи царя Михаила. Генезисъ его богатства нѣсколько иной, чѣмъ у предыдущихъ лицъ, если вѣрить прозрачнымъ намекамъ Порывкина. Повидимому, калужскій депутатъ скупалъ за безцѣнокъ и бралъ въ закладъ коронныя и частныя драгоценности, разграбленныя въ смутную эпоху. Къ Судовщикову попали золотые ковшъ и чарка царя Василія Шуйскаго, заложенные послѣднимъ отцу Порывкина за 100 р. (вѣсомъ 3 ф. 2 золотника), и золотая чеканная бѣрина «съ яхонты, ноудачю въ ней нетъ ли и олмазовъ», о которой авторъ замѣчаетъ: «не наша статья мужичья», и, вѣроятно, многое другое. Такого же происхожденія («такие же рухляди», опредѣляетъ Порывкинъ происхожденіе бѣрины), очевидно, перстень съ яхонты и бирюзами и золото у Оксена Коробейникова, который и «самъ гроша не стоитъ», и перстни у жены Облезова. Какъ же попала эта «рухлядь» въ руки грабителей и скупщиковъ награбленнаго? На это отвѣчаетъ отчасти показаніе Порывкина, отчасти дѣло о Пятунькѣ Ондроновѣ. Пятунька—двоюродный братъ и слуга знаменитаго

кожевника Феодора Андропова, котораго Сапѣга еще въ 1609 году называетъ однимъ изъ думныхъ бояръ Тушинскаго царька. Пятунька, впрочемъ, по его словамъ, еще «при Ростриге» отошелъ отъ Феодора (онъ торговалъ его товаромъ на Погорѣломъ Городищѣ) и жилъ въ Москвѣ у другихъ родственниковъ своихъ и Феодора, Болотниковыхъ (у Василя, за которымъ была замужемъ сестра Феодора, Офимья, и у Юрья). Пятунька, отчасти на ихъ деньги, торговалъ въ Москвѣ серебрянымъ ломомъ. Когда же Москва была занята Жолкѣвскимъ, то Пятуньку чуть не убили, по его словамъ, на дворѣ Болотникова. Онъ спряталъ свое серебро (на 600 р.) въ коробочкѣ на ледникѣ, а самъ побѣжалъ къ Феодору Одронову. Вѣроятно, послѣдній принялъ его не такъ сурово, какъ хочетъ изобразить Пятунька: по крайней мѣрѣ, дякъ Степанъ Соловецкій далъ Пятунькѣ пристава, доставшаго ему коробочку, а потомъ и самъ Пятунька, оказывается, служитъ у Феодора: стряпаетъ на погребѣ у питья. И Феодоръ Одроновъ и названный Степанъ Соловецкій (да и допрашивающій Пятуньку дякъ Иванъ Грамотинъ)—видные тушинцы и затѣмъ правители Москвой: они постоянно ходили съ Гонсѣвскимъ и сидѣли съ нимъ рядомъ въ Боярской Думѣ. Роли были распределены еще подъ Смоленскомъ (депутация Салтыкова): торговые мужики, Одроновъ оказался казначеемъ, а Соловецкій—дякомъ Новгородской Чети. На Одропова была «вѣра положена» самимъ Сигизмундомъ: еще въ августѣ 1610 г. онъ ѣздилъ «въ Литву» (о чемъ упоминаетъ Пятунька), и привезъ отъ короля Жолкѣвскому приказъ приводить москвичей не на имя Владислава, а на свое королевское. Потомъ началась осада Москвы ополченіями Поволжскихъ посадовъ; городъ голодалъ; Пятунька сталъ промышлять, какъ бы ему изъ Москвы уйти. До этихъ поръ, по его словамъ, онъ лежалъ въ Чудовомъ монастырѣ больной отъ побоевъ брата и пролежалъ такимъ образомъ 25 недѣль. Изъ города онъ ушелъ тайкомъ отъ брата и не вынесъ съ собою никакого живота,—это, конечно, вѣрно, такъ какъ все равно отняли бы. Пятунька явился въ Разрядъ «на трубѣ» ополченія и казаковъ, затѣмъ сидѣлъ за приставомъ и былъ выпущенъ за порукой (конечно, фиктивной) князя Д. М. Пожарскаго. Феодоръ Одроновъ, когда стала очевидной невозможность отстоять голодавшій городъ (Китай-городъ взятъ штурмомъ 22 октября 1612 года, а Кремль сдался 26 октября), вѣроятно, раздавалъ «государевы казны, каменья і жемчюговъ і иныхъ узорочей сестрамъ, родственникамъ и др. лицамъ» (такъ думаютъ допрашивающіе Пятуньку). Сокровища прятались до поры до времени и затѣмъ объявлялись (не въ одинъ изъ такихъ ли моментовъ Ив. Ив. Синея закопалъ 1000 р. подъ гробомъ тетушки Порывкина, Марьи Гавриловны Сверчковой, а затѣмъ «мертвою кость ворошилъ», доставая ихъ?). У сестры Феодора Одропова оказались цѣнныя вещи; она ихъ прятала у пояса. У Пятуньки тоже оказались серьги съ жемчугомъ, кольца, запонки и жемчужныя зерна, обложенная золотомъ рѣзаная на камнѣ панагія,—вещи, уже своимъ составомъ указывающія на темное происхожденіе. Яхонты лазоревы Пятунька продалъ за 70 р., одни серьги положилъ у Порывкина (Михайла). Трудно утверждать, получилъ ли Пятунька драгоценно-

сти отъ сестры Феодора Ондронова, Оеимьи, которую въ Осташковѣ, по его словамъ, обокрали, или ему удалось самому припрятать ихъ, но результатъ одинъ: перстни съ алмазами цѣною по 600 р. шли подъ сурдинку по 3—4 р. (Олешка Маскинъ), царскіе животы оказывались и въ Нижнемъ и въ Калугѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ; ихъ скупали и брали въ закладъ, и гости и торговые люди богатѣли. Бояринъ Феодоръ Ивановичъ Шереметевъ и дьякъ Иванъ Грамотинъ (тушинецъ самъ) посадили Пятуньку за пристава, т. е. отдали для заключенія недѣльщику Новгородской Четверти Богдану Тайдакову, а 3-го сентября 1622 года онъ отданъ для держанія Якову Студенцову. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, равно какъ и царской рухляди. О Феодорѣ Ондроновѣ, о неудачномъ бѣгствѣ его изъ-подъ стражи сохранились дѣла, встрѣчаются его собственноручныя записки. Близкихъ къ нему людей (у Феодора были обширныя связи) прavitельство связало поруками московскихъ купцовъ, обязуя ихъ не сношиться съ Литвой, Крымомъ и особенно съ Фодькой Ондроновымъ.

«Московское разоренье» во всякомъ случаѣ не прошло безслѣдно: дворянству достались земли (не были утверждены собственно только жалованныя грамоты Тушинскаго вора), а разоренному кризисомъ западной торговли посадскому люду—царская и иная разграбленная рухлядь.

Если Москва была центромъ торговли всего государства, то московскій Китай-городъ былъ центромъ торговой жизни самой Москвы, какъ и въ настоящее время. Впрочемъ, повидимому, еще во 2-й половинѣ XVI вѣка, а, слѣдовательно, и ранѣе, торговля производилась въ самомъ Кремлѣ. Еще англичанинъ Дженкинсонъ говоритъ о томъ, что главный торгъ разными вещами находится въ Кремлѣ, хотя уже въ его время были отдѣльные рынки и ряды для различныхъ товаровъ. Вообще иностранцевъ очень поражали торговое оживленіе московскаго рынка и его порядки. Бывшій въ самомъ концѣ XVI вѣка въ Москвѣ венгерецъ Николай Варкочъ считаетъ Китай-городъ и его торговую площадь значительной: «тутъ славная площадь и большая торговля, до ста съ лишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары». Такъ онъ характеризуетъ наиболѣе бойкое мѣсто въ Китай-городѣ, именно Красную площадь. Петръ Петрей, видѣвшій Москву въ неблагоприятный моментъ (1608 годъ), рассказываетъ, что главный московскій рынокъ былъ около Гостиного двора въ Китай-городѣ; это вѣрно, потому что здѣсь производилась наиболѣе значительная торговля. Далѣе, тотъ же иностранецъ отмѣчаетъ, что въ каждомъ ряду встрѣчаются особенные товары. На одной улицѣ можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой—разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какія только можно назвать, на третьей—разнаго рода бархатъ, камку, атласъ и шелкъ; на четвертой—серебряныя и золотыя вещи; на пятой—жемчугъ, драгоценныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; на шестой—кресты и образа; на седьмой—узорчатые шитые шелками сапоги и башмаки; на восьмой—драгоценныя ткани, тесьму, рубашки, вышитыя золотомъ, серебромъ и шелкомъ, какъ женскія, такъ и мужскія; на девятой—сабли, ружья, порохъ и дробь; на десятой—сѣдла, узды и всякую сбрую; на одиннадцатой—раз-

ное готовое платье суконное, полотняное и шелковое; на двѣнадцатой различные съѣстные припасы, начиная съ рыбы и мяса и пр. Множество мелкихъ лавокъ и народу, толпившагося среди рядовъ и на площади, производило на иностранцевъ сильное впечатлѣніе. Полякъ Маскѣвичъ, бывшій въ Москвѣ около того же времени (1611 г.), самъ пріѣхавшій изъ страны съ мало развитой торговлей, такъ былъ пораженъ торговымъ оживленіемъ Китай-города, что передаетъ о немъ самыя невѣроятныя свѣдѣнія: «трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ; ихъ считается до 40.000; такой вездѣ порядокъ: для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ, даже цырульники бреютъ въ своемъ ряду». Такой же характеръ рыночная площадь Китай-города имѣла въ концѣ XVII вѣка. Олеарій считаетъ это очень удобнымъ: каждый, благодаря ему, знаетъ, куда ему пойти, гдѣ ему получить тотъ или другой товаръ. То же подтверждаетъ и Кильбургеръ. Въ Китай-городѣ, говоритъ онъ, преобладаютъ каменные лавки; изъ нихъ инныя принадлежатъ царю, а большая часть всякимъ лицамъ. По различнымъ мѣстамъ днемъ и ночью стоитъ стража, налита въ бочки вода на случай пожара, которые въ Москвѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Самое замѣчательное и главное въ Москвѣ—то, что всякій сортъ товаровъ, отъ низшихъ до высшихъ, имѣетъ свою улицу и рынокъ. Торговцы шелкомъ имѣютъ свой, пряностями—свой, паяльщики и колокольники, мѣховщики, сапожники, шорники, русскіе аптекари, косметики, продавцы чесноку и т. д.—свой. Даже старьемъ и лоскутьями торгуютъ на базарѣ передъ замкомъ неизмѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ, почему и не стоитъ никакого труда найти нужный товаръ.

Въ концѣ XVII вѣка Китай-городъ уже мало имѣлъ въ своихъ стѣнахъ жилыхъ домовъ и весь состоялъ изъ лавокъ.

Торговое оживленіе начиналось сейчасъ за воротами Кремля на Красной площади.

Это была наибольшая и лучшая въ городѣ площадь, которая весь день была полна торговцами, мужчинами и женщинами, рабочими и празднующимися. Вблизи Лобнаго мѣста, у Василия Блаженнаго, стояли обыкновенно женщины и торговали холстами, а инныя стояли, держа во рту кольца, чаще всего съ бирюзою, и предлагали ихъ для продажи. «Какъ я слышалъ», прибавляетъ въ своемъ описаніи Олеарій, «одновременно съ этой торговлей онѣ предлагаютъ покупателямъ еще кое-что иное».

Эта пестрая толпа очень привлекала иностранцевъ своимъ своеобразнымъ колоритомъ. «Любо въ особенности посмотрѣть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянокъ: нанесутъ ли онѣ полотна, нитокъ, рубахъ или колецъ на продажу, столбятся ли такъ позѣвать отъ нечего дѣлать, онѣ поднимаютъ такіе крики, что новичокъ, пожалуй, подумаетъ, не горитъ ли городъ, не случилось ли внезапно большой бѣды. Онѣ отличаются яркой пестротой одежды, но ихъ вотъ за что нельзя похвалить: весьма многія и по преимуществу пожилыя, съ лѣтами утратившія прелесть красоты, имѣютъ обыкновеніе бѣлиться и румяниться—примѣсью безобразія поддѣлывать красоту и юность».

Со 2-й четверти XVII вѣка здѣсь же былъ установленъ бѣлильный рядъ на мѣстѣ прежняго сапожнаго краснаго ряда. Этотъ рядъ былъ пониже Тиунской избы, очевидно, на спускѣ горы. Здѣсь торговали женщины бѣлилами и румянами, «приносомъ, въ коробьяхъ, накрывъ въ шалашахъ», т.-е. въ небольшихъ переносныхъ шалашахъ; лавки имъ здѣсь возбранялось ставить. Каждой торговкѣ подъ шалашъ отводилось пространство въ $\frac{1}{2}$ сажени. «Для церковной чистоты» церковь Покрова Богородицы была огорожена особыми надолбами. Торговкамъ строго возбранялось переходить за надолбы и подходить близко къ Тиунской избѣ. Тутъ же у Спасскаго крестца стояла Тиунская изба, къ которой собирались безмѣстные попы и предлагали свой трудъ—служить молебны и обѣдни. Это была тоже шумная толпа. Безмѣстные попы и дьяконы чинили всякое безчинство: «межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и борются и въ кулачки бьются; а которые наймутся обѣдню служить, и они съ своею братьею, не протясь, божественну литургию служатъ». Патріаршія предписанія тщетно боролись съ этой «торговлею Литургіею». Тутъ же на крестцѣ толпились и книжники, продававшіе свои книги. Это вполне естественно, такъ какъ попы были люди грамотные: однимъ изъ нихъ нужны были книги, а другіе приносили ихъ для продажи. Это и есть тотъ книжный рядъ, о которомъ упоминается еще въ концѣ XVI вѣка.

Къ концу XVII столѣтія здѣсь же, кромѣ книгъ, продавались еще и «листки деревянной печати» (гравюры). Вообще тутъ бродило множество всякаго люда, одни по дѣлу, другіе безъ всякаго дѣла. Крестьяне приходили изъ селъ на Спасскій мостъ «для найму на работы съ Красныя площади». Какъ теперь на Хитровомъ рынкѣ, толкались продавцы разныхъ мелочей: такъ, можно было встрѣтить гребенщиковъ, изъ которыхъ у многихъ весь товаръ состоялъ изъ «двухъ гребней слоновыхъ по цѣнѣ оба 5 алтынъ да рогового гребня грошеваго да трехъ перстней со ставками, перстень по алтыну да по 2 гроша». Въ такой толпѣ хорошо себя чувствовали карманные воры, которыхъ здѣсь сновало немалое число. Они начинали свою работу, когда особенно скоплялся народъ на Красной площади. Это наиболѣе удобно было въ дни крестныхъ ходовъ, когда ряды запирались, и вся богомольная Москва покрывала Красную площадь. Сюда же приходили, чтобы опознать свои вещи, тѣ, у кого совершена была кража, потому что воры сбывали на Красной площади краденныя вещи. Хозяинъ обычно имался за свою опознанную вещь и тащилъ продавшаго ее человѣка на Сѣзжій дворъ. Разумѣется, продавецъ украденной вещи всячески пытался ускользнуть отъ появленія на Сѣзжемъ дворѣ, вслѣдствіе чего площадь оглашалась криками преслѣдовавшихъ, и нерѣдко между воромъ и хозяиномъ опознанной вещи происходила борьба, въ 1687 году у крестьянина Тихонова ночью со двора были украдены разныя вещи, въ томъ числѣ и черная курица. Поутру крестьянинъ пошелъ на Красную площадь для покупки харчей и увидѣлъ свою черную курицу у тяглеца казенной слободы Аникѣва. Тихоновъ немедленно сталъ вести Аникѣва на Сѣзжій дворъ, но дорогой Аникѣвъ «не знамо

съ какими людьми учили его бить и тое курицу отбили», да кстати сбили съ него шапку цѣною въ полтора рубля. Во время возни Аникѣевъ, желая избавиться отъ поличнаго, оторвалъ у курицы голову, да и самое ее забросилъ куда то. На Съѣземъ дворѣ воръ уже утверждалъ, что самъ Тихоновъ его билъ, что ночью онъ не крадывалъ, а купилъ курицу въ Охотномъ ряду, и «его не бивалъ и у курицы головы не отрывывалъ, а гдѣ тое курицу онъ Мишка кинулъ, того не вѣдаетъ».

Таковъ былъ центръ Красной площади и ея Спасскій мостъ, ведшій къ Спасскимъ воротамъ въ Кремль. Тѣснота, происходившая отъ скопленія народа и отъ множества мелкихъ лавчонокъ и шалашей, побудила уже Петра Великаго окончательно предписать «съ Красной площади всякое лавочное строеніе сломать, а торговать всякими товары въ тѣхъ рядѣхъ, въ которыхъ которыми товары торговать указано».

Съ другой стороны площади противъ Казанскаго Собора и земскаго Приказа до 80-хъ годовъ XVII вѣка стоялъ деревянный шатеръ, на столбахъ въ которомъ находились двѣ большія пушки; здѣсь же находился на площади деревянный амбаръ, въ которомъ торговали квасомъ, сапогами и всякимъ ветошнымъ товаромъ. Въ 80-хъ годахъ того же столѣтія торговый человѣкъ Дмитрій Даниловъ выпросилъ у государя разрѣшеніе устроить подъ пушками раскатъ изъ кирпичной кладки, а подъ раскатомъ устроить погреба, лавки и палаты. Въ этихъ лавкахъ ему разрѣшено торговать уксу-сомъ, яблочнымъ квасомъ, краснымъ питьемъ, а въ лавкахъ или палатахъ торговать яблоками или сапогами, новыми и ветошными товарами, ножами, восковыми и сальными свѣчами, овощами и всякимъ харчемъ.

За площадью начинались торговые ряды. Это былъ цѣлый городокъ небольшихъ лавокъ. Въ XVI вѣкѣ тутъ была большая скученность, лавки были, повидимому, въ большинствѣ случаевъ деревянные. Послѣ московскаго разоренія вмѣсто выгорѣвшихъ лавокъ построены были новыя, почти исключительно каменные. Тогда же въ сильной мѣрѣ была измѣнена вся распланировка рядовъ «для уличнаго простору»: многіе ряды были перенесены на новыя мѣста, выправлены улицы, и даже каменные погреба уменьшены, если они выдавались на улицу. По государеву указу каждый торговецъ долженъ былъ платить за камень и кирпичъ, хотя бы постройка возводилась на его вотчинномъ мѣстѣ. Вся эта работа была закончена въ 1626 г., и Китай-городъ принялъ видъ, почти не измѣнявшійся до конца XVII столѣтія.

Тогда же былъ сдѣланъ рядъ распорядженій относительно порядка торговли.

Торговья помѣщенія по своимъ размѣрамъ дѣлились на лавки, полулавки и четверть-лавки. Со временъ царя Θεодора Ивановича размѣръ лавки равнялся 2^о саж. въ ширину и 2¹/₂ саж. въ глубину. Такимъ образомъ это были очень небольшія помѣщенія. Лавки эти были съ крѣпкими сводами и маленькими окошками, затворяющимися желѣзными ставнями, почему и были мало доступны для огня. Кромѣ того, лавки имѣли подвалы, гдѣ торговцы прятали свои товары.

Ряды такихъ небольшихъ лавокъ тянулись отъ площади противъ Кремля къ стѣнѣ Китай-города. Иногда каждый рядъ имѣлъ свои торго-

вые обычаи. Такъ, противъ Никольскихъ воротъ шелъ иконный рядъ. Это была большая улица, сравнительно съ другими, по которой проѣзжалъ царь, куда бы онъ ни отправлялся. Здѣсь сидѣли продавцы иконъ и живописцы. Интересно, что москвичи не называли торгъ иконами куплей и продажей, а «мѣною на деньги» и при этомъ долго не торговались за иконы. Для характеристики раздѣленія на ряды торговли въ Китай-городѣ приведемъ еще нѣкоторыя названія рядовъ. Такъ, были ряды: сѣдельный, саадашный, красный, сапожный; изъ рядовъ, торговавшихъ металлическими произведеніями, назовемъ скобяной, замочный, котельный, игольный, желѣзный; въ концѣ XVII вѣка появился еще новый замочный рядъ; былъ также самопальный рядъ. Нѣсколько позже упоминается еще серебряный рядъ. Обувью торговали въ сапожномъ ряду; матеріями—въ сурожскомъ ряду и суконномъ; разнаго рода пищевыми продуктами—въ очень различныхъ рядахъ. Такъ, были ряды: масляной, ветчинной, хлѣбный, кашачный, овощной, рыбный свѣжій рядъ, сельдяной рядъ, орѣшный рядъ, медвяный рядъ нижній и новый, даже луковый и чесноковый рядъ, харчевой рядъ, пирожный рядъ, вандышный рядъ, построенный въ концѣ XVII вѣка въ концѣ рыбнаго просольнаго ряда (вандышъ—снятокъ). Солью торговали въ особомъ соляномъ ряду, который шелъ отъ Варварскаго крестца. Разнаго рода посудой торговали въ судовомъ ряду, въ горшечномъ ряду, который находился у Приказа Большой Приходъ. Кромѣ того упоминаются еще ряды: бѣлильный, золяной, москотильный, пушной, собольный, впрочемъ, уже не существовавшій въ началѣ XVII вѣка, свѣчной, восковой, мыльный, щепетильный; въ концѣ XVII вѣка появляется новый мужской шапочный рядъ, стоявшій въ концѣ кафтаннаго ряда отъ Ильинскаго крестца къ серебряному ряду, деготный рядъ; ветошный рядъ находился у Ильинскаго крестца и шелъ до Никольскаго крестца. Вообще въ 80-хъ годахъ XVII в. насчитывалось въ Китай-городѣ 72 ряда.

Кромѣ лавокъ въ Китай-городѣ находились цѣлые ряды погребовъ, гдѣ торговали заморскимъ виномъ. Одинъ иностранецъ передаетъ, будто бы на площади у гостиного двора было 200 кабаковъ, но это извѣстіе весьма преувеличено, потому что въ первой четверти XVII вѣка тутъ было выстроено всего $35\frac{1}{2}$ погребовъ. Рядъ ихъ шелъ отъ Никольскаго крестца къ Ильинскому крестцу передъ новымъ овощнымъ рядомъ, отчего и самый рядъ съ погребами обыкновенно назывался овощнымъ рядомъ. Всѣ погреба были каменные, и надъ ними находились каменные же лавки. При устройствѣ погребовъ часто происходилъ беспорядокъ: владѣльцы выступали своими погребами на улицу, и, кромѣ того, передъ погребами были навѣсы, тоже иногда выступавшіе сверхъ мѣры, за особые каменные столбы, расположенные передъ рядами именно для устройства на нихъ навѣсовъ; въ 1626 году при переустройствѣ рядовъ указано было и эти выступы привести въ порядокъ. Въ погребахъ торговали большею частью гости, горговыя люди гостиной и суконной сотенъ, иногда нѣмчины. Торгъ шелъ исключительно испанскими и французскими винами. «Когда сойдешь туда», рассказываетъ Кильбургеръ, на пробу даютъ разное вино въ стаканчикахъ, а выберешь, начинаютъ торговать.... Хозяева,

какъ и вообще русскіе, очень любезны. Коли надо, продадутъ съ виномъ и посуду. На закуску даютъ хлѣба, изюму, миндалю». Часть винныхъ погребовъ принадлежала царю, но большая часть—частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ погреба для болѣе состоятельныхъ служили въ то же время трактиромъ. Не удивительно поэтому, что здѣсь нерѣдко происходили ссоры и жестокия драки между подвыпившими людьми, и что московское правительство старалось регулировать торговлю въ погребахъ овощного ряда. Оно издавало крѣпкіе заказы старостамъ и десятскимъ этого ряда для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ погребахъ не продавали водокъ и разносоловъ и всякаго краснаго питья въ стопы и въ полустопы и въ малыя стопки въ алтынныя и въ грошовыя и въ двухденжныя и чтобы питухамъ пить въ погребахъ не позволяли, да чтобы здѣсь же не держали торговцы табаку. Въ погребахъ разрѣшалось продавать всякое красное питье въ ведерную мѣру, не менѣе четверти ведра и притомъ только на выносъ. Ослушникамъ угрожали торговая казнь и 10-рублевый штрафъ. Но, какъ мы видѣли только что изъ разсказа Кильбургера, всѣ эти указы на дѣлѣ не исполнялись.

Кромѣ лавокъ и погребовъ Китай-городъ былъ еще интересенъ своими рынками и особенно разносной торговлей. По дорогѣ отъ Посольскаго двора къ Кремлю былъ особый рынокъ, называвшійся вшивымъ рынкомъ, или вшивою биржею. Тутъ была толкучка, гдѣ продавались разныя старыя вещи; тутъ же сидѣли брадобрѣи въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корой, и предлагали свои услуги постричь и подбрить голову. При хорошей погодѣ эта операція производилась подъ открытымъ небомъ, почему площадь вообще пріобрѣла весьма непривлекательный видъ: была устлана «волосами, такъ что по нимъ ходятъ, что по мягкой обивкѣ», разсказываетъ Олеарій. Вшивый рынокъ сливался съ лоскутнымъ рынкомъ, гдѣ нерѣдко торговали, несмотря на его названіе, очень цѣнными и хорошими вещами, такъ что онъ считался въ числѣ важнѣйшихъ. Лоскутный рынокъ выходилъ уже за Китай-городскую стѣну. Тутъ же, неподалеку отъ него, около Земскаго Приказа, былъ еще птичій рынокъ, въ нынѣшнемъ Охотномъ ряду, гдѣ торговали живой птицей,—тетеревами, косачами, рябчиками, пеголицами, соколами, перепелами, соловьями, жаворонками, щеглами, а также курами, гусями, утками.

Тутъ же въ концѣ XVII вѣка гдѣ то былъ Лѣсной рынокъ на мѣстѣ стараго Государева кружечнаго двора.

На противоположной сторонѣ, на склонѣ горы, гдѣ стоитъ Василій Блаженный, къ Москвѣ-рѣкѣ, находились рынки, гдѣ тоже шла торговля съѣстными припасами. На берегу Москвы-рѣки противъ Козьяго Болота находился рыбный рынокъ. Тутъ былъ особый свѣжій рыбный рядъ между Китайской стѣной и церковью Никола Москворѣцкаго «къ Китаю городу лицомъ». Икорные и рыбные шалаши стояли у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, а рыбные садки находились на самой рѣкѣ. Зимой здѣсь лежала горами замороженная рыба, привезенная на саняхъ изъ Нижняго, Ярославля, Астрахани и другихъ городовъ. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была до того нестерпимая, что иностранецъ не могъ пройти

мимо, не зажимая себѣ нось, но русскіе, замѣчаютъ Кильбургеръ, вовсе этого не чувствовали. Впрочемъ, это замѣчаніе иностранцевъ не совсѣмъ вѣрно: московское правительство отчетливо знало о всякой нечистотѣ, но слабо съ нею боролось. Вообще весь этотъ склонъ горы представлялъ собою очень бойкое мѣсто, гдѣ преимущественно шелъ торгъ съѣстными припасами. На лѣвой сторонѣ нынѣшней Москворѣцкой улицы, противъ церкви Св. Николы Москворѣцкаго, находился Мытный дворъ съ Мытной избою, гдѣ собирались пошлины съ пригоняемаго въ Москву скота и всякой живности и записывались торговья сдѣлки на съѣстные припасы; въ лавкахъ двора складывалось мясо, тутъ же шла торговля яйцами. На всей площади даже въ концѣ XVIII вѣка была «отъ помету всякаго рода съ давняго времени накопленная нечистота, всегда производившая вонь, смрадъ, особенно лѣтомъ». Склонъ горы, спускавшійся къ Москворѣцкимъ воротамъ, былъ, кромѣ того, излюбленнымъ мѣстомъ всякихъ мастеровыхъ людей: у Лобнаго мѣста подъ горой сидѣли башмачники, у горшечнаго ряда и рыбныхъ шалашей—портные мастера, поближе къ Москворѣцкимъ воротамъ—сапожники. Торговое оживленіе перекидывалось и за Москву-рѣку: на Балчугѣ (или Балчикѣ, какъ тогда называли) сейчасъ за рѣкой продолжался мясной рынокъ, на которомъ было однѣхъ только государевыхъ лавокъ 42, и тутъ же было 6 боенъ (въ концѣ столѣтія). Большое количество мясныхъ лавокъ, государевыхъ и частныхъ, было на Козьемъ Болотѣ, сейчасъ за Всесвятскимъ мостомъ. Вообще Козье Болото было очень крупнымъ мѣстомъ торговли, при чемъ едва ли не преобладающую роль здѣсь въ ней играли патриаршіе крестьяне.

Весьма любопытной особенностью Китай-городской торговли, да и вообще московскій, была торговля въ шалашахъ, на скамьяхъ и вообще разносная торговля.

Разные гулящіе и не торговые люди охотно торговали на ходу, въ разнось, къ тому же способу прибѣгали и торговцы въ случаѣ обѣднѣнія. Послѣ моровой язвы 1654 г. многіе изъ оставшихся въ живыхъ торговыхъ людей «обѣдняли и, покинувъ въ рядахъ лавки свои пусты, и изъ рядовъ вышли». На рынкѣ появились стрѣльцы, пушкари, боярскіе люди и крестьяне всякихъ чиновъ и гулящіе люди, которые стали торговать всякимъ товаромъ. Этихъ походячихъ торговцевъ правительство стремилось усадить по опредѣленнымъ мѣстамъ. Оно отводило мелкимъ торговцамъ и торговкамъ особыя мѣста и пыталось удержать на нихъ эту пеструю и шумную толпу мелкихъ торговцевъ и торговокъ. Издавали строгія предписанія о томъ, гдѣ и какъ торговать. Такъ, въ золіаномъ ряду, находившемся нѣсколько ниже Покровскаго собора, стояли торговцы съ золою и торговали ею «въ лукошкахъ, безъ шалашей, не накрывся». Напротивъ, въ бѣлильномъ ряду торговали «въ коробьяхъ, накрывся въ шалашахъ», т. е. въ своего рода кіоскахъ. Въ щепетильномъ и игольномъ рядахъ указано было «лавокъ не ставить, а поставить скамьи и покрыть тесомъ на столбахъ». Много было разнаго рода харчевыхъ рядовъ, гдѣ торговля шла въ шалашахъ и на скамьяхъ. Такъ, рядъ луковый и чесноковый занималъ только мѣста торговья, безъ лавокъ. Недалеко отъ Не-

глиненскихъ воротъ были отведены особыя мѣста для торговли бѣлою рыбицей. Каждое мѣсто было размѣромъ $\frac{3}{4}$ саж., при чемъ торговцамъ было указано «сидѣти имъ на скамьяхъ приносомъ, безъ кровель, а по рядамъ съ бѣлою рыбицей не ходить». Рядомъ съ мѣстами, отведенными для бѣлой рыбы, установлены были мѣста для торговли паровыми сельдями, такого же размѣра, при чемъ торговцамъ было приказано «по рядамъ на вѣкахъ съ селдями не ходить»; они торговали на скамьяхъ. Разнаго рода овощники имѣли особо отведенныя мѣста, уже внѣ предѣловъ Китай-города, подъ городскою стѣною, лицомъ къ самопальному ряду, слѣдовательно, у Неглинныхъ же воротъ; сюда они были переведены съ 1626 года, а до этого времени сидѣли на Красной площади. Тутъ были устроены ряды: яблочный, дынный, ягодный и капустный, и опять таки торговцамъ строго воспрещалось ходить съ своими товарами по рядамъ. Разнаго рода хлѣбные и калачные ряды были разбросаны по Китай-городу и по другимъ улицамъ. Калачники нерѣдко стремились передвинуться съ предоставленныхъ имъ мѣсть. До московскаго разоренія хлѣбники и калачники преимущественно толпились въ Зарядѣ; потомъ они передвинулись къ Ильинскому крестцу, поближе къ Красной площади. Въ 1626 году ихъ велѣно было отсюда «перевести» опять въ Зарядье. Тогда же было велѣно «сослать» и походячихъ харчевниковъ и пирожниковъ, которые «съ сдобными калачами носили по рядамъ на вѣкахъ»; пирожникамъ даны мѣста у Никольскаго моста, а харчевникамъ — на Неглинной. Правда, хлѣбомъ и калачами торговали и въ лавкахъ: такъ, былъ хлѣбный и калачный рядъ, шедшій отъ Спасскихъ воротъ къ Водянымъ воротамъ изъ Китай-города; въ немъ было 13 лавокъ. Въ Зарядѣ, какъ мы видѣли, устроены были тоже хлѣбный и калачный ряды, всего 12 лавокъ. Но тутъ же торговали столовыми калачами «на скамьяхъ, изъ вѣкъ, приносомъ, столовыми калачами покрывся на лучкахъ, рогожами въ ненастный день, а въ ведренный, на вѣкахъ, не покрывся». Пирожный рядъ имѣлъ, какъ мы видѣли, особыя мѣста. На Никольскомъ мосту имъ велѣно было поставить деревянныя низкія лавки, «а сидѣти въ нихъ съ пирогами въ лукошкахъ, приносомъ». Въ харчевомъ ряду были лавки и шалаши; тутъ же разрѣшено было построить и избы для харчоваго варенья. Рядъ съ сдобными калачами обязанъ былъ торговать на скамьяхъ изъ вѣкъ, «приносомъ и кровли надъ скамьями не дѣлать, а по рядамъ, на вѣкахъ съ сдобными калачами не ходить». На Ильинскомъ крестцѣ на большой площади сновали торговцы съ сдобными калачами, разносившіе ихъ на лоткахъ. Имъ даны особыя скамьи, но запрещено ходить по улицамъ. Тутъ же, на Большой площади находился обширный рядъ скамей, на которыхъ торговали яблоками, дынями, огурцами и всякими овощами; такой же торгъ происходилъ и на Неглинномъ мосту. Квасники пользовались особеннымъ вниманіемъ, ихъ было очень много и притомъ разныхъ спеціальностей. Такъ, были особые сусленики, которые торговали сусломъ изъ кувшиновъ, отъ Ильинскаго крестца къ Ветошному ряду и въ другихъ мѣстахъ. За Неглинными воротами, у стѣны Китай-города, у Никольскихъ воротъ, противъ Лобнаго мѣста и въ харчевомъ ряду въ За-

рядъ стояли кади съ яшнымъ квасомъ. Въ разныхъ мѣстахъ среди рядовъ стояли бочки съ становымъ квасомъ. Посоль Таннеръ съ большими подробностями рассказываетъ о приготовленіи квасу москвичами: «изъ любопытства», говоритъ онъ, «я отвѣдалъ нѣсколько капель и цѣлыхъ 12 дней промучился отъ лихорадки, надъ чѣмъ смѣялись и трунили всѣ сослуживцы мои поляки». Кромѣ того, торговля приносомъ шла еще бѣлорыбицею, паровыми сельдями, клюквой, просольной рыбицей; были и походячіе мясники.

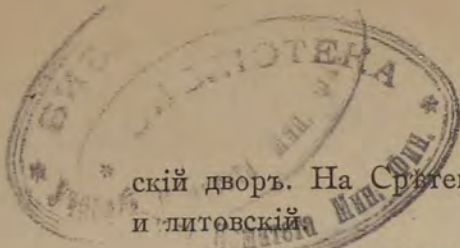
Любопытною особенностью Китайгородского быта являлись также и московскіе извозчики. Ихъ было очень много. Иноземцы рассказываютъ, что извозчикъ за очень маленькое вознагражденіе скачетъ, какъ бѣшеный, по городу и поминутно кричитъ во все горло «берегись».

Московскій Китай-городъ всегда производилъ впечатлѣніе суетливаго и переполненнаго народомъ рынка. Но торговля его еще болѣе оживлялась во время большихъ базаровъ, на которые съѣзжалось много народу изъ селъ: «тутъ насилу продерешься сквозь большую толпу и надо лучше беречь кошелекъ», рассказываетъ Кильбургеръ. Такіе базары бывали по средамъ и пятницамъ въ концѣ XVII в. Зимною же базаръ происходилъ на льду Москвы-рѣки.

Чтобы удержать всю эту толпу торговаго люда, слѣдить за нею и предотвращать разнаго рода нарушенія порядка, московское правительство издавало рядъ указовъ. Такъ, торговля въ опредѣленныхъ рядахъ опредѣленнымъ товаромъ была не столько дѣломъ удобства, сколько требовалась настойчивыми предписаніями государевыхъ указовъ. Въ 1626 году черезъ биричей былъ прокликанъ по всѣмъ рядамъ и по крестцамъ и по Пожару государевъ указъ о томъ, чтобы приставы смотрѣли по часту и накрѣпко, чтобы въ рядахъ торговые люди сидѣли съ своими товарами и торговали бы только тѣми товарами, которыми торговать въ данномъ ряду указано; походячимъ торговцамъ строго воспрещалось мѣнять свои мѣста и торговать въ разность. Но этотъ указъ плохо соблюдался, почему и требовались его неоднократныя повторенія. Эта тенденція правительства, между прочимъ, имѣла цѣлью сосредоточить въ рукахъ опредѣленной группы торговцевъ ту или другую отрасль торговли во избѣжаніе излишней конкуренціи, для того, чтобы «ряды не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были», говоритъ Новоторговый Уставъ 1667 года. Но сдержать торговцевъ оказывалось дѣломъ труднымъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ общаго подтвержденія въ Новоторговомъ Уставѣ мы уже встрѣчаемъ царскую грамоту 1679 года, требующую, чтобы торгъ происходилъ только въ указанныхъ мѣстахъ, и чтобы были сломаны всѣ приспособленія для торга, поставленныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговать не приказано. Въ 1685 году опять встрѣчаемъ подтверждающій указъ о томъ же. Да и само московское правительство по обыкновенію не исполняло своихъ указовъ, давая разрѣшеніе на торгъ въ неуказанныхъ мѣстахъ, часто мѣняя расположеніе рядовъ и т. д. Московскій торгъ вызывалъ заботу правительства еще другого рода. Береженіе торга въ полицейскомъ отношеніи составляло немаловажную задачу.

Ночью московскій Китай-городъ представлялъ собою оригинальную картину. Большая часть улицъ запиралась рѣшотками, а гдѣ не было рѣшотокъ, тамъ ставились надолбы, «чтобы воровскимъ людямъ проходу и проѣзду не было». У рѣшотокъ и надолбовъ стояли военные люди съ рогатинами, топорами и бердышами; они обязаны были всѣхъ прохожихъ разспрашивать и доводить до того мѣста, куда кто идетъ. Приходилось принимать мѣры не только противъ воровства, но и противъ пожаровъ. Поэтому кромѣ замочныхъ, т. е. уличныхъ караульщиковъ, были еще кровельные караульщики, которые ночью дежурили на крышахъ. Особья объѣзжія головы обязаны были наблюдать за общественной тишиной, а также и за исправностью караульщиковъ.

Особое значеніе въ Китайгородской торговлѣ имѣла мѣстность у церкви Св. Максима Исповѣдника, гдѣ былъ англійскій гостиный дворъ и гдѣ находились и другіе гостиные дворы. Въ гостиныхъ дворахъ велась наиболѣе крупная торговля. Гостиныхъ дворовъ въ Москвѣ было нѣсколько. Во 2-й половинѣ XVII вѣка въ Китай-городѣ было 3 гостиныхъ двора—старый, новый и персидскій. На старомъ дворѣ торговали товарами, которые подешевле и попроще. Новый дворъ былъ построенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Это былъ большой четырехугольный дворъ, около 180 шаговъ; здѣсь находились городскіе вѣсы, важня и много лавокъ. Этотъ дворъ служилъ биржею, особенно для иноземцевъ. Зимой тутъ на всемъ дворѣ бывало множество саней, разныхъ товаровъ и народу, такъ что пройти было трудно, приходилось перелѣзать. Тутъ были выложены на продажу многія сотни астраханскихъ осетровъ и стерлядей, много икры и товаровъ съ далекаго юга. На персидскомъ дворѣ торговали персы, армяне и татары; здѣсь было до 200 мелкихъ лавокъ, расположенныхъ подъ крытой галереей, съ разными товарами. Впрочемъ, въ началѣ XVII вѣка гостиный дворъ представлялъ собою довольно скромное учрежденіе. Въ немъ были Купецкая Палата и всего 13 лавокъ. Первое расширеніе гостинаго двора было сдѣлано въ 1638 году при царѣ Михаилѣ. Тогда былъ присоединенъ къ гостиному двору еще особый купецкій дворъ, вѣдавшійся ранѣе въ Посольскомъ Приказѣ и находившійся въ Зарядьѣ. Очевидно, Купецкій дворъ былъ въ завѣдываніи Посольскаго Приказа, потому что онъ тоже служилъ гостинымъ дворомъ для иноземцевъ и купцовъ, пріѣзжавшихъ съ послами. Этотъ дворъ находился рядомъ съ гостинымъ дворомъ, почему и было приказано оба двора соединить, и въ гостиномъ дворѣ указано было построить хоромы, городьбу и ворота и палаты такъ, какъ это было сдѣлано въ Купецкомъ дворѣ. Въ немъ, повидимому, по преимуществу и торговали греки и армяне. Въмѣсто же Купецкаго двора въ Посольскій приказъ былъ отданъ старый денежный дворъ, находившійся между церковью св. Варвары и англійскимъ дворомъ. Кромѣ указанныхъ дворовъ были еще дворы, принадлежавшіе торговымъ иноземцамъ. Самымъ старымъ изъ нихъ былъ англійскій дворъ, находившійся тутъ же около гостинаго двора, у церкви Св. Максима Исповѣдника. Кромѣ того, и другіе иноземцы имѣли свои дворы. Такъ, греки торговали въ греческомъ дворѣ. Надъ самой Неглинной находился швед-

скій дворъ. На Сретенской улицѣ въ XVI вѣкѣ были дворы армянскій и литовскій.

Въ своихъ подворьяхъ иноземцы вели только оптовую торговлю.

Таковъ внѣшній видъ Китай-городской торговли. Что касается количественнаго ея значенія, то надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи Китай-городъ нѣсколько уступалъ другимъ частямъ Москвы. Мы уже видѣли, что нормальная лавка по своимъ размѣрамъ была весьма небольшимъ помещеніемъ для товара, при чемъ чаще торговали въ полу-лавкахъ, въ четверти-лавкахъ, и даже были помещенія въ одну восьмую лавки. До насъ дошло два довольно полныхъ описанія Китай-города—перепись 1626 года и перепись 1701 года. Первую можно считать совершенно полной, во второй же нѣкоторыхъ рядовъ не достаетъ, хотя они, повидимому, были, напр., иконный рядъ, но въ общемъ и эту послѣднюю перепись можно признать достаточно полной. Во всякомъ случаѣ ею приходится пользоваться за недостаткомъ другихъ данныхъ. Такъ, оказывается, что по переписи 1626 г. въ Китай-городѣ было 657 и двѣ трети лавокъ съ 5-ю пядями, кромѣ того $46\frac{1}{2}$ незанятыхъ лавочныхъ мѣстъ и 208 саженъ незастроенныхъ лавочныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ перепись этого года носить на себѣ еще слѣды разоренія въ эпоху Смуты. Впрочемъ, значительное число незанятыхъ лавочныхъ мѣстъ было московскимъ правительствомъ изоброчено въ томъ же 1626 году. Кромѣ лавокъ мѣстами крупной торговли были еще погреба, избы и амбары. Въ Китай-городѣ было 32 погреба, одинъ полупогребъ и четыре по $\frac{3}{4}$ погреба.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ можно составить себѣ представленіе о размѣрахъ и направленіи крупной торговли по переписи 1626 г. Но мы уже говорили о томъ, что мелочная торговля въ Китай-городѣ была весьма распространена. На скамьяхъ, въ шалашахъ сосредоточивалась торговля преимущественно готовыми продуктами питанія; сюда же надо отнести «походячихъ» торговцевъ, а также всевозможныхъ продавцовъ кваса. Изъ 1368 торговыхъ мѣстъ, которыя можно насчитать въ Китай-городѣ, 541 принадлежало мелочнымъ торговцамъ. Такъ, однѣхъ скамей было 267; на скамьяхъ торговали фруктами, калачами, и т. п. Шалашей было 47, большинство которыхъ (33) принадлежало торговкамъ бѣлилъ и румянъ. Продажа квасу была весьма распространена; такъ, квасъ продавался на 62 бочечныхъ мѣстахъ и на 32 кувшинныхъ мѣстахъ. Этотъ характеръ мелочной торговли еще разъ указываетъ на то, что въ Китай-городѣ скоплялась масса народу, который подкрѣплялъ свои силы на скамьяхъ съ харчевыми продуктами.

Тотъ же характеръ Китай-городская торговля носитъ и на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. По переписи 1701 г. въ Китай-городѣ насчитано 614 лавочныхъ владѣній. Полулавки имѣли преобладающее значеніе, такъ какъ ихъ было въ этомъ числѣ 242; по своимъ размѣрамъ къ этимъ мѣстамъ торговли приближаются и мѣста по $\frac{3}{4}$ лавки, которыхъ было 77. По одной лавкѣ было 189 владѣній. Такимъ образомъ количество лавочныхъ владѣній въ 1701 году было меньше, нежели въ 1626 году. Это объясняется не только нѣкоторой неполнотой переписи, но и еще

двумя обстоятельствами: во-1-хъ, въ Китай-городѣ появляется рядъ болѣе крупныхъ сравнительно съ лавками мѣстъ торговли, а затѣмъ, во-2-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ концу XVII вѣка Китай-городъ уже далеко не занимаетъ доминирующаго положенія въ торговлѣ сравнительно съ Бѣлымъ городомъ и Землянымъ городомъ, въ которыхъ нарастаетъ рядъ рынковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ лавочныхъ мѣстъ въ 1701 году въ Китай-городѣ было 39 погребовъ, 10 амбаровъ и 3 харчевыя избы, т.-е. трактира.

Что касается мелочной торговли, то въ 1701 году ей было отведено 402 мѣста, изъ которыхъ было 141 мѣсто скамейное, 88 квасныхъ кадей, 73 кувшина, 53 шалаша; 47 было походячихъ торговцевъ.

Теперь обратимся къ Бѣлому городу. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется описаній этого города, относящихся къ болѣе или менѣе раннему времени. Путешественники даже 60-хъ и 70-хъ годовъ отмѣчаютъ въ Бѣломъ городѣ преимущественное преобладаніе ремеслъ. По словамъ Олеарія, «здѣсь живетъ много вельможъ и московскихъ князей, дѣтей боярскихъ, знатныхъ гражданъ и купцовъ, которые повременамъ уѣзжаютъ на торгъ по странѣ. Также имѣются здѣсь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тутъ же находятся хлѣбныя и мучныя лабазы, лотки съ говядиною, скотный рынокъ, кабаки для пива, меда и водки». Вниманіе Таннера (1678 г.) обратило на себя въ Бѣломъ городѣ «много торговцевъ и ремесленниковъ» и мясныхъ лавокъ. Но вообще иностранцы, повидимому, не придавали большого значенія торговымъ оборотамъ Бѣлаго и Земляного городовъ. До насъ дошли отрывки изъ переписныхъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ XVII в. Какова бы ни была неполнота этихъ отрывковъ, во всякомъ случаѣ ясно сравнительно небольшое торговое развитіе Бѣлаго города въ эти годы. Въ самомъ дѣлѣ, эти описанія насчитываютъ у Варварскихъ воротъ всего-на-всего 7 лавокъ и 25 кузницъ; за Ильинскими воротами находилось 48 лавокъ и т. д.; количество лавокъ на Покровской и Стрѣтенской улицахъ совершенно ничтожно; то же и на Тверской улицѣ и у Тверскихъ воротъ; торговое оживленіе только нѣсколько чувствуется на Смоленской улицѣ (Арбатъ) и у Смоленскихъ воротъ. Около пяти десятковъ лавокъ насчитываютъ у Пречистенскихъ воротъ. Между тѣмъ описаніе 1701 года уже представляетъ намъ торговлю въ Бѣломъ городѣ значительно развитою и, мало того, вообще имѣющею относительно болѣе крупныя торговыя учрежденія. Такъ, это описаніе насчитываетъ 501 мѣсто торговли въ лавкахъ, кромѣ того, здѣсь было 16 амбаровъ и 13 избъ харчевыхъ, блинныхъ, масляныхъ и квасныхъ; наконецъ, было три стана для склада камня. Мелочныхъ торговцевъ здѣсь сравнительно немного, всего 195 мѣстъ, преимущественно шалашей и скамей; здѣсь уже встрѣчаются и шалаша и мѣста для торговли сѣномъ (ихъ было 44).

Все это указываетъ на то, что торговый ростъ Бѣлаго города преимущественно относится къ концу столѣтія. На рубежѣ XVII и XVIII столѣтій торговля охватила почти всѣ тѣ мѣста, которыя и въ настоящее время являютъ собою наибольшее торговое оживленіе. Такъ, за Воскресенскими воротами сейчасъ же начинались торговые ряды. Тутъ былъ

Охотный рядъ, крупяной, житный, поворачивавшій къ Тверской улицѣ, мучной рядъ. Отсюда далѣе торговля направлялась къ Пречистенскимъ воротамъ, по Смоленской улицѣ и Знаменкѣ, къ Никитскимъ воротамъ. Тверская улица была достаточно торговымъ мѣстомъ, между тѣмъ какъ на Петровкѣ и Дмитровкѣ было всего по нѣскольку лавокъ. Съ другой стороны за Никольскими воротами сейчасъ же начиналось торговое оживленіе, шедшее на Стрѣтенку и Лубянку, затѣмъ на Покровку и частью на Мясницкую. Покровка въ этомъ направленіи была самымъ торговымъ мѣстомъ. Довольно значительное оживленіе замѣтно было и за Ильинскими и Варварскими воротами.

Кромѣ рядовъ въ Бѣломъ городѣ было нѣсколько рынковъ. Что касается Земляного города и Замоскворѣчья, то весьма трудно судить объ ихъ торговомъ ростѣ. Судя по указаніямъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, мѣстность около Болота была довольно оживленная въ торговомъ отношеніи. Тутъ былъ рынокъ. То же подтверждаютъ и переписныя книги бо-хъ годовъ, указывающія на Болотной площади довольно значительное количество лавокъ (41), специально хлѣбныхъ (25), харчевень (14). Торговое оживленіе тѣ же книги отмѣчаютъ и на Балчугѣ (калачный рядъ, харчевни, житный рядъ). Во всякомъ случаѣ описаніе 1701 года представляетъ намъ Земляной городъ самой значительной изъ всѣхъ трехъ частей Москвы по количеству торговыхъ мѣстъ: въ немъ насчитывается по описанію 1666 торговыхъ мѣстъ, изъ которыхъ мѣстамъ болѣе или менѣе крупной торговли принадлежитъ значительная доля. Такъ, здѣсь находилось: 7 амбаровъ, 72 харчевыя избы и 5 боенъ. Затѣмъ здѣсь же по описанію было 524 лавочныхъ мѣстъ, при чемъ по одной лавкѣ здѣсь было всего 386 владѣній, мелкихъ полулавочныхъ и прочихъ владѣній очень немного и затѣмъ рядъ владѣній по 2, по 3 лавки и даже по 10-ти. Мелочная торговля здѣсь выражалась въ 238 скамьяхъ, 158 шалашахъ и т. д. Кромѣ того здѣсь было большое количество сѣнныхъ мѣстъ, гдѣ торговали сѣномъ (235), что указываетъ на значительное количество приѣзжающаго въ Москву люда. Здѣсь же были лѣсные рынки съ 160 мѣстами для продажи лѣсу и произведеній изъ дерева и большое количество (108) кузнечныхъ заведеній. На лѣсныхъ рынкахъ здѣсь продавались готовые избы, частью въ сложенномъ видѣ, частью въ разобранномъ.

Очень оживленнымъ торговымъ пунктомъ было Замоскворѣчье, именно мѣстность около Болотной Площади. Тутъ былъ обширный кузнечный рядъ, лѣсной рынокъ, бочарный и лапотный ряды, гончарный и горшечный. Отсюда торговля шла на Пятницкую улицу. Затѣмъ изъ торговыхъ мѣстностей отмѣтимъ Таганку, на которой было довольно много лавокъ и кузницъ, затѣмъ мѣста, находившіяся сейчасъ же за Смоленскими и Тверскими воротами.

Мы обозрѣли торговлю различныхъ частей Москвы. Въ заключеніе мы считаемъ небезполезнымъ привести данныя общаго характера относительно каждой части города. Къ сожалѣнію, такія данныя можно привести только по переписи 1701 года и притомъ въ весьма грубой формѣ, — въ видѣ количества различнаго рода торговыхъ мѣстъ.

Послѣ бѣглаго обзора, сдѣланнаго нами выше, торговли различныхъ частей Москвы, перейдемъ къ нѣкоторымъ детальнымъ указаніямъ. Къ сожалѣнію, за весь XVII вѣкъ приходится довольствоваться лишь свѣдѣніями о торговлѣ Китай-города 1626 года. Несмотря на этотъ недостатокъ, приходится однако использовать эти данныя въ виду большого значенія этой части Москвы. Прежде всего приведемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ лавочныхъ мѣстъ:

Названіе и размѣры лавочныхъ владѣній	по 3 ³ / ₄ л.	по 2 ¹ / ₂ л.	по 2 ¹ / ₄ л.	по 2 л.	по 1 ³ / ₄ л.	по 1 ¹ / ₂ л.	отъ 1 ¹ / ₂ до 1 ¹ / ₄ л.	по 1 ¹ / ₈ л.	по 1 л.
Число владѣній	1	1	2	8	3	32	22	9	307

Названіе и размѣры лавочныхъ владѣній	по 7 ⁷ / ₈ , 2 ² / ₃ , 3 ³ / ₄ л.	по 1 ¹ / ₂ л.	отъ 1 ¹ / ₂ л. до 1 ¹ / ₄ л.	пуст. лавок.	общее число всѣхъ влад.	общее колич. пол. лавокъ.	число лавочн. мѣстъ.	число погребовъ.
Число владѣній	76	328	27	11	827	657 ² / ₃ и 15 пядей.	46 ¹ / ₂	37

Такимъ образомъ въ Китай-городѣ преобладала дробность мѣстъ торговли, незначительный ихъ размѣръ.

Что касается мелочной торговли, то и здѣсь иногда допускалась дробность мѣста торга (напр., полъ-шалаша, часть скамейнаго мѣста), но, разумѣется, такое раздробленіе было большой рѣдкостью; зато столь же рѣдко встрѣчается и соединеніе нѣсколькихъ торговыхъ мѣстъ въ однѣхъ рукахъ: въ общемъ никогда не встрѣчается болѣе двухъ мѣстъ въ одномъ владѣніи и, какъ исключеніе, въ одномъ только случаѣ встрѣтилось 3³/₄ мѣста. Такъ, по переписи 1626 года въ Китай-городѣ числилось:

Шалашей	47
Скамей и мѣстъ скамейныхъ	267
Мѣстъ	63
Мѣстъ пустыхъ	209
Кадей квасныхъ	47
Бочекъ	15
Кувшиновъ	32
<hr/>	
Всего	680

Что касается направленія торговли, то въ извѣстной мѣрѣ оно можетъ быть учтено по количеству лавокъ, находящихся въ томъ или другомъ ряду, такъ какъ вообще принципиально московское правительство требовало, чтобы извѣстными товарами торговали въ опредѣленныхъ рядахъ. Поэтому мы расположимъ нижеслѣдующія данныя съ распредѣленіемъ ихъ по рядамъ, при чемъ соединимъ ряды, въ которыхъ торговали разнovidностями однихъ и тѣхъ же предметовъ:

	Количество всѣхъ владѣн. въ рядахъ.
Иконный рядъ	41
Сѣдельный, саадашный, плетной	70
Сапожный рядъ и 2 красныхъ сапожныхъ ряда, подошвенный рядъ	109
Скобяной, замочный, котельный, желѣзный	72
Погреба въ Гостиномъ дворѣ (въ нихъ продавались заморскія вина)	37

Лавки съ заморскимъ товаромъ и лавки въ Гостиномъ дворѣ (15).	24
Пушной рядъ	36
Соляной рядъ	41
Масляный и ветчинный ряды (29), хлѣбный и калачный (14), свѣжей рыбы (13), масляный и селедный (14), старый селедный (9), хлѣбный и калачный (24), рядъ со столовыми калачами (7), пирожный (30), солодяный (4), хлѣбныхъ и калачныхъ лавокъ (3)	147
Завязочный рядъ (17), щепетинный и игольный (35), новый завязочный (29)	81
3 медовыхъ ряда	55
2 москотельныхъ ряда	85
Ряды свѣчной и восковой (29), мыльный (34)	63

Остальные ряды не даютъ сколько-нибудь значительной цифры лавокъ. Мелочная торговля тоже разбивалась на рядъ мѣстъ, шалашей и скамеекъ. Слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе ряды:

Бѣлильный рядъ	33
Золяной рядъ	13
Сѣмянной	28
Лукковый и чесноковый	35
Торговля съѣстными припасами: харчевья мѣста (9), со слобными калачами (12), яблочныхъ и дынныхъ (67), сусленниковъ (32), квасниковъ съ яшнымъ квасомъ (64), мѣстъ съ бѣлой рыбицей (13), съ паровыми сельдями (10), съ гречневиками (14), молочныхъ (13)	234

Приведенныя выше данныя напрашиваются на цѣлый рядъ выводовъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію, они не касаются всей Москвы, а только ея части, то пока отнесемъ ихъ къ самому концу изучаемаго періода, т. е. къ 1701 году. Не будемъ останавливаться на количествѣ владѣній, составляющихъ части лавокъ, что въ извѣстной мѣрѣ пояснено уже предшествующими указаніями и, кромѣ того, можетъ быть относительно разрѣшено изъ сопоставленія количества владѣній и количества лавочныхъ мѣстъ. Данныя за этотъ годъ имѣютъ еще ту любопытную особенность, что относительные размѣры торговыхъ оборотовъ въ извѣстной мѣрѣ могутъ быть учтены, если принять во вниманіе оброкъ, взимаемый съ лавокъ въ этомъ году. Къ сожалѣнію, оброкъ, для взиманія котораго была составлена книга, представляетъ собою очень незначительное мѣсто въ системѣ налоговъ города Москвы; это сборъ мостовыхъ денегъ на замощеніе улицъ. Но, предполагая, что и этотъ незначительный сборъ, какъ и всѣ другіе сборы, былъ взимаемъ по раскладкѣ съ животовъ и промысловъ, въ соотвѣтствіи съ размѣрами лавочнаго торгова, мы во всякомъ случаѣ будемъ близки къ истинѣ при опредѣленіи относительнаго значенія торговли того или иного рода мѣстъ торговли и видовъ ея. Послѣ сдѣланныхъ оговорокъ мы можемъ привести таблицу, въ которую сведемъ данныя относительнаго количества лавокъ и другихъ мѣстъ торгова съ показаніемъ числа отдѣльныхъ владѣній и относительнаго количества взимаемаго оброка. Такимъ образомъ получаемъ слѣдующія данныя по всей Москвѣ:

	Число пол- ных мѣстъ.	Число отдѣльн.*) владѣній.	‰-е отнош. платежа къ общей суммѣ налога.
Погреба	39	36	18,30/0
Избы	90	46	2,2
Станы	184 ¹ / ₄	97	4,7
Кузницы	98	76	2,04
Бойницы	5	5	0,05
Лавки и лавочныя мѣста, затворы . .	1474 ⁵ / ₆	13187 ¹ / ₁₂	46,5
Амбары	35	26	6,0
Сѣвницы	130	—	0,11
Шалаши	300 ¹ / ₄	256	5,11
Скамьи	336 ¹ / ₂	195	6,2
Мясницы	35	35	1,9
Мѣста	209	199	5,1
Бочки и кади	154	66	5,3
Кувшины	78	54	1,9
Всего	2664		

Въ предшествующей таблицѣ собраны данныя, характеризующія общее число полныхъ мѣстъ торговли, т. е. количество лавокъ и проч. Затѣмъ въ слѣдующемъ столбцѣ приводится количество отдѣльныхъ мѣстъ владѣній или, лучше сказать, число отдѣльныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ смежно по нѣскольку торговыхъ помѣщеній; оно, конечно, значительно выше количества торговцевъ, владѣвшихъ по всей Москвѣ торговыми помѣщеніями. Абсолютнаго числа владѣльцевъ, къ сожалѣнію, не удалось вычислить, такъ какъ при однообразіи фамилій и даже именъ нѣтъ никакой возможности установить число владѣльцевъ по всему городу. Наконецъ, въ 3-мъ столбцѣ показано ‰-е отношеніе налога, платимаго каждымъ родомъ торговли къ общей суммѣ налога. Эти данныя выясняютъ относительное значеніе различныхъ мѣстъ торговли. Такъ, небольшое количество погребовъ принимаетъ однако очень значительное участіе въ податномъ обложеніи, такъ что на 1 ‰ налога приходится 2¹/₆ погреба, а лавокъ около 32, т. е. торговое значеніе cadaго погреба оцѣнивается почти въ 16 разъ выше торговаго значенія полного лавочнаго мѣста. Съ другой стороны, торговая мощъ шалаша или скамьи только въ два раза оцѣнивается меньше, нежели мощъ полного лавочнаго мѣста и т. д.

Несмотря на приведенное выше значительное число мѣстъ торговли, все же надо имѣть въ виду, что наши данныя не отличаются абсолютной полнотой. Такъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что наши данныя не регистрируютъ казенныхъ лавокъ. Между тѣмъ казенныя лавки были, напримѣръ, въ Китай-городѣ, гдѣ казна торговала мѣхами и стекляною посудою. Однѣхъ казенныхъ мясныхъ лавокъ и бойницъ по Москвѣ было разсѣяно въ томъ же 1701 году 298¹/₂ лавокъ, 15 бойницъ, 26¹/₂ скамей и 37 шалашей. Свѣдѣній о количествѣ другихъ казенныхъ лавокъ у насъ за это время, къ сожалѣнію, не имѣется.

Относительные размѣры московской торговли могутъ быть уяснены точнѣе въ сравненіи съ масштабомъ торговаго движенія другихъ горо-

*) Безъ смѣшанныхъ владѣній (192), т. е. такихъ, которыя, принадлежа одному владѣльцу, по налогу или по количеству мѣстъ торговаго движенія не расчленены въ описаніи.

довъ, а также путемъ сопоставленія съ количествомъ дворовъ въ Москвѣ. Такъ, по переписи московскихъ дворовъ 1701 года во всей Москвѣ считалось 16357 дворовъ. При этомъ количество дворовъ такого элемента, который въ торговлѣ принималъ наиболѣе дѣятельное участіе, т. е. торговыхъ людей, гостей, гостиной и суконной сотенъ, посадскихъ сотенъ и слободъ и мастеровыхъ людей — насчитано 6894 двора, т. е. 42,15% общаго числа. Такимъ образомъ одно лавочное мѣсто въ Москвѣ приходилась на 11,1 общаго числа дворовъ и на 4,6 количества дворовъ посадскаго элемента, а вообще каждое мѣсто торгова приходилось на 6,1 всѣхъ дворовъ и на 2,6 дворовъ посадскихъ. Такимъ образомъ, несмотря на небольшіе размѣры мѣстъ торгова, количественное соотношеніе ихъ съ числомъ дворовъ указываетъ на значительное участіе посадскаго населенія въ торговлѣ.

Сравненіе количества лавокъ Москвы съ количествомъ лавокъ провинціальныхъ городовъ выясняетъ намъ доминирующее положеніе Москвы. Правда, такого сопоставленія нельзя сдѣлать за одинъ какой-нибудь періодъ по отсутствію данныхъ. Но какія бы измѣненія мы ни предполагали въ силу различія моментовъ сравненія, все таки можно сказать, что на территоріи Московскаго государства затруднительно найти такой торговый пунктъ, который по количеству мѣстъ торгова могъ бы сравняться хотя бы съ одной изъ трехъ частей Москвы. Такъ, Великій Новгородъ въ началѣ XVI столѣтія имѣлъ до 700 лавокъ, хотя, впрочемъ, это показаніе требовало бы нѣкоторой провѣрки. Псковъ въ исходѣ XVI столѣтія имѣлъ до 1300 торгов. помѣщеній. Это наиболѣе крупные центры. Но уже Нижній Новгородъ, по переписной книгѣ 1620 года, имѣлъ всего 574 торговыхъ помѣщенія при 1900 дворахъ. Все это по московскимъ масштабамъ большіе города, и тѣмъ не менѣе размѣръ ихъ торговли, если сравнивать только количество мѣстъ ея, значительно ниже, нежели въ Москвѣ. Изъ менѣе крупныхъ городовъ укажемъ на Ростовъ Великій, тогда выдѣлявшійся торговымъ оживленіемъ. Въ немъ по описи 1661 года было 388 торговыхъ помѣщеній. Въ Тулѣ въ 1625 году при 526 дворахъ было 386 мѣстъ торгова. Суздаль при 576 дворахъ имѣлъ 236 торговыхъ помѣщеній, въ 1628 году. Одинъ изъ довольно крупныхъ центровъ, Устюгъ Великій, въ 70-хъ годахъ XVII стол. имѣлъ почти 1000 посадскихъ дворовъ, болѣе 260 торговыхъ помѣщеній; впрочемъ въ немъ было большое количество кузницъ. Но не надо забывать того обстоятельства, что сравненіе по одному количеству мѣстъ торговли провинціальныхъ городовъ съ московской слишкомъ грубая мѣрка, потому что безспорно московскія лавки дѣлали болѣе обширные обороты.

Ведя обширную торговлю, Москва однако сама производила весьма немного продуктовъ. Москва и ея ближайшія окрестности не обилуютъ естественными богатствами, почему она и не могла, при тогдашнихъ условіяхъ развитія промышленности, сосредоточить въ стѣнахъ своихъ обработки какой-нибудь отрасли промышленности. Мы встрѣчаемъ только нѣкоторыя указанія на существованіе въ Москвѣ и Подмосковьи государевыхъ заводовъ и мануфактуръ. Частныя лица владѣли иногда кирпичными

заводами; такой, на примѣръ, заводъ о двухъ печахъ и трехъ кирпичныхъ сараяхъ принадлежалъ думному дворянину Прокопію Кузьмичу Минину. Иностранцы и московскіе источники упоминаютъ о большомъ количествѣ мельницъ на р. Яузѣ, но, повидимому, только мукомольныхъ. Въ концѣ столѣтія московское правительство даетъ нѣсколько разрѣшеній на устройство заводовъ въ Москвѣ и фабрикъ. Такъ, иноземцу Ильѣ Тарбету въ 1684 году разрѣшено завести въ Москвѣ и Московскомъ государствѣ суконные и шерстяные заводы; около того же времени Сведену разрѣшено завести бумажную и хлѣбную мельницы, а также стеклянный заводъ венеціанскаго стекла; наконецъ, ему же разрѣшено завести суконный заводъ, а гамбургскому уроженцу Павлову разрѣшена бархатная фабрика. Однако трудно сказать, какъ функционировали эти частные заводы. Такъ, Сведенъ открылъ на рѣкѣ Яузѣ, бумажную мельницу, которая впоследствии, вѣроятно, послѣ смерти Сведена, была передана иноземцу Еремѣю Лептину. Изъ исторіи бумажной мельницы Сведена между прочимъ явствуетъ, что первые заводы и фабрики открывались Московскимъ правительствомъ при субсидіи частнымъ лицамъ, почему они и не были предпріятіями, выставшими въ силу частной инициативы.

Нѣсколько больше у насъ извѣстій о казенныхъ заводахъ. Такъ, на Неглинной былъ монетный заводъ, на которомъ лили пушки и колокола. Вѣроятно, это тотъ самый заводъ, о которомъ рассказываетъ Олеарій. По его словамъ здѣсь отливалось много орудій и большихъ колоколовъ. Въ его время мастеромъ на этомъ заводѣ былъ Гансъ Фалькенъ изъ Нюрнберга, у котораго русскіе учились литейному дѣлу. Въ концѣ XVII в. на трехъ серебряныхъ и одномъ мѣдномъ денежномъ дворахъ было 264 мастеровъ. Есть указанія на то, что на Дѣвичьемъ Полѣ за Хамовниками былъ соляной заводъ. Нѣсколько больше свѣдѣній имѣется объ учрежденіи государева стекляннаго завода. Этотъ заводъ находился въ любимомъ царемъ Алѣксѣемъ Михайловичемъ селѣ Измайловскомъ. Въ немъ дѣлались разныя стеклянныя издѣлія и, кромѣ того, производилось фигурное дѣло, т. е. фигурныя издѣлія изъ стекла и фигурныя сосуды. О размѣрахъ завода можно судить до нѣкоторой степени по сохранившимся росписямъ. Такъ, въ 1687 году на заводѣ было на складѣ 2128 разнаго рода сосудовъ, но, конечно, это вовсе не указываетъ на весь размѣръ производства, потому что изъ Измайловскаго склада стеклянныя издѣлія забирались въ Московскій складъ, гдѣ и поступали въ продажу.

Кромѣ того государственныя нужды вызвали появленіе еще нѣсколькихъ заведеній, имѣвшихъ характеръ заводовъ. Такъ въ вѣдѣніи Золотой и Серебряной Палатъ было нѣсколько десятковъ мастеровъ серебрянаго и золотого дѣла; по окладной росписи 1681 года эти мастерскія состояли изъ 68 мастеровыхъ. Они работали на государевъ обиходъ какъ для Дворца въ собственномъ смыслѣ, такъ и подготавливали серебряныя и золотыя вещи для раздачи подарковъ, для разсылки по церквамъ и т. д. Вѣдомство Оружейной Палаты имѣло въ своемъ распоряженіи также обширный персоналъ мастеровыхъ. Нѣкоторыя работы въ ней, конечно носили характеръ заводской работы. По росписи 1681 г. Оружейная Палата располагала ра-

ботой 134 кузнецовъ, т. е. очевидно пушечныхъ литцевъ и станочниковъ; кромѣ того, въ ея вѣдомствѣ былъ радъ отдѣльныхъ мастеровыхъ, работа которыхъ носила уже, очевидно, чисто ремесленный характеръ. Необходимость раздачи подарковъ мѣхами и шубами, посылка подарковъ мягкой рухляди въ Крымъ вызвала необходимость содержанія государственныхъ мастерскихъ скорнячнаго дѣла. Въ вѣдѣніи Казеннаго Приказа на государевомъ дворѣ была особая скорнячная изба, въ которой готовилась мягкая рухлядь. Впрочемъ около 1660 года «скорнячныя палаты» были отведены для Новой Чети и мѣха, по крайней мѣрѣ бѣлочныя, стали раздаваться казеннымъ скорнякамъ для выдѣлки на домъ. Наконецъ, государево денежное дѣло тоже представляло собою учрежденіе заводскаго характера.

Къ 60-тымъ годамъ XVII столѣтія относится устройство сафьяннаго завода. Въ 1666 году онъ былъ по государеву указу устроенъ на Бичевинномъ дворѣ и находился сначала въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, а потомъ перешелъ въ веденіе Малороссійскаго приказа. Онъ состоялъ изъ трехъ избъ, омшаника, въ которомъ были четыре колоды для моченія кожъ и другія орудія производства. Оборудование этого завода обошлось въ весьма значительную по тому времени сумму, почти въ 11000 рублей, т. е. болѣе чѣмъ 180,000 на наши деньги. Расходы по заводу выражались въ суммѣ 919 рублей въ годъ, при чемъ приказъ получалъ въ годъ 1374 выдѣланныхъ сафьянныхъ кожъ. По этимъ даннымъ трудно однако учесть годовой оборотъ завода, такъ какъ въ расходъ выводились только денежные платежи на покупку кожъ, разныхъ принадлежностей для дубленія и окрашивания, на ремонтъ и на уплату денежнаго жалованія мастеровымъ людямъ, но послѣдніе получали еще и хлѣбное жалованіе, которое однако въ расчетъ расхода не шло. Мастерами на заводѣ были первоначально иноземцы; учениками были русскіе мастера. Главный мастеръ получалъ 4 алтына въ день, а ученики въ количествѣ 6 человекъ по 8 денегъ въ день и, кромѣ того, хлѣбное жалованіе. Русскіе ученики быстро навыкли въ сафьянномъ дѣлѣ, потому что уже въ росписяхъ 1670 года при имени каждаго точно обозначается количество сафьяна, имъ выдѣланнаго. Надо замѣтить, что приказъ дѣлалъ попытки соединить на сафьянномъ заводѣ и нѣкоторыя другія производства: такъ, одновременно съ сафьяннымъ мастеромъ были вывезены изъ персидской земли рудознатные и шелковые мастера. Впослѣдствіи на сафьянномъ дворѣ мастера изъ грузинъ дѣлали пробы окрашивать миткаль и холстъ «на кумашное дѣло», но не извѣстно, чѣмъ окончились эти пробы. Вообще, повидимому, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ задумывалъ какую то широкую организацію заводскаго дѣла на сафьянномъ дворѣ, но она оказалась не выполненной, и обосновалось только одно сафьянное дѣло.

Впрочемъ, изъ всѣхъ казенныхъ мануфактуръ наибольшую древностью и наибольшими размѣрами отличалось государево хамовное дѣло. Тканье полотенъ для нуждъ царскаго дворца, безспорно, представляетъ собою одно изъ самыхъ старинныхъ учреждений. Оно велось въ изучаемое время въ широкихъ размѣрахъ. Все, что касается выработки полотенъ и вышиванія, т. е. знаменнаго дѣла, находилось всецѣло въ веденіи самой царицы

и управлялось изъ Царицыной мастерской палаты. Въ Москвѣ были особыя слободы Кадашевская и Тверская (послѣдняя была переведена изъ Твери въ Москву) и, кромѣ того, хамовнымъ дѣломъ были заняты два большія села Ярославскаго уѣзда, Брейтово и Черкасово. Кстати, замѣтимъ, что существуетъ двоякое объясненіе термина хамовный: отъ шведскаго слова hamo (рубашка), и отъ индійскаго слова хаманъ, что означаетъ бѣлое тонкое полотно; послѣднее производство имѣетъ больше за себя данныхъ, потому что вліяніе восточной терминологіи вообще было значительно, въ особенности въ наименованіи тканей. Въ царицыныхъ слободахъ производство полотна было организовано такимъ образомъ, что работа распредѣлялась на каждый дворъ по годовому уроку; каждый хамовникъ работалъ «на дѣло», т. е. определенное количество пряжи или нитей. Размѣръ годового урока соотвѣтствовалъ количеству дворовой земли, отводившейся каждому кадашевцу; полный размѣръ дворовой земли считался въ 200 кв. сажень земли. Въ Хамовной слободѣ ткались полотна самаго разнообразнаго характера: двойныя и тройныя изъ соотвѣтственной пряжи, гладкія и полосатыя; затѣмъ ткались скатерти, убрусы, полотенца, съ узорами и безъ узоровъ. Кромѣ хамовниковъ (собственно, ткачей) производствомъ занимались еще и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швейи, задѣльницы, бѣльницы и бердники, — каждый соотвѣтственно своей спеціальности. О размѣрахъ Кадашевской слободы и ея производства можно судить по нѣкоторымъ описямъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII вѣка (1624—1644 гг.) въ Кадашевской слободѣ было 413 дворовъ и 7 пустыхъ мѣстъ; всѣ кадашевцы были обложены 189¹/₂ дѣль.

Кадашевская слобода находилась за Москвою рѣкою и существовала уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда царь Иванъ Васильевичъ построилъ здѣсь церковь Козьмы и Демьяна. Въ той же мѣстности царица Анастасія Романовна устроила еще бѣльильную слободу у церкви Св. Екатерины на Ордынкѣ. Эта слобода, получившая названіе Екатерининской, въ началѣ второй четверти XVII вѣка перешла въ вѣдѣніе Земскаго приказа, т. е., очевидно, съ нея были сняты обязанности дѣлать государево хамовное дѣло. Около того же времени, вѣроятно, была переведена въ Москву изъ Твери хамовная Константиновская слобода, которая вообще была небольшимъ поселкомъ, ибо даже въ 1682 году въ ней было всего 60 дворовъ и выдѣлывалось 36³/₄ дѣль полотна. Въ 1643 году царица Евдокія устроила подъ селомъ Покровскимъ еще новую хамовную слободу—Введенскую, которая впослѣдствіи стала называться Семеновскою. Наконецъ, нынѣшніе Хамовники представляютъ собой остатокъ государевой хамовной слободы.

Такимъ образомъ хамовныя государевы слободы представляли собою такія мануфактуры, въ которыхъ каждый рабочій работалъ у себя на дому. Но, сверхъ того, былъ особый Кадашевскій хамовный дворъ, построенный въ 1658 году. Онъ представлялъ собой большое помѣщеніе для склада государевой бѣлой казны, а также и особый бѣленный дворъ, въ которомъ происходило бѣленіе полотна, т. е. работа производилась уже въ одномъ помѣщеніи. Это, повидимому, та самая фабрика, о которой го-

ворить Самуиль Коллинсъ. Послѣдній рассказываетъ въ своемъ путешествіи, что царь построилъ въ 7 верстахъ отъ Москвы для обработки пеньки и льна красивые дома, очень обширные, въ которыхъ будетъ доставляема работа всѣмъ бѣднымъ въ государствѣ; этой мануфактурой будетъ завѣдывать царица. Наконецъ, замѣтимъ еще, что при государственномъ дворѣ позади царицыныхъ хоромъ находилась особая изба, въ которой работали особыя мастерицы: тутъ шло уже знаменное дѣло, т. е. вышиванье.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ всѣ тѣ формы, въ которыхъ выразилось торговое и промышленное движеніе Москвы. Промышленность, какъ мы видѣли, была весьма слабо развита и только начиналась, по инициативѣ дворца, во второй половинѣ XVII столѣтія, если не считать болѣе ранней промышленности чисто дворцоваго характера, какъ хамовное или скорняжное дѣло. Напротивъ, торговля получила быстрое развитіе, особенно сравнительно съ другими частями Московскаго государства. Теперь намъ остается познакомиться еще съ одной стороной торгово-промышленнаго дѣла, именно съ состояніемъ ремеслъ.

Мы уже видѣли, что московское правительство съ особеннымъ интересомъ относилось къ вызову ремесленниковъ въ Москву, собирало ихъ отовсюду, выискивало свѣдущихъ ремесленниковъ въ провинціи и переселяло ихъ въ столицу. Неудивительно поэтому, что въ конечномъ итогѣ Москва оказалась средоточіемъ ремесленной и частью промысловой жизни. Кромѣ того, надо замѣтить, что, кромѣ вызова русскихъ мастеровъ, московское правительство не упускало случая вызывать и иноземцевъ, свѣдущихъ въ томъ или иномъ мастерствѣ. Нѣкоторые иностранные писатели придаютъ даже нѣсколько преувеличенное значеніе вліянію иностранныхъ ремесленниковъ на ознакомленіе русскихъ съ тѣмъ или другимъ ремесломъ. Рейтенфельсъ сообщаетъ, что въ его время количество разнаго рода художниковъ со дня-на-день увеличивается, между тѣмъ какъ раньше ихъ было мало; онъ говоритъ именно о приливѣ иноземныхъ художниковъ, которыхъ русскіе не только принимали благосклонно, если они сами пріѣзжали изъ Европы или изъ Азіи, но и выписывали ихъ и приглашали черезъ пословъ, предлагая большую плату. Но тутъ же Рейтенфельсъ отмѣчаетъ, что сами русскіе такъ понятливы во всѣхъ родахъ искусствъ, что часто превосходятъ своихъ учителей-инострanceвъ. Особенно онъ отмѣчаетъ искусство русскихъ въ кузнечномъ мастерствѣ, въ приготовленіи пороха и тканѣ сукна. Олеарій равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о воспримчивости русскихъ, при чемъ онъ отмѣчаетъ ихъ подражательную способность, умѣнье заимствовать все то, что они видятъ у нѣмцевъ: въ очень короткое время русскіе высмотрѣли и переняли у нѣмцевъ многое, чего они раньше не знали. Выработанные подобнымъ усовершенствованнымъ путемъ товары продаются по болѣе дорогой цѣнѣ. Олеарія особенно поразили золотыхъ дѣлъ мастера, которые чеканили серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформованную, какъ у любого нѣмца. Онъ передаетъ и любопытный пріемъ, къ которому иногда прибѣгали иноземные мастера: они не допускали русскихъ

учениковъ къ той части ремесла, которая требуетъ особыхъ знаній и приемовъ. Когда знаменитый литеецъ Гансъ Фалькъ формовалъ или лилъ свое лучшее орудіе, то онъ удалялъ своихъ русскихъ помощниковъ. Впрочемъ, русскіе научились лить и большія орудія и колокола: русскій ученикъ Ганса Фалька, напр., отлилъ знаменитый колоколъ Ивана Великаго.

Дѣйствительно, иностранные ремесленники довольно часто встрѣчаются въ Москвѣ XVII вѣка. Покойный Забѣлинъ придавалъ ихъ вліянію на русское ремесло большое значеніе. Техническая сторона русскаго мастерства еще совершенно не выяснена въ его историческомъ развитіи. Поэтому въ настоящее время еще трудно говорить о значеніи иностраннаго, особенно западно-европейскаго вліянія. Осторожнѣе было бы не расширять области этого вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, къ началу XVII вѣка, т. е. еще въ *періодъ до усиленія иностраннаго вліянія*, количество ремеслъ въ Москвѣ было весьма значительно, при чемъ дифференціація ихъ достигла поразительныхъ размѣровъ: иногда очень дробная часть какого-нибудь дѣла, мастерства имѣла своихъ специалистовъ. Такимъ образомъ изготовляемый предметъ, прежде чѣмъ попасть къ потребителю, проходилъ чрезъ нѣсколько различныхъ мастерскихъ. Можно насчитать до 250 различныхъ специальностей, начиная отъ простаго наемнаго рабочаго и кончая сложнымъ подраздѣленіемъ въ области иконописнаго, желѣзно и мѣдно-литейнаго дѣла и проч. Наибольшую дифференціацію ремеслъ мы встрѣчаемъ въ области желѣзно-литейнаго и мѣдно-литейнаго дѣла, затѣмъ — въ кожевенномъ и портняжномъ дѣлѣ. Въ области желѣзно-литейнаго и мѣднаго дѣла можно насчитать до 50 различныхъ специальностей. Такъ, кромѣ общаго названія кузнецовъ, пушкарей, денежныхъ мастеровъ, можно отмѣтить по выработкѣ, напр., оружія самопальныхъ мастеровъ съ подраздѣленіемъ ихъ на ствольниковъ, станочниковъ и замочниковъ; пушкарей съ подраздѣленіемъ ихъ на пушечныхъ литцовъ, на пушечныхъ кузнецовъ, мастеровъ и рѣзцовъ; по выработкѣ холоднаго оружія встрѣчаемъ: сабельниковъ, латныхъ мастеровъ, бронныхъ мастеровъ; по выработкѣ предметовъ домашняго обихода, кромѣ общихъ наименованій — мѣдниковъ, желѣзниковъ, котельниковъ, паяльщиковъ, оковщиковъ и пр., встрѣчаемъ еще специальности: замочниковъ, игольниковъ, шильниковъ, пуговичниковъ, ножевниковъ, скобеньковъ, кирочниковъ, подковщиковъ, удильщиковъ, пряжниковъ, рѣшоточниковъ, мисниковъ, далѣе — булавочниковъ, трубниковъ, колокольниковъ, паникадильщиковъ; сюда же слѣдуетъ отнести и различнаго рода часовыхъ дѣлъ мастерства. Изъ этого перечня видно, какая узкая спеціализація была примѣняема въ этомъ дѣлѣ. Не менѣе интересна спеціализація въ области кожевеннаго дѣла: кромѣ кожевниковъ и овчинниковъ, сапожниковъ и чоботниковъ, встрѣчаемъ еще специальности: стригальниковъ, гладильщиковъ, уздниковъ, шлейниковъ, сырейщиковъ, сѣдельниковъ, сырмятниковъ, переплетчиковъ; на ряду съ сапожниками, чоботниками встрѣчаемъ еще хозовниковъ, подошвенниковъ, колошниковъ, каблучниковъ, даже плетняковъ и кнутниковъ и т. п. Дѣло приготовленія одежды изъ различныхъ матерій тоже представляло изъ себя

большую дифференціацію ремесль. Такъ, кромѣ портныхъ мастеровъ, шапошниковъ и рукавичниковъ, встрѣчаемъ еще сермяжниковъ, свитниковъ, кафтанниковъ, сарафанниковъ, монатейщиковъ, штанниковъ и ногавишниковъ, кромѣ того, специалистовъ по различнымъ частямъ портняжнаго дѣла: подкладочниковъ, покровщиковъ, завязочниковъ, щепетинниковъ; употребившіеся тогда мѣшочки для ношенія цѣнностей имѣли специалистовъ въ лицѣ мѣшочниковъ, кошельниковъ, карманниковъ; шляпное дѣло, кромѣ шапошниковъ, имѣло еще специальность колпачниковъ и шляпочниковъ. Приготовление пищи на продажу имѣло также цѣлый рядъ специальностей: квасниковъ, сушенниковъ, хлѣбниковъ, калачниковъ, пряничниковъ и пирожниковъ, блинниковъ, кисельниковъ и т. д. Издѣлія изъ дерева насчитываютъ до 25 специальностей: плотники, телѣжники, колымажники и колесники, бочарники, обручники, судники, спичники (трость), лучники, стрѣльники и т. п. Весьма слабо дифференцированы и вообще слабо представленными являются производства химическихъ продуктовъ: можно указать на зеленщиковъ, красильниковъ, мыльниковъ, бѣлильщиковъ, свѣчниковъ и нѣк. друг. Нѣкоторыя мастерства по существу своему были уже такими, задача которыхъ приближалась къ искусству. Таковы, напримѣръ, серебряники, золотыхъ дѣлъ мастера, алмазники, ожерелейники; сюда же можно отнести сусальниковъ, золотошвейниковъ, канительщиковъ.

Мало того, иногда въ области, въ достаточной мѣрѣ обособленнаго мастерства замѣчается весьма тонкая специализація различныхъ отдѣловъ его. Такимъ мастерствомъ было именно серебряное дѣло. Въ Москвѣ подъ именемъ серебряниковъ, значились мастера, которые специализировались на какомъ-либо одномъ видѣ своего ремесла, на какой-либо частности серебряннаго дѣла. При записи у серебряныхъ старостъ они получали право работать только по своей специальности. Любопытную черту въ этомъ отношеніи представляютъ собою поручныя записи серебряниковъ, представленныя имъ при вступленіи въ эту организацію. Такъ серебряникъ Семенъ Гавриловъ представляетъ о себѣ запись, по которой онъ будетъ дѣлать «въ серебряномъ ряду образцовыя пуговицы однорядошныя и опашневыя серебряныя въ чистомъ серебрѣ». Василій Емельяновъ будетъ дѣлать «крестовое дѣло въ чистомъ серебрѣ». Михайло Васильевъ является специалистомъ «перстневаго дѣла». Антипъ Афанасьевъ дѣлаетъ всякое «серебренное дѣло». Корнило Горскинъ—«басерное дѣло»; Иванъ Іевлевъ—«гладкія пуговицы»; Федоръ Федоровъ—«серебренное дѣло—цѣпочки»; Никифоръ Онуфріевъ—«дѣлать окладъ Божія милосердія, вѣнцы и гривенки басенныя»; Герасимъ Васильевъ—«сканное дѣло»; Иванъ Ларіоновъ—«всякое судовое дѣло, братины и горки». Однимъ словомъ изъ предшествовавшихъ серебрянымъ старостамъ въ 1664 году поручныя записи 17 серебряниковъ, можно отмѣтить 15 отдѣльныхъ специальностей. Такая специализація въ серебряномъ дѣлѣ весьма понятна, такъ какъ оно было широко развито въ Московской Руси и издѣлія изъ него представляютъ собою весьма художественные памятники бытовой старины. Затѣйливость узоровъ и тонкая работа требовала дѣйствительно особой специализаціи въ той или иной отрасли ремесла. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ дол-

жна была работать фантазія и искусство русскихъ мастеровъ золотого и серебрянаго дѣла и насколько такая работа требовала именно спеціализаціи, мы приведемъ перечень различныхъ видовъ пуговицъ серебряныхъ и золотыхъ: гладкія, узорчатыя, круглыя, половинчатыя, рѣшетчатыя, грановитыя, угольчатыя, клинчатыя, четверогранныя, осьмигранныя, прорѣзныя, рожками, ренейками, карасиками чеканными, ложчатыя, вальжныя грушею, шатромъ, львиною головкою, камфаренныя, витыя, торчочковыя. По величинѣ пуговицы эти бывали четырехъ родовъ: самыя большія—на грушевое дѣло; большія—на миндальное дѣло; среднія—на шатровое дѣло; малыя—ка кедровое дѣло. Пуговицы золотыя и серебряныя украшались драгоценными камнями, жемчугомъ и финифтью. Такая тонкая работа естественно требовала спеціализаціи.

Нечего говорить, что такое искусство, какъ иконописное, требовало большой спеціализаціи. Кромѣ иконописцевъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. художниковъ, въ этомъ дѣлѣ были спеціальности: знаменщиковъ, левкациковъ, травщиковъ, сусальниковъ, терщиковъ, олифельщиковъ, золотильщиковъ, ольстрельниковъ и чищельниковъ. Отмѣтимъ и такое мастерство, какъ книгопечатное дѣло, въ которомъ, кромѣ наборщиковъ, были еще батыщики и тередорщики. Наконецъ, отмѣтимъ и еще профессіи, которыя по обычной терминологіи носятъ названіе интеллигентныхъ профессій. Таковы, напр., потѣшники, домерщики, гусельники, рожечники, миндерщики. Къ нимъ же можно отнести аптекарей, чертежниковъ и, наконецъ, рудометовъ, конскихъ мастеровъ и коноваловъ, лѣкорей, учителей, живописцевъ, площадныхъ подъячихъ и т. п.

Этотъ перечень профессій, любопытный самъ по себѣ, какъ остатокъ старины, еще разъ подтверждаетъ сказанное о сильно развитой спеціализаціи въ ремесленной области. Такая спеціализація, естественно, должна была давать искусныхъ и опытныхъ мастеровъ. Съ другой стороны еще разъ надо подчеркнуть то обстоятельство, что вырабатываемый предметъ потребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ производствахъ, проходилъ нѣсколько стадій своей обработки прежде, нежели попадалъ къ потребителю.

Развитіе спеціализаціи въ области ремесла соотвѣтствуетъ количеству ремесленнаго класса въ Москвѣ. Онъ отличался большою численностью сравнительно съ другими элементами посадскаго населенія, при чемъ, какъ это естественно ожидать, наиболѣе дробныя спеціальности имѣли небольшое количество представителей, иногда единичныхъ, тогда какъ количество лицъ, занимавшихся профессіями болѣе или менѣе общаго характера, бывало иногда весьма значительно.

Переходя къ выясненію вопроса о количествѣ ремесленниковъ въ Москвѣ, прежде всего замѣтимъ, что дворы ремесленниковъ были разбросаны по всему Бѣлому и Земляному городамъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ ремесленники одного и того же ремесла селились отдѣльными гнѣздами. Такъ, Таннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1678 году, между прочимъ указываетъ на то, что большое количество ремесленниковъ жило въ Бѣломъ Городѣ. Мастерскую ремесленника можно было узнать по висящимъ

на окнах образчикамъ производства. Такъ, портные вѣшали передъ окнами лоскуты разныхъ матерій, сапожники—голенища, либо части обуви и т. д. Въ первой половинѣ XVI стол., повидимому, большинство ремесленниковъ жило еще внѣ черты тогдашняго города, за городомъ; и усадьбы ихъ тянулись длинными рядами, среди полей и луговъ.

Разсѣянное по различнымъ угламъ старой Москвы ремесленное население въ количественномъ отношеніи представляло собою, сравнительно съ другими посадскими элементами, довольно внушительное число. Съ его количественнымъ составомъ 30-хъ годовъ XVII в. знакомятъ насъ два источника. Перепись 1638 года представляетъ собою такой матеріалъ, въ которомъ Москва описана почти полностью съ весьма небольшими пропусками. Это самый подробный источникъ изъ всѣхъ до настоящаго времени доступныхъ изученію, хотя и въ немъ можно предполагать нѣкоторую неполноту, весьма трудно поддающуюся учету. Это замѣчаніе имѣетъ то значеніе, что даже и по этой переписи мы имѣемъ цифру ремесленнаго населенія меньшую, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Такъ, по этой переписи можно насчитать ремесленниковъ различныхъ категорій, начиная отъ простыхъ рабочихъ и кончая такими интеллигентными профессіями, какъ аптекари и иконописцы, всего 2367 человекъ. Въ эту цифру включены сосѣди и захребетники ремесленниковъ, а также и ученики, хотя, впрочемъ, послѣднія цифры, повидимому, далеко отстоятъ отъ дѣйствительности. Другой источникъ—податные списки по сбору пятинныхъ денегъ въ 1634 г. Этотъ документъ не полонъ: въ немъ описано всего 11 сотенъ и слободъ, т. е. около одной четверти тогдашней Москвы. Онъ даетъ слѣд. цифры:

Ремесленниковъ изъ числа посадскихъ тяглецовъ	626 чел.
Посадскихъ захребетниковъ	158 »
Ремесленниковъ изъ числа патриаршихъ крестьянъ	238 »
Всего	1022 »

Эти цифры относительно соотвѣтствуютъ цифрѣ переписи 1638 года въ томъ смыслѣ, что показываютъ преобладаніе среди населенія тяглыхъ сотенныхъ слободъ именно ремесленнаго элемента надъ торговымъ. Такъ, та же перепись сбора пятинныхъ денегъ отмѣчаетъ въ названныхъ сотняхъ и слободахъ всего 596 посадскихъ тяглецовъ, не занимавшихся ремеслами, 148 захребетниковъ и 153 патриаршихъ крестьянъ. Если расположить эти данныя по сотнямъ и сравнить ихъ съ тѣми тяглецами, которые не занимались мастерствомъ, то можно получить слѣдующую табличку, рисующую намъ соотношеніе между ремесленнымъ и неремесленнымъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ, части московскаго посада.

Сотни и слободы.	Посадскіе тяглецы.		Захребетники.		Всего.	
	Ремесл.	Неремесл.	Ремесл.	Неремесл.	Ремесл.	Неремесл.
Срѣтенская	125	71	14	9	139	80
Ново-Заяузская	101	55	18	8	119	63
Мясницкая	32	40	8	7	40	47
Ново-Никитская	30	6	—	—	30	6
Екатерининская	19	34	2	4	21	38
Воронцовская	12	19	—	—	12	19
Голутвенная	11	32	16	7	27	39

Ордынская	10	93	3	15	13	108
Кожевницкая	10	125	23	27	33	152
Покровская	4	57	10	12	14	69
Ново-Алексѣевская	4	40	—	13	44	53
Новгородская	—	—	14	13	—	—

Къ этой табличкѣ добавимъ, что среди патриаршихъ крестьянъ числилось 153 человекъ, не занимающихся ремеслами, т. е. ремесленный элементъ этой категоріи тяглецовъ въ значительной мѣрѣ превосходилъ элементъ неремесленный—торговый. То же заключеніе вытекаетъ и изъ разсмотрѣнія нашей таблички по отношенію къ Ново-Заяузской слободѣ, къ Покровской сотнѣ, къ Ново-Никитской слободѣ и Срѣтенской сотнѣ. Однимъ словомъ, можно сказать, что населеніе московскихъ сотенъ и слободъ было по преимуществу ремесленное.

Вообще московская слобода и сотня и представляли собою группу посадскаго населенія исключительно объединенную интересами посадскаго торговаго и промысла. Каждая сотня заключала въ себѣ рядъ разнообразнѣйшихъ профессій. Къ сожалѣнію московское правительство очень рѣдко интересовалось раздѣленіемъ посадскаго населенія по его профессіямъ: оно дѣлало переписи населенія для фискальныхъ цѣлей, а эти цѣли не имѣли въ виду точной регистраціи населенія по его профессіямъ. Поэтому очень трудно найти перепись даже нѣсколькихъ сотенъ въ которыхъ профессиональная статистика была бы выдержана вполне удовлетворительно. Впрочемъ иногда московское правительство вводило въ заданія для переписи и вопросъ о профессіяхъ. До насъ дошло очень любопытное описаніе 1677 г. Мѣщанской слободы; оно не совсѣмъ полно, но, повидимому, недостаетъ немного, такъ какъ зарегистрировано 534 лица. Раздѣленіе этого далекаго уголка Москвы по профессіямъ представляетъ собою чрезвычайно большой интересъ, именно вслѣдствіе подробнаго описанія профессій, чего обычно не встрѣчается вовсе въ другихъ переписяхъ. Большая часть населенія слободы занималась торговлею (310). Торговля разбивается на рядъ самыхъ разнообразныхъ профессій; кромѣ обычной торговли въ рядахъ встрѣчаемъ и торговцевъ переулочнымъ товаромъ, одинъ торгуетъ «кутьею», другой торгуетъ «на Ильинскомъ крестцѣ изюмомъ», иной торгуетъ «очками похода», есть промышленяющіе торгомъ въ разность по боярскимъ дворамъ «торгуетъ камнемъ и жемчугомъ, ходя по боярскимъ дворамъ» и т. п. Тоже самое наблюдается и въ области ремеслъ. Кромѣ болѣе обычныхъ ремеслъ, напримѣръ, портныхъ (136), серебряниковъ (28), кузнецовъ (20) скорняковъ (19), сапожниковъ (16), хлѣбниковъ (15) и т. п., мы встрѣчаемъ еще рядъ специалистовъ болѣе узкихъ, напримѣръ, каретниковъ (2), подпружниковъ (1), красильщиковъ шелковыхъ матерій (1), дѣлающихъ нѣмецкія бѣлила (2), оконшники раздѣляются на дѣлающихъ окна изъ слюды (2) и изъ стекла (1), встрѣчаемъ гранильщика алмазовъ, мастерового, дѣлающаго только мѣдные кресты, «дѣлающихъ женскіе пуши» (вѣроятно женскіе платки), двое имѣютъ своей спеціальностью выдѣлку серегъ, встрѣчаемъ особыхъ специалистовъ по черненію «монатейныхъ суконъ», по подчерниванію куницъ; среди портныхъ встрѣчаемъ спеціализацію по шитью «нѣмецкихъ платьевъ», среди

шапошниковъ одни дѣлаютъ мужскія шапки «на польскую руку», а другіе дѣлаютъ только «околы шапочные на нѣмецкую руку». Затѣмъ, встрѣчаемъ специалистовъ такъ сказать въ инженерномъ дѣлѣ: одинъ насосы дѣлаетъ, другой устраиваетъ пруды. Въ области интеллигентныхъ профессій встрѣчаемъ лицъ, которые письмомъ кормятся, «суды деревянные пишутъ въ судовомъ ряду», есть приготовляющіе лѣкарства, есть лѣкаръ вольнопрактикующій «изъ иноземцевъ», одинъ «листы печатаетъ», можетъ быть типографчикъ, а можетъ быть и художникъ; одинъ «кормитца письмомъ, пишетъ переводы обыденные», есть и педагоги: «въ школѣ учить дѣтей грамотѣ». Изъ низшихъ профессій встрѣчаемъ довольно большое число чернорабочихъ (31), есть такіе, которые «кормятся въ рядахъ», т. е. исполняютъ разнаго рода порученія и мелкую работу, есть и посыльные въ нашемъ смыслѣ слова: «промыселъ его въ Сурожскомъ ряду ходить въ ходакахъ». Однимъ словомъ все населеніе слободы раздѣляется на отдѣльныя спеціальности въ области промысла, торгова, ремесла.

Къ сожалѣнію, для всей Москвы такихъ подробныхъ переписей не имѣется, поэтому приходится довольствоваться менѣе подробной переписью 1638 года, этотъ источникъ относится, слѣдовательно, къ тому самому времени, къ какому и наши свѣдѣніа о сборѣ пятинной деньги.

Общее количество ремесленниковъ, зарегистрированныхъ этой переписью, выражается въ цифрѣ 2367. Правда, сдѣлаемъ оговорку, что въ это число мы вносимъ и нѣкоторыя изъ такихъ профессій, относительно которыхъ можетъ существовать справедливое сомнѣніе въ ихъ принадлежности къ ремесленному классу въ собственномъ смыслѣ, какъ, напр., лицъ, занимавшихся извознымъ промысломъ, наймомъ и проч., или такихъ лицъ, относительно которыхъ трудно сказать, были ли они ремесленниками въ собственномъ смыслѣ, или ихъ промыселъ соединялся съ торговлей, какъ квасники, калачники и проч. Въ этихъ случаяхъ между ремесломъ, промысломъ и торгомъ существуетъ едва замѣтная грань такъ, что раздѣленіе этихъ двухъ понятій было бы совершенно искусственнымъ. Такимъ образомъ, въ этой таблицѣ, какъ и въ другихъ, мы соединяемъ эти ремесла и промыслы; не соглашающіеся съ такимъ раздѣленіемъ легко могутъ ихъ выдѣлить. Во всякомъ случаѣ такое объединеніе даетъ болѣе точное понятіе о распредѣленіи различныхъ промысловыхъ и ремесленныхъ профессій старой Москвы.

Приводя ниже въ таблицѣ полученныя нами данныя, мы тутъ же замѣтимъ, что, какъ естественно и ожидать, профессіи наиболѣе рѣдкія, наименѣе нужныя для тогдашняго жизненнаго обихода, встрѣчаются въ видѣ единичныхъ явленій. Поэтому наша таблица даетъ возможность опредѣлить, какія профессіи и ремесла являлись наиболѣе распространенными, и въ какихъ населеніи Москвы менѣе нуждалось, или какія изъ ремеслъ, въ той или другой мѣрѣ, удовлетворяли нуждамъ обширной столицы.

Всего. $\frac{\%}{0}$ -е отношеніе къ общ. числу.

Металлическія издѣлія *): кузнецы (113), самопальные мастера (ствольники, станочники и замочники) (17), пушкари (248), пушечные литцы, кузнецы и

*) Въ скобкахъ поставлено число лицъ, зарегистрированныхъ по каждой данной профессіи.

мастера (8), пушечные рѣзцы (1), литцы (1), латные мастера (1), ножевики (1), оловяшники (4), паникадилышники (14), рѣзцы (1), словолитцы (1), плавильные мастера (3) колокольники (5), подковщики (1), бронные мастера (11), пугвишники (8), поьяльщики (7), трубники (6), удильщики (1), часовники (1), пряжники (1), оковщики (1), точильщики (1), рѣшеточники (1), скобельщики (3), (скобель ножъ съ двумя рукоятками), мисники (1), мѣлники (4), желѣзники (2), замочники (3), игольники (7), котельники (20) . . .	497	21
Приготовление продуктовъ изъ хлѣба: квасники и сусленники (49), хлѣбники (52), калачники (80), прянишники и пирожники (43), блинники (17), крупеники (5), сытники (14), житники (12), харчевники (10), просвирницы (50), грешневики (1), кисельники (3), солодовники (28), мушники (17), пивовары (9), медовщики (6), винокуры (1)	397	17
Изготовление одежды: портные мастера (119), сермяжники (2), подкладники (4), покровщики (22), монатейщики (3), кафтанники (4), завязочники (2), сарафанники (12), свитники (1), подвязочники (6), шатерники (3), щепетинники (3), шапочники (63), колпачники (8), шляпочники (1), чулочники (3), рукавишники (19)	275	11
Разные промыслы: извошки (208), ярыжники (1), судовщики (2), пастухи (7), водоливы (5), пильщики (1), колодезники (2), рыболовы (1), бавщики (14), дровосѣки (3)	244	10
Обработка дерева: дегтяри (2), плотники (131), деревщики (1), коробейщики (6), лѣсники (3), клѣтчики (30), обручники (7), судники (3), болванники (6), телѣжники (7), колымажники (8), стрѣльщики (1), бердники (1), фонарники (2), лапотники (1), зольники (1), спишники (1)—(спичка-трость) .	211	9,5
Обработка кожи и издѣлій изъ кожи: кожевики (9), овчинники (12), стригальники (2), гладильщики (1), уздники (4), сырейщики (5), сѣдельники (11), сырмятники (1), шлейники (2), переплетчики (7), подошвенники (7), колошники (1), каблутчики (1), саадашники (1), тебенъщики (1), плетники (1), хозовники (1), мочильщики (1)—(мочка-ремень), сапожники (142)	210	9,5
Скорняжное дѣло: шубники (20), скорняки (64), пушники (13), бобровники (16), собольники (1), векошники (2)	116	5,6
Издѣлія изъ золота и серебра: серебряники (57), сусальники (6), золотошвейники (1), золотари (1), алмазники (4), ожерелейники (1), канительщики (4), золотыхъ дѣлъ мастера (1)	75	3
Обработка химическихъ продуктовъ, глины и кости: зелейщики (12), красильники (13), мыльники (8), бѣлильщики (3), крашенишники (4), селитренныя мастера (5), бумажники (2), стекольщики и зеркальщики (8), муравщики (1), каменьщики (4), гончари (3), печники (2), гребенщики (4)	69	3
Книгопечатное дѣло: наборщики (9), печатные мастеровые люди (29), батышники (17), тередорщики (9)	64	2,6
Денежное дѣло: денежныя мастера (38), дрягили (1)	39	1,6
Иконное дѣло: иконники (29), крестещики (4), золотописцы (2), знаменщики (1)	36	1,4
Обработка волокнистыхъ веществъ: войлочники (2), канатчики (2), шеловники (2), холшевики (15)	21	0,88
Интеллигентныя профессіи: артисты: потѣшники (1), домерщики (1), гусельники (1), рожечники (4), миндерщики (1), рудометы (3), аптекари (1), конскіе мастера и коновалы (4), чертежчики (2)	18	0,76
Охотничье дѣло: охотники (8), кречатники (2), пичужники (2)	12	0,48
Мельничное дѣло: мельники (9), мельничныя мастера (1)	10	0,43
Ученики разныя	68	3
Мастера неизвѣстныхъ профессій	5	0,2
И Т О Г О	2367	100%

Что касается соответствія полученныхъ нами чиселъ съ дѣйствительностью, то необходимо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ въ Москвѣ было больше мастеровыхъ, чѣмъ то число ихъ, которое занесено въ перепись. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что дворцовые ремесленники, не несшіе тягла, въ перепись не вошли.

Затѣмъ нѣкоторыя профессіи зарегистрированы неполно, очевидно отмѣчены лишь случайно мимоходомъ нѣкоторое изъ нихъ представителей;

такъ, на примѣръ, количество различныхъ чернорабочихъ весьма незначительно.

Нѣкоторыя профессіи, подлежавшія переписи, «учинились сильны» и не хотѣли давать о себѣ показаній; въ однихъ мѣстахъ Москвы «учинились сильны» извозчики, въ другихъ кузнецы и пушечные мастера.

При всемъ томъ надо имѣть въ виду, что перепись заключаетъ въ себѣ лишь перечень ремесленниковъ, которые представляли собою посадское населеніе Москвы и у которыхъ данное ремесло было ихъ исключительной профессіей. Между тѣмъ, на ряду съ профессиональными ремесленниками, въ Москвѣ пользовались еще и другими элементами населенія, по своей профессіи не принадлежавшими къ числу ремесленниковъ, или же пришлымъ рабочимъ элементомъ. Такъ, по записямъ Приказа тайныхъ дѣлъ, времени царя Алексѣя Михайловича, можно указать цѣлый рядъ артелей, занимавшихся плотничьимъ дѣломъ и вообще строительными работами, изъ числа московскихъ стрѣльцовъ. Такимъ образомъ стрѣльцы были конкурентами какъ торговаго, такъ и ремесленнаго населенія Москвы. Среди нихъ были: плотники, столяры, кузнецы и другіе большею частью менѣе сложная профессія. Затѣмъ пришлый элементъ, появившійся въ Москвѣ въ сезонъ тѣхъ или другихъ работъ, тоже конкурировалъ съ мѣстнымъ ремесленнымъ населеніемъ; опять таки по записямъ Приказа тайныхъ дѣлъ можно найти артели даже въ нѣсколько сотъ человѣкъ изъ костромичей, ярославцевъ, каргопольцевъ, бравшихся за строительныя работы, извозъ. Все это указываетъ на то, что столица требовала большое количество разнаго рода рабочаго люда и что наличный контингентъ ея рабочихъ далеко не удовлетворялъ спроса.

Имѣется еще возможность сдѣлать одно дополненіе къ численному составу переписи. Три года спустя послѣ переписи была составлена спеціальная перепись московскихъ кузницъ, какъ принадлежащихъ посадскимъ людямъ, такъ и бѣломѣстцамъ. Тогда было зарегистрировано 152 кузницы, изъ которыхъ однако 24 стояли впускъ. Во всѣхъ дѣйствующихъ 128 кузницахъ зарегистрировано работающихъ кузнецовъ, хозяевъ, работавшихъ въ кузницѣ, арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ 172 человѣка.

Очень любопытна спеціализація кузнечнаго дѣла, зарегистрированная описью 1641 года. Оказывается, что всякое мелкое и черное кузнечное дѣло производилось въ 91 кузницѣ; слѣдовательно, таково было количество кузницъ въ собственномъ смыслѣ слова. Затѣмъ, въ 20-ти кузницахъ рабочею спеціальностью показана выработка подковъ, въ 4-хъ—выработка ножей; работа мельничныхъ снастей и сапожныхъ скобъ имѣла по каждой спеціальности по 3 кузницы, сабли выработывались въ двухъ, топоры тоже въ двухъ, одна имѣла довольно разностороннюю спеціальность—выработка оружія, замковъ и разнаго чернаго дѣла. Данныя переписи кузницъ 1641 года по существу не различаются въ большой мѣрѣ отъ данныхъ 1638 года, такъ какъ въ опредѣленіи спеціальности допустимы нѣкоторыя неточности при переписи послѣдняго года, но зато перепись 1641 г. вскрываетъ передъ нами одну изъ любопытныхъ частности столь важнаго тогда ремесла.

Количественное значеніе въ сферѣ народнаго хозяйства ремесленнаго люда, скопившагося въ стѣнахъ столицы могло бы быть уяснено путемъ сравненія съ другими городами. Къ сожалѣнію, сдѣлать это трудно по отсутствію данныхъ, касающихся какъ разъ крупныхъ городовъ; впрочемъ, нѣкоторыя сравнительныя данныя привести все-таки можно. И опять таки сдѣлаемъ оговорку, что трудно подыскать данныя, совпадающія по годамъ съ московскими переписями. Но мы сейчасъ увидимъ, что каковъ бы ни былъ ростъ ремесленнаго класса въ другихъ городахъ московскаго царства, все же ясно, доминирующее значеніе Москвы. Такъ въ Ростовѣ Великомъ, который занималъ въ XVII вѣкѣ въ торгово-промышленной сферѣ весьма замѣтное мѣсто, по переписи 1646 г. насчитывается всего 170 ремесленниковъ различныхъ профессій. Въ такомъ крупномъ городѣ какъ Тула, по переписи 1625 года, зарегистрирована всего 140 ремесленниковъ. Суздаль довольно значительный городъ, а на московскій глазомѣръ по числу дворовъ, въ 1628 г. насчитывалъ у себя только 65 ремесленниковъ. Устюгъ Великій несомнѣнно былъ однимъ изъ крупныхъ торгово-промышленныхъ центровъ, но и въ немъ перепись 1638 г. показываетъ всего 457 ремесленниковъ. Угличъ былъ меньше Устюга, но все же занималъ не маловажное мѣсто; въ немъ была весьма развита торговля, но число ремесленниковъ было сравнительно невелико, такъ какъ перепись 1674 года насчитываетъ ихъ всего 126 человекъ. Симбирскъ въ XVII вѣкѣ занималъ видное мѣсто по оптовой торговлѣ на Волгѣ, но и здѣсь перепись 1678 г. показываетъ всего 137 ремесленниковъ. Относительно немалый городъ Вятка, по переписи 1628 года, имѣлъ всего 90 ремесленниковъ. Центръ Поволжья, Нижній Новгородъ, по переписи 1620 года насчитывалъ всего 520 ремесленниковъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ очевидно доминирующее значеніе Москвы, какъ центра ремесленной жизни.

Теперь перейдемъ къ выясненію вопроса о матеріальномъ положеніи ремесленниковъ. Здѣсь прежде всего насъ долженъ интересовать вопросъ о существовавшихъ соотношеніяхъ между производителемъ и потребителемъ. Безспорно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Москвѣ, если не по отношенію и къ другимъ крупнымъ центрамъ XVII вѣка, можно высказать то утвержденіе, что мастеровой дѣлалъ свою работу не только по заказу отдѣльныхъ лицъ, но и на рынокъ. По крайней мѣрѣ на московскомъ рынкѣ можно было купить самые разнообразныя предметы, вышедшіе изъ ремесленныхъ мастерскихъ. Не говоря о такихъ сложныхъ предметахъ, какими являются художественныя издѣлія, экипажи, оружіе и т. п., даже такіе несложные по способу изготовленія предметы, какъ обувь, принадлежности костюма и бѣлье, можно было приобрести въ готовомъ видѣ на московскомъ рынкѣ. Все это очень легко установить, просматривая приходо-расходныя записи дворцовыхъ приказовъ и частныхъ лицъ. Иногда можно себѣ даже представить и количество готовыхъ вещей, которыя можно было приобрести въ лавкахъ одного Китая города въ любой моментъ. Такъ можно считать довольно знаменательнымъ тотъ фактъ, что въ 1664 году по государеву указу въ одинъ разъ для государева жалованья полоняникамъ и колодникамъ было куплено въ предѣлахъ только

Гостинаго двора 427 чекменей и тогда же было закуплено въ лавкахъ Китай-города до 4^{1/2} тысячъ аршинъ холста. Неизвѣстно насколько былъ выбранъ изъ лавокъ наличный товаръ такой закупкой, но во всякомъ случаѣ ее нельзя не признать довольно внушительной по размѣрамъ, тѣмъ болѣе что закупался товаръ вырабатываемый въ боярскихъ и монастырскихъ дворахъ, для массы лицъ приготовляемый ремесленниками на-дому, — однимъ словомъ товаръ, на сбытъ котораго въ большомъ количествѣ при тогдашнихъ условіяхъ жизни, казалось бы, не могли рассчитывать торговцы. Что касается нѣкоторыхъ ремеслъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе крупнаго масштаба, то въ нихъ, повидимому, преобладала система непосредственныхъ сношеній потребителя съ производителемъ. Такъ, серебряники, скорняки являлись сами и продавцами своихъ издѣлій; въ кузнечномъ дѣлѣ преобладала система единичныхъ заказовъ. Покупка въ лавкахъ шапокъ, рукавицъ, штановъ, сапоговъ, деревянныхъ издѣлій и т. п. указываетъ на то, что въ области этихъ ремеслъ торговое посредничество было обычнымъ элементомъ.

Въ самомъ дѣлѣ мастеровые люди готовили свои произведенія на-дому и затѣмъ приносили въ ряды для продажи сидѣвшимъ въ рядахъ торговцамъ. Это подтверждается многими данными, изъ которыхъ мы остановимся на одномъ любопытномъ документѣ, рисующемъ намъ тогдашняго мастерового въ его отношеніяхъ къ рядовымъ торговцамъ. Приказъ Большаго Прихода учинилъ сыскъ въ новомъ сапожномъ ряду относительно каргопольца сапожника Федьки Мишатина съ цѣлью выяснить, можно ли его принять на службу въ государеву мастерскую Палату. Цѣль сыска заключалась въ томъ, чтобы выяснить—«человѣкъ онъ доброй ли и за воровствомъ за какимъ не ходитъ ли». Старосты и торговые люди новаго краснаго сапожнаго ряда сказали въ Божію правду, что они Федьку «въ лицо знаютъ и сапоги къ нимъ въ сапожный рядъ на продажу выносятъ, а воровства-де они за нимъ, Федькой, никакова не вѣдаютъ, потому что де онъ, Федька, человѣкъ пріѣзжій, а не московской и двора де у него, Федьки, на Москвѣ нѣтъ, живетъ по чужимъ дворамъ, а въ рядѣ-де онъ, Федька, приходитъ къ нимъ недѣли въ двѣ и въ три и въ пять и въ десять». Между тѣмъ того же торговаго ряда стрѣльцы, тоже имѣвшіе лавки, показали о Федькѣ совсѣмъ другое: воровства за нимъ они «не знаютъ, только де то имъ вѣдомо, что тотъ Федька . . . у стрѣльца у Петрушки Ортемьева въ прошломъ во 175 году изъ зепи 6 рублей денегъ вынялъ, а какъ де онъ Федька напѣтца пьянъ, и онъ де Федька со многими людьми деретца и называетца стольниковъ и стряпичихъ и дворянъ московскихъ послуживцомъ», въ рядѣ съ своими товарами приходитъ изрѣдка. Вотъ типичная сказка о московскомъ мастеровомъ: издѣліе свое продаетъ, когда придется, скитается по чужимъ дворамъ и пьянствуетъ.

Вообще надо полагать для XVII вѣка смѣшанную систему отношеній между потребителемъ и производителемъ, при чемъ можно сдѣлать любопытное наблюденіе, просматривая въ хронологическомъ порядкѣ приходо-расходныя записи: въ началѣ XVII вѣка преобладаетъ система заказовъ. Заказы эти отличались нѣкоторыми особенностями: мастеровой получалъ

отъ заказчика весь матеріалъ или по расчету деньги на каждую часть матеріала и особо плату за работу. Онъ нерѣдко работалъ въ домѣ заказчика, потому что среди расхода часто встрѣчаемъ и расходъ на сальныя свѣчи: при такихъ условіяхъ, напр., работали портные. Иногда даже довольно сложныя вещи заказывались такимъ же образомъ: напр., для приготовления восковыхъ свѣчей закупалось извѣстное количество бумаги, воску, и мастеръ получалъ только за работу. Серебряныя издѣлія, напр. иконныя оклады, заказывались такимъ же образомъ. Никонъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ еще въ санѣ новгородскаго митрополита, сравнительно рѣдко покупалъ вещи въ готовомъ видѣ, предпочитая систему заказовъ. Даже мука не всегда покупалась въ готовомъ видѣ, но покупали рожь и мололи ее на мельницѣ. Къ концу XVII вѣка эта расчетливость начинаетъ уступать другому приему—заказу той или иной вещи ремесленнику полностью. Можетъ быть, эта система стала преобладать у болѣе состоятельныхъ заказчиковъ, а менѣе состоятельные держались прежней системы: по крайней мѣрѣ дворцовыя приказы, ранѣе дѣлавшіе заказы свои точно такимъ же образомъ, какъ и Никонъ, къ концу XVII вѣка почти исключительно примѣняютъ систему заказа того или другого предмета полностью одному мастеру, не прибѣгая къ выдачѣ матеріала или отдѣльныхъ частей его, или къ расчету каждой части въ отдѣльности.

Итакъ, уже въ XVII вѣкѣ существовали смѣшанныя отношенія между производителемъ и потребителемъ, при чемъ принимало извѣстное участіе и торговое посредничество.

Что касается заказовъ болѣе сложныхъ предметовъ, напр., устройство хоромъ и т. д., то тутъ примѣнялась система подрядовъ, при чемъ подрядчиками или уговорщиками являлись отдѣльные предприниматели, въ крупныхъ случаяхъ капиталисты, бравшіе заказъ единолично или въ компаніи, или сами ремесленники, вѣроятно, на артельныхъ началахъ. Такъ, три подрядчика, гостиной сотни Анофреевъ, Басманной слободы Тимофеевъ и Садовничей Пестенокъ, порядились въ 1660 году поставлять на государево хоромное и дворовое строеніе лѣсныя матеріалы, на своихъ подводахъ. Но, съ другой стороны, нерѣдко плотничій мастеръ или подмастерье составляютъ чертежъ постройки, т. е. планъ, и ведетъ всю работу при помощи артели плотниковъ. Такъ была, напр., построена бумажная мельница; за нее взялись подрядчики плотничнаго дѣла мастера въ числѣ 16 человѣкъ. Желѣзную снасть на ту же мельницу порядились доставлять кузнецъ Никитинъ и слободской тяглець Ларіонъ. Очевидно, первый изъ нихъ главнымъ образомъ могъ внести свой трудъ въ это дѣло, а второй помогать капиталомъ. Если мастеровые брались выполнить тотъ или иной заказъ, то обязывались круговой порукой «за единъ человѣкъ», или же представляли еще поручителей со стороны. Такимъ образомъ и тутъ въ дѣлѣ сложныхъ заказовъ мы встрѣчаемся какъ съ непосредственнымъ отношеніемъ потребителей и производителей, такъ и съ посредничествомъ капиталистовъ.

Повидимому, среди мастеровыхъ людей иногда бывали предприниматели, бравшіе крупныя заказы. Среди подрядчиковъ дворцовыхъ при-

казовъ мы встрѣчаемъ большею частью мастеровыхъ, которые берутъ довольно крупныя подряды. Такъ, въ 1685 году каменщикъ Артюшка Даниловъ «съ товарищи» уговорился сдѣлать въ селѣ Воробьевѣ каменные подклѣты на сумму 935 руб., при чемъ обязался поставить артель въ 100 человекъ каменщиковъ, а рабочихъ и подвязчиковъ столько, сколько понадобится. Любопытенъ и способъ обезпеченія прочности сдѣланнаго зданія: подрядчикъ обязался въ теченіе 15 лѣтъ исправлять своими работниками всякаго рода порухи въ построенныхъ имъ подклѣтахъ. Водовзводнаго дѣла работникъ беретъ тогда же подрядъ стоимостью въ 200 руб., при чемъ обязуется всю работу производить своими рабочими и лошадьми, ставить своихъ кузнецовъ и плотниковъ. Плотникъ Васька Ивановъ «съ товарищи» беретъ работу на 150 руб. и т. д. Въ приведенныхъ случаяхъ мастеровые, очевидно, получаютъ плату по исполненіи заказа, располагая для его производства собственнымъ капиталомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ уговоръ заключался въ томъ, что на покупку припасовъ выдавалась необходимая сумма денегъ. Къ такому способу выполненія заказа прибѣгаетъ рабочій, составлявшій артель. Такъ, когда станочникъ Ивашко Ивановъ взялъ въ 1689 году подрядъ на постройку иконостаса въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ, то вмѣстѣ съ нимъ у того дѣла обязались быть, круговою порукой, еще 9 мастеровъ станочниковъ.

Итакъ, мы тутъ наблюдаемъ обычную картину тѣхъ способовъ, при которыхъ бралась работа: подрядчикомъ являлся или человекъ съ достаточнымъ капиталомъ, самъ вышедшій изъ рабочей среды, или артельная организація.

Все это указываетъ намъ на то, что сверхъ мастеровыхъ, имѣвшихъ свои мастерскія, бравшихъ работу на домъ, были еще и мастеровые, служившіе по найму.

Кромѣ наемныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ слова, въ мастерскихъ работаютъ еще захребетники и ученики. Ученики были въ самыхъ различныхъ мастерскихъ, напр., въ портняжномъ дѣлѣ, въ шапочномъ, серебряномъ, иконописномъ и т. д. Иногда бывало по нѣскольку учениковъ, напр. по три. Что касается захребетниковъ, то общее количество ихъ довольно легко поддается учету, хотя указанія на численный составъ мастерскихъ являются лишь единичными. Такъ, напр., у броннаго мастера Стрѣльникова въ числѣ захребетниковъ упоминается одинъ захребетникъ и сынъ. У пирожника Юшки Перфильева — два захребетника изъ нижегородскихъ посадскихъ людей, которые вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ жили въ одномъ подклѣтѣ. У иконника Ивашки Никитина одинъ захребетникъ. У одного подошвенника встрѣчаемъ захребетника и т. д. Даже у нищихъ были захребетники: у одного нищаго было 6 человекъ захребетниковъ. Изъ этихъ немногихъ частныхъ примѣровъ видно, что вообще въ мастерскихъ количество захребетниковъ было, повидимому, очень невелико. Въ самомъ дѣлѣ, на 626 посадскихъ ремесленниковъ, относительно которыхъ имѣются свѣдѣнія по сбору пятинныхъ денегъ 142 года, приходится 158 захребетниковъ ремесленниковъ же. Это и есть приблизительно то количество рабочихъ изъ числа захребетниковъ, которые рабо-

тали въ мастерскихъ своихъ хозяевъ. Слѣдовательно, далеко не всѣ мастерскія имѣли по крайней мѣрѣ этотъ контингентъ рабочихъ. Любопытно, что наибольшее количество ихъ мы встрѣчаемъ какъ разъ въ тѣхъ профессіяхъ, которыя по существу своему требовали подспорныхъ рабочихъ рукъ. Напр., въ мастерскихъ по выработкѣ металлическихъ издѣлій можно насчитать самое большое число захребетниковъ, именно 28 человекъ. Такимъ же характеромъ отличается работа въ кожевенномъ дѣлѣ, почему здѣсь мы встрѣчаемъ 13 захребетниковъ въ разныхъ отрасляхъ этого дѣла, а у однихъ только сапожниковъ ихъ были 11 человекъ. Такое же число захребетниковъ встрѣчаемъ въ плотничьемъ дѣлѣ, въ портняжномъ — 8 челов., въ скорняжномъ — 7, и далѣе уже идутъ единичные случаи. Довольно значительное количество захребетниковъ среди извозчиковъ, ярыгъ и т. п. рабочихъ (29 человекъ) объясняется, конечно, тѣмъ, что захребетники, не обладавшіе никакимъ мастерствомъ, посылались своими хозяевами на эти работы. Осторожность, однако, требуетъ сдѣлать одну оговорку: количество захребетниковъ того или другого дѣла не означаетъ еще, что всѣ они работали въ мастерской своихъ хозяевъ, мастеровъ того же ремесла, такъ какъ, напр., встрѣчаемъ и такой фактъ, что у тягльца суконной сотни, сапожнаго мастера по спеціальности, живетъ въ захребетникахъ шубникъ. Но, по всей вѣроятности, подобнаго рода факты являются единичными.

Кромѣ учениковъ и захребетниковъ въ мастерскихъ мы встрѣчаемъ и наемныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ. Количество ихъ однако весьма невелико. Такъ, встрѣчаемъ по одному наемному рабочему у пирожника, у портного мастера, у калашника. Примѣненіе труда наемныхъ рабочихъ опять-таки было болѣе значительнымъ въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ по существу требовался рабочій. Тутъ опять выдвигается кузнечное дѣло, о которомъ у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія.

Въ 1641 году для сибирской посылки приказано было переписать кузницы въ Москвѣ и въ слободахъ. Въ эту перепись вошло всего 152 кузнечныхъ мастерскихъ, изъ которыхъ 24 стояло пустыми. Изъ дѣйствовавшихъ 128 кузницъ въ 83-хъ работали сами владѣльцы кузницъ; сверхъ того, въ 6 кузницахъ работалъ самъ владѣлецъ при помощи наемныхъ рабочихъ, въ пяти кузницахъ было по одному рабочему и въ одной—даже 2 рабочихъ. Въ остальныхъ сами владѣльцы не работали, при чемъ въ 15-ти кузницахъ были наемные рабочіе (въ 2-хъ кузницахъ по два рабочихъ, въ остальныхъ—по одному); остальные 24 сдавались въ аренду, при чемъ одна изъ нихъ имѣла двухъ рабочихъ, остальные по одному. Такимъ образомъ меньшей половинѣ кузнечныхъ рабочихъ было не подъ силу приобрѣтеніе собственной мастерской и орудій производства.

Какъ ни мало у насъ свѣдѣній о стоимости орудій производства и вообще о томъ капиталѣ, который долженъ составить мастерской на оборудованіе мастерской, все же довольно ясно, что въ сложныхъ профессіяхъ для оборудованія требовался предпринимательскій капиталъ. Это доказывается сравнительно невысокимъ размѣромъ заработной платы, а также другими данными, характеризующими вообще матеріальный бытъ

московскаго рабочаго въ довольно мрачномъ свѣтѣ. На Олеарія московскіе ремесленники не производили впечатлѣнія сколько-нибудь состоятельнаго класса. «Для ихъ плохой жизни», говоритъ онъ, «требуется немного, и они трудами рукъ своихъ добываютъ себѣ въ такой большой общинѣ, какъ Москва, денегъ на пищу и на чарку водки и могутъ пропитать себя и своихъ родныхъ». Другой иностранецъ Петръ Петрей, видѣвшій Москву на полстолѣтія раньше, говоритъ о московской бѣднотѣ тоже въ довольно мрачномъ тонѣ.

Когда въ Москвѣ было созвано извѣстное совѣщаніе гостей и торговыхъ людей въ годы выпуска мѣдныхъ денегъ, по вопросу о томъ, почему на Москвѣ учинилась дороговизна хлѣба, то московскіе гости и торговые люди гостиной сотни, между прочимъ, объясняли возросшую дороговизну слѣдующимъ образомъ: «на Москвѣ и въ городѣхъ учинилия русскіе товары: шапки, сапоги, сѣдла, узды и прочіе всякіе мастерскіе товары и сѣстные всякіе запасы дороги отъ хлѣба потому, что въ прежнихъ лѣтахъ можно было мастерскому человѣку и съ женою быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20 алтынъ». Тогда же и въ такихъ же выраженіяхъ характеризовали положеніе ремесленниковъ и выборные отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Такъ, въ представленіи московскихъ торговыхъ людей отложила средняя обычная оцѣнка ремесленаго труда. Ее можно признать вполне точной, какъ среднюю цѣну рабочаго дня почти для всего столѣтія, съ нѣкоторыми отклоненіями въ томъ смыслѣ, что болѣе сложныя спеціальности оплачивались дороже и менѣе сложныя оплачивались иногда на 2 деньги меньше. Около того же времени ученики живописнаго дѣла обратились къ царю Алексѣю Михайловичу съ челобитной, въ которой указывали: «Работаемъ мы, холопи твои, всякіе твои Великаго Государя живописные дѣла безпрестанно, а твоего Государева жалованья поденного корму учинено намъ на день по алтыну; и тѣмъ намъ, холопомъ твоимъ, будучи у твоего Государева безпрестаннаго дѣла, прокормитца не чѣмъ; а людишки бѣдные, платишкомъ ободрались и обувью обносились, ходимъ наги и босы; а нашей братьѣ, серебряные палаты ученикомъ, корму идетъ на день по два алтына, да имъ же выдано на рубашки холсты и шапки и рукавицы, а намъ холопомъ твоимъ того твоего Государева жалованья ничего не дано». По этой сказкѣ не мастера, а ученики получали алтынное жалованье, но это потому, что это были ученики такого мастерства, для котораго требовался особо подготовленный рабочій, и вообще иконописное мастерство оплачивалось значительно дороже; ученики серебрянаго дѣла получали даже 2-алтынную плату съ прибавкой одежды, опять-таки по той же причинѣ.

Вообще говоря, если исключить небольшое число мастеровъ, обладавшихъ болѣе тонкою спеціальностью и получавшихъ сравнительно значительный окладъ годового жалованья и хлѣбнаго корму на придворной службѣ, то заработная плата рядоваго мастера различныхъ профессій колебалась сравнительно незначительно. Придворные живописцы и иконописцы, иностранные мастера получали оклады, которыхъ нѣтъ нужды

сравнивать съ обычной расцѣнкой рабочаго люда. Трудъ иконописцевъ подвергался наиболѣе индивидуальной таксировкѣ. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія иконописцы, вызванные изъ разныхъ городовъ, получали по 10 денегъ въ день, а иногда и по одному алтыну; нѣкоторые изъ нихъ получали отъ 2 до 3 алтынъ; встрѣчаемъ и оплату дня въ 40 денегъ—это уже очень высокая плата. При Иконописномъ дѣлѣ нѣкоторыя специальности также цѣнились довольно высоко: напр. золотильщики получали по 30 ден. въ день, олифельщики—отъ 3 алт. 1 д. до 30 денегъ. Другія специальности, примѣнявшіяся въ томъ же дѣлѣ, не подлежали такой усиленной оплатѣ: напр. травщики получали только по 1 алт. 4 ден. въ день, а терщики—всего по 8 денегъ въ день, т. е. плату, которой не всегда довольствовался ярыга. Относительно еще выше оплачивались такія профессіи, какъ водяного взвода мастера и водоливы, получавшіе по два алтына въ день въ 40-хъ годахъ, затѣмъ трудъ каменщиковъ. Въ оцѣнкѣ труда каменщиковъ можно сдѣлать слѣдующія любопытныя наблюденія. Сейчасъ послѣ разоренія Москвы въ 1613 году каменщики получали, какъ подмастерья, такъ и мастера, по тому времени очень высокую поденную плату—по 2 алтына въ день; эта поденная плата, съ колебаніемъ отъ 10 денегъ до 2 алтынъ, держится еще въ половинѣ XVII столѣтія, когда каменное дѣло недостаточно еще развилось, но къ концу XVII вѣка, на рубежѣ XVIII трудъ каменщиковъ оцѣнивается уже ниже другихъ ремеслъ, по 8 денегъ въ день, тогда какъ въ другихъ мастерствахъ оплата труда увеличилась за это время; отсюда естественно предположить объ увеличеніи количества рабочихъ этого мастерства къ концу XVII вѣка. Поденный трудъ серебряныхъ мастеровъ оцѣнивался всего по 1 алтыну въ день, каковую плату получали иногда и ученики серебрянаго дѣла. Въ металлическихъ мастерствахъ день ствольнаго мастера оплачивался въ половинѣ XVII стол. въ полтора алтына, мѣдника—въ 1 алт. 2 деньги; рядовой кузнецъ въ 20-хъ годахъ того же столѣтія получалъ всего по одному алтыну. Для полноты укажемъ еще на нѣкоторые случаи оплаты труда: въ 40-хъ годахъ фонарники получали отъ 8 до 10 денегъ въ день. Трудъ гончаровъ, печниковъ оплачивали довольно низко, не дороже труда обыкновенныхъ ярыгъ, бравшихся для того или для другого дѣла: такъ, всѣ названныя профессіи получали въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія отъ 6 до 8 денегъ, между тѣмъ простой ярыга въ 40-хъ годахъ получалъ обычныхъ 10—11 денегъ въ день. Трудъ плотниковъ и портныхъ мастеровъ также расцѣнивается не высоко. Принадлежавшіе къ портняжному разряду шатерные мастера получали въ теченіе всего столѣтія отъ 1 алт. до 10 ден. въ день. Трудъ портного мастера въ началѣ столѣтія довольно устойчиво оцѣнивался въ одинъ алтынъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, при болѣе сложныхъ работахъ женскихъ одеждъ, оплачивался въ 8 денегъ; съ половины столѣтія и до конца цѣна рабочаго дня также устойчиво держится въ 10 денегъ, хотя закройщики и шапочники въ это время уже получаютъ по 3 алт. 2 ден. Плотничьи мастера въ началѣ столѣтія также устойчиво получаютъ обыкновенно по 6 ден. въ день, хотя для плотничьихъ старость въ лѣтнее время цѣна рабочаго дня поды-

мается до 8 денегъ, а съ половины столѣтія рабочій день опять-таки довольно устойчиво держится оплаты въ 10 денегъ. Трудъ окончнаго мастера по оплатѣ мало отличался отъ другихъ видовъ того же ремесла, подымаясь отъ 1 алтына до 10 денегъ.

Годовые оклады дворцоваго вѣдомства могутъ служить также въ известной мѣрѣ показателемъ оплаты ремесленнаго труда. Эти оклады, если не считать оплаты болѣе отвѣтственнаго труда (напримѣръ, нѣкоторыхъ золотыхъ дѣлъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, мастеровъ цѣннаго дѣла, иконописцевъ, свѣтолишнихъ писцовъ), связаннаго при томъ съ административными функціями по завѣдыванію мастерскими, то въ среднемъ колеблются между 8—10 руб. и ниспадая до 2 руб. въ годъ съ приплатой хлѣбнымъ кормомъ, въ среднемъ, отъ 2—9 четвертей хлѣба. Но и только что указанные высшіе оклады даются немногимъ мастерамъ. Наиболѣе низкіе оклады получаютъ плотники, денежное жалованье которыхъ колебалось въ годъ между 1 р. и 7 р., послѣдній окладъ получали старосты. Низкіе оклады были у оловянишниковъ. Кузнецы обычно получали отъ 2 до 5 руб. Максимальные оклады портныхъ мастеровъ восходили до 10 и даже до 11 руб., ниспадая до 4 руб. Однимъ словомъ средній окладъ приблизительно колебался между 5 и 7 р. въ годъ при дачѣ хлѣбнаго корма. Это относится къ 80-мъ годамъ столѣтія, и слѣдовательно въ общемъ, принимая во вниманіе количество рабочихъ дней, и средній окладъ казенныхъ мастеровъ можетъ быть приравненъ къ алтынной или десятиденежной поденной платѣ.

Вообще подводя итоги сказанному, можно придти къ тому заключенію, что дѣйствительно алтынная оплата поденнаго труда для огромнаго количества ремеслъ была въ общемъ минимальной оплатой въ теченіе всей 1-й половины XVII столѣтія, колеблясь отъ 1 алтына до 10 денегъ. Приблизительно около половины того же столѣтія происходитъ нѣкоторое повышеніе заработной платы, выражающееся въ томъ, что средней низшей нормой оцѣнки рабочаго дня является оплата въ 10 денегъ, при чемъ эта плата подымается для болѣе дорогихъ специальностей до 12 и даже до 14 алтынъ. Такъ, московскіе торговые люди были совершенно правы, опредѣляя минимальную потребность рабочаго въ размѣрѣ алтыннаго хлѣба въ день.

Во всякомъ случаѣ предыдущія данныя даютъ возможность опереться на самый существенный элементъ для опредѣленія матеріальнаго положенія рабочаго, именно на дневную заработную плату. Теперь является очень важный вопросъ о томъ, насколько выведенная средняя заработная плата могла удовлетворять потребностямъ рабочаго населенія Москвы. Вообще говоря, такія деньги, какъ алтынъ или 10 денегъ на московскій счетъ были небольшими деньгами. Люди съ положеніемъ давали «на чай» по 4 деньги, правда, государевымъ истопникамъ, приносившимъ пищу отъ государева стола. Иногда давали и больше. Духовные люди давали милостыню нищимъ по 2 деньги. Знаменитый Никонъ, живучи въ Москвѣ еще въ санѣ митрополита, иногда черезъ день, иногда ежедневно выдавалъ своему келейнику на хлѣбъ, калачи и хрѣнъ для митрополичьяго стола по 4, а

часто по 6 денегъ; такимъ образомъ о. митрополитъ потреблялъ хлѣба и хрѣну почти на сумму рабочаго дня, правда, повидимому, при очень суровомъ пищевомъ режимѣ.

Теперь постараемся опредѣлить, насколько могла удовлетворять рабочаго тогдашняя заработная плата. Получая въ день отъ 1 алтына до 10 денегъ, рабочій могъ заработать въ годъ, при 250 рабочихъ дняхъ, отъ 250 до 421 алтына 4 денегъ. Мы беремъ круглую цифру въ 250 рабочихъ дней на томъ основаніи, что и въ настоящее время число рабочихъ дней на нашихъ фабрикахъ колеблется между 263 и 287 рабочими днями, ниспадая въ единичныхъ случаяхъ до 249. Въ крестьянскомъ быту число рабочихъ дней считается 263. Принимая во вниманіе и нынѣшній мѣстный обычай, при которомъ количество рабочихъ дней въ рабочемъ быту бываетъ и менѣе указаннаго числа, а также неизбѣжность известной потери времени для ремесленника при хожденіи за полученіемъ заказа, мы, повидимому, нисколько не ошибаемся, принимая цифру рабочихъ дней въ 250; тутъ даже нѣтъ неизбѣжныхъ дней пропоя и безработицы. Довольно трудно опредѣлить размѣры пищевого довольствія, принимавшіеся во вниманіе, какъ известнаго рода средній размѣръ, въ XVII вѣкѣ. Есть указанія на то, что государевы мастеровые люди получали хлѣбнаго государева жалованья въ среднемъ 6—7 четвертей, хотя maximum выдачь доходилъ до 13, 15 и даже 24 четвертей, а minimum падалъ до 2, даже до $1\frac{1}{2}$ четв. Средній размѣръ выдачи соотвѣтствуетъ потребностямъ средней семьи. Но надо помнить, что выдававшееся тогда хлѣбное жалованье было именно жалованьемъ, т. е. въ него могъ входить известный коэффициентъ приплаты. Въ половинѣ XVIII вѣка дворовымъ въ большихъ экономіяхъ выдавалось по 3 четверти ржаной муки, по полтора гарнца крупъ и по одному четверику толокна и гороху. Безъ сомнѣнія, это хорошее довольствіе. Въ одномъ разчетѣ съ подрядчикомъ, относящемся къ 1669 г., учтенъ кормъ поденнаго рабочаго: оказывается, что подрядчикъ бралъ на каждого рабочаго за его прокормъ $\frac{2}{3}$ алтына, при общей поденной платѣ въ 12 денегъ.

Чтобы имѣть однако точку опоры для сужденія по данному вопросу, мы возьмемъ современный крестьянскій бюджетъ и сравнимъ съ нимъ значеніе рабочей платы московскаго періода. Известно, что современные крестьянскіе бюджеты въ среднемъ являются минимальной затратой на пищевое довольствіе, т. е. потребление пищи происходитъ въ размѣрѣ, только достаточномъ для существованія человѣческаго организма. Такъ современные экономисты (напр. г.г. Маресь и Щербина) принимаютъ норму хлѣбнаго довольствія челоука въ 18 пуд. ржи, при чемъ въ эту норму переведены и всѣ остальные продукты потребленія. Предполагая въ семьѣ взрослого мужчину-рабоуаго, жену и 2 неработающихъ подростковъ и принимая во вниманіе различіе пайковъ тѣхъ и другихъ (разчетъ относительнаго различія пайковъ сдѣланъ по Атуотеру въ предположеніи, что дѣвушка 14—16 лѣтъ и младшему члену семьи 6—10 лѣтъ), мы будемъ имѣть передъ собою семью, которая должна потребить 3 пайка. Замѣтимъ, что при такомъ предполагаемомъ составѣ семьи можетъ

работать только одинъ ея членъ, работа хозяйки имѣетъ дополнительный характеръ. Теперь высчитаемъ стоимость 3-хъ пайковъ пищевого довольствія, принимая вслѣдъ за г. Щербиной, что 36% пайка идутъ на животную пищу; 12% пайка, идущіе еще сверхъ того на овощи и другія приправы, мы, для упрощенія, примемъ по цѣнѣ ржи, т. е. предполагаемъ 36% на животную пищу и 64 на хлѣбную. Реальный размѣръ на паекъ мясного довольствія въ нынѣшней крестьянской семьѣ почти не поддается учету. Есть экономисты, какъ напр. г. Лохтинъ, которые опредѣляютъ потребление русскимъ крестьяниномъ мяса въ 0,04 фунта въ день, т. е. въ 10 разъ менѣе нѣмецкаго крестьянина. Но такой расчетъ является слишкомъ преуменьшеннымъ; слѣдуетъ брать не голодающаго человѣка, а извѣстнаго рода среднюю норму, хотя бы и бѣдную. Мы едва ли ошибемся, если пойдѣмъ за тѣми экономистами, которые средній паекъ потребления мясной пищи считаютъ въ $\frac{1}{4}$ фунта; во всякомъ случаѣ это будетъ значительно меньше мясного пайка, потребляемаго, напр., нѣмецкимъ крестьяниномъ (0,43 ф.). Дополнимъ нашъ расчетъ еще тѣмъ, что четверть мясного пайка мы переведемъ на сало и что московскую четверть хлѣба мы будемъ равной считать по вѣсу современной (проф. Ключевскій полагаетъ въ московской четверти $9\frac{1}{3}$ пуда ржи, предполагая лучшее качество зерна того времени, чѣмъ и объясняетъ разницу въ вѣсѣ нынѣшней четверти и XVII вѣка, но это предположеніе едва ли имѣетъ основаніе, и вообще округленіе здѣсь не дастъ большой ошибки), наконецъ, стоимость московской четверти опредѣлимъ въ $17\frac{1}{2}$ алт., что является весьма умѣренной цѣной. Указавъ весь ходъ нашихъ расчетовъ, мы теперь можемъ сказать, что, переведя всѣ три пайка на деньги, мы получимъ стоимость ихъ въ $93\frac{1}{4}$ алт., слѣдовательно, въ общемъ пищевое довольствіе мастерового при указанномъ минимальномъ размѣрѣ семьи и при указанномъ скромномъ пищевомъ довольствіи можно принять въ 100 алт. въ годъ. Такой расходъ необходимъ былъ при малой семьѣ и при пищевомъ режимѣ, къ которому долженъ прибѣгать современный крестьянинъ. Остатокъ бюджета въ 150 или даже въ 321 алтынъ является однако показателемъ того, что московскій рабочій въ общемъ могъ жить значительно лучше современнаго крестьянина. Рабочій, получавшій 10 денегъ въ день могъ считать себя вполне обеспеченнымъ. Надо имѣть въ виду, что многіе при этомъ имѣли собственные дворы и при нихъ огороды, хотя послѣдніе въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ для центра города, уже были рѣдкость. Указанный подсчетъ объясняетъ намъ и тотъ фактъ, что могли кое-какъ существовать и такіе рабочіе, которые получали только по 4 деньги, напр. рабочіе на государевомъ сафьянномъ заводѣ.

Въ общемъ выводъ, къ которому мы только что пришли, можно признать удовлетворительнымъ, т. е. что въ среднемъ московскій мастеровой могъ быть въ достаточной мѣрѣ обеспеченъ дневнымъ заработкомъ. Но мы взяли рядъ такихъ условій, которыя, судя по другимъ даннымъ, не являлись обычными. Такъ, мы принимали минимальный составъ семьи, минимальное пищевое довольствіе, принятое въ современномъ крестьянскомъ быту далеко не вслѣдствіе достаточности его нормы, наконецъ, мы приняли,

по всей вѣроятности, максимальное число рабочихъ дней. Въ дѣйствительности тотъ рядъ данныхъ, который сообщается иностранными путешественниками, далеко не характеризуетъ московскаго мастерового, какъ человѣка зажиточнаго: рабочіе живутъ на окраинахъ, въ курныхъ избахъ. Очевидно, былъ рядъ условій, неблагоприятно отзывавшихся на матеріальномъ положеніи рабочихъ. Къ такимъ условіямъ безспорно надо отнести дни безработицы и особенно пропой, къ которому такъ былъ склоненъ мастеровой. Затѣмъ важнымъ коэффиціентомъ матеріальнаго положенія мастерового былъ фактъ владѣнія имъ собственной избой или дворомъ. Избы мастеровыхъ не могли отличаться большими размѣрами, потому что на Москвѣ болѣе или менѣе приличная изба стоила довольно большихъ для рабочаго денегъ: рыночная цѣна ея равнялась 15—18 руб., хотя бывали и дешевле, доходъ до 6 руб., стоимость цѣлаго двора иногда равнялось 13 руб. Правда, все же большинство ремесленниковъ жило въ собственныхъ избахъ. Иногда они владѣли цѣлыми дворами, иногда только частями дворовъ, половиной, четвертью и даже восьмухой, т. е. цѣлый рядъ небольшихъ избенокъ заполняли собою тоже небольшого размѣра московское дворовое мѣсто. Приблизительно около $\frac{7}{8}$ ремесленниковъ жили въ своихъ избахъ и только $\frac{1}{7}$ жила въ наемныхъ избахъ или даже въ качествѣ угловыхъ жильцовъ.

Наемъ помѣщенія въ бюджетѣ ремесленника составлялъ весьма значительный расходъ, доходившій при алтынной поденной платѣ, почти до $\frac{1}{3}$ годового заработка и при болѣе повышенной платѣ — до $\frac{1}{2}$. Одинъ арендный контрактъ, относящійся къ самому концу XVII вѣка, рисуетъ намъ отношеніе между мастеровымъ, арендующимъ квартиру, и между домохозяиномъ. Портной мастеръ Соколовъ снялъ квартиру въ домѣ какой то старицы на территоріи Казенной слободы. Помѣщеніе состояло изъ подклѣта съ сѣнми и арендная плата за него была опредѣлена въ 48 алтынъ 4 деньги съ условіемъ полугодичной платы. Арендный контрактъ составленъ при обычныхъ условіяхъ того времени: 2 тяглеца Ново-Мѣщанской слободы явились передъ домовладѣлицей поручителями по портномъ мастерѣ, и сверхъ того онъ и поручители дали обязательство слѣдующаго рода: «живучи въ немъ, ему, Никитѣ, въ томъ подклѣтѣ виномъ и табакомъ не торговать, въ карты не играть и съ воровскими людьми не знатца и, отживъ, годъ тотъ подклѣтъ ссенми очистить и наемные деньги по срокамъ заплатить все сполна безубыточно; а будетъ онъ, Никита, за нашею порукою живучи, въ томъ подклѣтѣ учнетъ виномъ и табакомъ торговать, зернью и карты играть и съ воровскими людьми знатца или жить, годъ по срокамъ наемныхъ денегъ не заплатить, того подклѣта съ сенми не очистить и всему убытки доставить и ей старице Ульянѣ взять на насъ порутчикахъ и на немъ Никите, кто насъ будетъ въ лицахъ, тѣ свои наемные денги и съ убытки все сполна».

Неудивительно поэтому, что не всѣ мастеровые могли снимать помѣщеніе у домовладѣльца въ качествѣ сосѣдей, т. е. самостоятельное, отдѣльное помѣщеніе. Менѣе состоятельные оказывались въ положеніи подсосѣдниковъ, снимавшихъ часть помѣщенія у сосѣда, но нерѣдко бывали и

угловые жильцы въ нашемъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, населеніе рабочаго двора часто бывало довольно сложнымъ. Такъ, у тюремнаго сторожа Василя Рыкунова во дворѣ двѣ избы; въ одной живетъ онъ самъ и здѣсь же сосѣди и подсосѣдники: 3 сапожныхъ мастера костромича, иконникъ изъ Ярославля, а въ другой тюремный сторожъ Нестерка Сергеевъ. Въ домѣ дьякона Зачатьевской церкви живетъ серебряникъ, 2 костромича сапожныхъ мастера, истопникъ государственной столовой избы, да въ той же избѣ, въ особой горницѣ, дьяконъ изъ Мурома. 4—6 рабочихъ, живущихъ во дворѣ въ качествѣ сосѣдей и подсосѣдниковъ — весьма нерѣдкое явленіе. Такъ, во дворѣ торговаго человѣка сапожнаго ряда Якова Потапова живутъ въ особой избѣ: торговый человѣкъ сапожнаго ряда, тутъ же сторожъ церкви св. Василя Блаженнаго, у него же въ качествѣ сосѣда холщевникъ съ сыномъ, да въ той же избѣ жена торговаго человѣка ветошнаго ряду съ взрослымъ сыномъ, который ведетъ торгъ въ сапожномъ ряду. Въ углахъ жильцы иногда сбивались въ большомъ количествѣ. Такъ, въ домѣ попа церкви св. Спаса Нерукотвореннаго, что на Сѣняхъ, живутъ костромичи сапожные мастера въ числѣ 9-ти человѣкъ и т. д. Если принять во вниманіе крайне ограниченныя размѣры московскаго двора, равнымъ образомъ и избы, то легко себя представить, что положеніе московскаго рабочаго, по крайней мѣрѣ въ очень многихъ случаяхъ, было очень тяжелымъ: онъ имѣлъ плохое помѣщеніе, плохо питался и плохо одѣвался.

Такимъ образомъ въ средѣ московскихъ ремесленниковъ по всѣмъ признакамъ было достаточное количество бѣдности; кромѣ того, надо отмѣтить еще одно очень важное обстоятельство: при достаточной дешевизнѣ сѣстныхъ припасовъ бытъ мастерового, сравнительно съ бытомъ другихъ болѣе зажиточныхъ элементовъ населенія, долженъ былъ быть скромнымъ и неприхотливымъ уже въ силу дороговизны на московскомъ рынкѣ такихъ пищевыхъ продуктовъ, которые сколько нибудь улучшаютъ хлѣбное и частью скромное мясное довольствіе, или предметовъ одѣянія. Для того, чтобы подтвердить сказанное, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, курица на рынкѣ составляла дневной заработокъ рабочаго, за окорокъ ветчины рабочій долженъ былъ бы работать 4—5 дней, но свинину и поросенка онъ могъ иногда покупать, потому что гнѣздо поросятъ стоило 5—6 рабочихъ дней, а фунтъ свинины — по одной съ четвертью денги. Пшеницы рабочій не могъ употреблять въ пищу при цѣнѣ ея въ 288 денегъ за четверть, хотя иногда цѣна ея падала и до 186 денегъ за четверть. Въ постные дни рабочій могъ употреблять мелкую рыбу, потому что цѣлую четверть осташковскихъ снятковъ онъ могъ купить на московскомъ рынкѣ за 6 алт. 3 деньги, но деревянное масло къ постной пищѣ рабочій могъ употреблять только изрѣдка, потому что за фунтъ его онъ долженъ былъ бы заплатить 2—3 рабочими днями. Въ одеждѣ рабочій долженъ былъ быть очень скромнымъ, или семья рабочаго должна была большую часть одежды производить домашнимъ способомъ, потому что на московскомъ рынкѣ простая рубашка стоила 6 алт. 3 ден., а портки — 2 алт. 3 ден.; такая цѣна частей одежды вполне понятна, потому что въ то же время аршинъ холста стоилъ

1 алт. 2 ден., а аршинъ крашенины—отъ 1 алт. до 2 алт. 4 ден. Нечего и говорить, что такую роскошь, какъ кумашные штаны, рабочій не могъ носить, потому что на покупку ихъ на рынкѣ онъ долженъ былъ бы затратить 5—6 дней работы. Рабочій, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ не носилъ и сапоговъ, потому что сапоги изъ бараньей кожи составляли недѣльный заработокъ, а готовый сарафанъ изъ крашенины стоилъ 13 алт. 2 деньги.

Такимъ образомъ, если ремесленникъ былъ обеспеченъ пищевымъ довольствіемъ и вѣроятно, сравнительно лучше, нежели современные крестьяне, то обстановка его жизни во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не могла отличаться довольствомъ и изобиліемъ. Но кромѣ того, у насъ имѣются еще данныя, характеризующія бытъ ремесленниковъ въ болѣе широкомъ масштабѣ: это размѣры сбора пятинныхъ денегъ, собиравшихся въ 1634 году. Намъ уже приходилось говорить объ этомъ источникѣ и указывать на его топографическую неполноту. Это однако нисколько не препятствуетъ тому, что этотъ источникъ даетъ прекрасное понятіе о матеріальномъ положеніи московскихъ сотенныхъ и слободскихъ тяглецовъ: въ общемъ мы имѣемъ до 2000 наблюдений, т. е. единичныхъ фактовъ—численность, вполне достаточное, принимая во вниманіе тогдашнее соотношеніе всего населенія Москвы къ данной цифрѣ. Специально для ремесленниковъ, для характеристики ихъ матеріальнаго положенія, имѣется 1012 показанія, т. е. опять-таки очень солидный фактической матеріалъ, которымъ удовлетворенъ можетъ быть статистикъ и по отношенію и современности.

Мы не будемъ входить въ подробности по вопросу о томъ, для чего и при какихъ условіяхъ собиралась эта пятинная денга. Отмѣтимъ только что значеніе пятиннаго сбора мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ признаетъ это новѣйшій изслѣдователь вопроса г. Веселовскій.

Именно, если принять мнѣніе этого ученаго, то подъ сборомъ пятинной денги надо разумѣть налогъ на наличную движимость. Это значитъ, что налогъ падалъ на наличныеivotы, торги и промыслы. Такимъ образомъ, если налогъ опредѣляется окладчиками въ рубль, то наличное состояніе капитала, затрачиваемаго на промыслы и торги даннаго лица, опредѣлялось въ 5 руб. Тутъ можетъ быть еще вопросъ, насколько велика была возможность уклониться отъ дачи показаній. Разумѣется, известное количество уклоненій всегда надо предполагать при сборѣ экстраординарныхъ налоговъ, но надо помнить, что окладчики для сбора этой пятинны избирались самими мірскими людьми, и кромѣ того, надо предполагать обычную для этихъ сборовъ, въ ихъ развитомъ состояніи, репартиціонную систему раскладки, при которой уклоненіе однихъ плательщиковъ угрожало бы увеличеніемъ сбора съ другихъ. Окладчики пятинны 142 года очень часто указываютъ на то, что ими опредѣлено именно количествоivotовъ плательщика; облагая промыслы, они иногда указываютъ на то, что занимающійся ремесломъ и промысломъ человекъ обложенъ вмѣстѣ съ лавкою, хотя возможны и опущенія послѣдней прибавки; поэтому при относительно высокомъ налогѣ не всегда можно точно опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ обложеніемъ только одного промысла, или промысла вмѣстѣ

съ мѣстомъ продажи—лавкой. Разумѣется, для минимальныхъ нормъ обложенія предположеніе о лавкѣ отпадаетъ. Далѣе, сотенные тяглецы облагались только въ своихъ сотняхъ, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяглецъ, принадлежавшій къ извѣстной сотнѣ и слободѣ, былъ обложенъ по мѣсту своего промысла въ другой слободѣ, то это обстоятельство отмѣчалось окладчиками. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ было принимаемо во вниманіе все состояніе животовъ и промысловъ даннаго лица.

Мы будемъ разсматривать результаты нашихъ наблюденій прежде всего въ общихъ чертахъ, сравнивая положеніе ремесленника и неремесленнаго тяглеца. И среди послѣдняго элемента есть не мало бѣднаго люда, но все же относительно меньше, нежели среди ремесленнаго класса. При этомъ посадскіе захребетники представляютъ собою самый бѣдный классъ московскаго населенія, хотя и тутъ ремесленный элементъ ихъ бѣднѣе неремесленнаго. Крестьяне такого крупнаго частнаго собственника, какимъ былъ московскій патріархъ, жившіе въ Москвѣ въ количествѣ почти 400 человѣкъ (391), являются элементомъ все-таки болѣе состоятельнымъ, чѣмъ захребетники, и вообще по своимъ животамъ и промысламъ не уступаютъ свободнымъ посадскимъ тяглецамъ. Въ самомъ дѣлѣ, $\frac{2}{3}$ захребетниковъ внесли въ казну пятинный сборъ въ размѣрѣ менѣе полурубля, т. е. животы и промыслы ихъ были оцѣнены менѣе 2 съ половиною рублей, а 0,82 ремесленныхъ захребетниковъ уплатили пятинный сборъ въ размѣрѣ отъ полурубля до рубля. Между тѣмъ, ремесленники изъ числа посадскихъ тяглецовъ уплатили пятинный сборъ въ размѣрѣ до одного руб. въ числѣ около $\frac{1}{3}$ всѣхъ посадскихъ ремесленниковъ; въ размѣрѣ отъ 1 до 2 руб. уплатила сборъ $\frac{1}{4}$ всѣхъ посадскихъ ремесленниковъ и $\frac{1}{7}$ ихъ уплатила отъ 2 до 3 руб. Патріаршіе ремесленники въ количествѣ 0,41 всѣхъ патріаршихъ ремесленниковъ уплатили пятинный сборъ въ размѣрѣ до 1 руб., а изъ неремесленниковъ тотъ же сборъ уплатила $\frac{1}{4}$ патріаршихъ крестьянъ. Какъ бы ни понимать расцѣнку тогдашняго рубля, но во всякомъ случаѣ ясно, что имущественное положеніе огромнаго большинства ремесленниковъ было весьма невысоко. Напомнимъ, что, высчитывая цѣнность рубля въ первую половину XVII вѣка, проф. Ключевскій пришелъ къ заключенію, что тогдашній рубль долженъ былъ стоить нѣсколько болѣе 14 рублей по курсу 1882 г.

Но кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что даже ремесленники изъ числа посадскихъ въ количествѣ 468 изъ 621 уплатили пятинную деньгу въ размѣрѣ до 3 р. и только остальная часть ихъ, т. е. всего 153 человѣка уплатили сбору болѣе 3 руб. Но притомъ животы и промыслы только двоихъ были оцѣнены въ 100 руб., одного въ 76 р., 4-хъ въ 60 руб., троихъ въ 50 руб. и т. д., однимъ словомъ отъ 20 руб. платили единицы и только между 3-мя и 20-ю руб. платятъ десятки ремесленниковъ. Очевидно, слѣдовательно, сборщики имѣли въ виду только небольшое количество мастерскихъ съ болѣе значительнымъ промысломъ. Что касается захребетниковъ, то можно сказать, что ихъ животы и промыслы по оцѣнкѣ доходили только до 10 руб., потому что изъ 158 захребетниковъ только 7 чел. изъ числа ремесленниковъ уплатили болѣе 2 руб. налогу, остальные до 2 руб.

Всѣ эти наблюденія мы сейчасъ представляемъ въ одной сводной таблицѣ; она представляетъ всѣ данныя въ слѣдующемъ видѣ.

	Платежъ неизв.														
	До 1/2 руб.	До 1 руб.	Отъ 1 до 2 р.	Отъ 2 до 3 р.	Отъ 3 до 4 р.	Отъ 4 до 5 р.	Отъ 5 до 7 р.	Отъ 7 до 10 р.	Отъ 10 до 15 р.	Отъ 15 до 20 р.	20 р. и болѣе до 100 р.	100 р. и болѣе до 250 р.	Всего.		
Ремесленники:															
посадскіе	5	201	167	100	29	29	27	10	23	1	32	2	626		
захребетники	1	103	28	19	4	1	—	1	1	—	—	—	158		
патріаршіе крестьяне	3	65	34	46	35	15	10	5	7	—	3	—	238		
Итого	9	431	232	139	45	39	43	16	30	1	35	2	1022		
Не ремесленники:															
посадскіе	6	118	129	91	50	49	47	19	31	7	49	7	603		
захребетники	3	71	16	34	15	3	3	2	—	1	—	1	149		
патріаршіе крестьяне	—	37	31	24	12	7	16	—	10	1	14	1	153		
Итого	9	242	194	130	65	59	65	19	42	8	64	8	905		
Всѣхъ	18	673	426	269	110	98	108	35	72	9	99	10	1927		

Простое количественное указаніе на размѣръ налога, равнымъ образомъ какъ и на размѣръ животовъ и промысловъ, еще мало говоритъ объ имущественномъ положеніи изслѣдуемыхъ единицъ. Наши цифры будутъ болѣе жизненными, если намъ удастся найти мѣрило того времени, опредѣляющее среднюю зажиточность различныхъ элементовъ общества. Разумѣется, это очень трудно сдѣлать, принимая во вниманіе состояніе нашихъ источниковъ. Но можно указать на слѣдующее. Когда собиралась первая пятинная деньга въ XVII вѣкѣ, то московское правительство даже не нашло возможнымъ облагать запросными деньгами ту категорію плательщиковъ, животы и промыслы которыхъ были оцѣнены менѣе чѣмъ въ 10 руб. Это уже были люди худые, бѣдные. Такимъ образомъ былъ установленъ извѣстнаго рода *existenzminimum*. При послѣдующихъ пятинахъ, однако, этотъ *existenzminimum* не былъ принимаемъ во вниманіе, почему, какъ и въ пятинѣ 1634 года, обложенію подлежали самыя незначительныя животы и промыслы. Такимъ образомъ, по московскимъ понятіямъ бѣдность начиналась за предѣлами наличнаго имущества и промысла въ суммѣ отъ 10 руб. къ минусу. Если принять переводъ тогдашняго рубля, т. е. I-й половины XVII столѣтія, какъ это до сихъ поръ обычно примѣняется, на деньги 1882 года, то бѣднымъ назывался тотъ, кто имѣлъ животовъ и промысловъ на сумму менѣе 140 рублей. На посадахъ люди посадскіе раздѣлялись на молодыхъ, середнихъ и лучшихъ людей. Разумѣется, это раздѣленіе весьма относительно для разныхъ городовъ, но, по видимому, въ числѣ молодыхъ людей считался тотъ, кто облагался пятиннымъ сборомъ въ предѣлахъ отъ 1 до 8 рублей. Очевидно, выше уже

шла градація среднихъ людей, а большими торговыми оборотами уже считались въ предѣлахъ отъ 50 руб. и выше. Это даетъ намъ уже извѣстнаго рода мѣрку для опредѣленія нормы зажиточности по взглядамъ тогдашнихъ людей.

При такихъ условіяхъ оказывается, что ремесленники, вообще говоря, бѣднѣ неремесленныхъ элементовъ столицы.

Что касается соотношеній между посадскими ремесленниками и ихъ захребетниками, то оказывается, что только около 0,33 захребетниковъ уплачиваетъ болѣе 1 руб. налога, при чемъ и изъ этого числа почти всѣ они приходятся на платежъ отъ 1 руб. до 3 руб. Изъ этого очевидно тяжелое состояніе бѣдности этой группы жителей. Соотношенія группы посадскихъ ремесленниковъ легко выясняются слѣдующимъ образомъ. Если взять налогъ въ 2—3 руб. за единицу, то до 1 руб. уплачиваютъ 2 единицы, отъ 1 — до 2 руб. — 1,7; дальнѣйшее соотношеніе идетъ такъ: отъ 3 до 4 р. уплачиваютъ 0,3, столько же имѣется плательщиковъ налога отъ 4 до 5 руб., 0,37 платитъ отъ 5 до 10 руб. и 0,2 же уплачиваетъ отъ 10 до 15 руб., остальные уплачиваютъ болѣе 15 руб. и платежъ доходитъ до ста руб.

* * *

Наибольшій интересъ для насъ имѣетъ однако распредѣленіе животныхъ и промысловъ по различнымъ профессіямъ. Оказывается, что самой бѣдной ремесленной профессіей въ Москвѣ были портные мастера: каждый портной мастеръ въ среднемъ уплатилъ налога по $\frac{2}{3}$ руб. Только такой элементъ, какъ наемные ярыги, извозчики, пильщики и т. д. въ среднемъ приближаются къ портнымъ мастерамъ по всей состоятельности, потому что каждый изъ нихъ уплатилъ налогу по 15 алт. 4 ден. Далѣе, рукавишники, сапожники, плотники и хлѣбники представляютъ также собою профессіи наиболѣе бѣдныя, потому что каждый рукавишникъ уплатилъ всего-навсего по одному руб., сапожникъ по 1 руб. съ четвертью, плотникъ—почти столько же и хлѣбникъ—по полтора рубля. Скорняки платили немного болѣе 2 руб., а шубники—немного менѣе 3 руб.; въ послѣднемъ размѣрѣ уплатили налогъ и кожевники, квасники, прянишники и пирожники, по $3\frac{1}{2}$ руб. уплатили разнаго рода рабочіе, примѣнявшіе свой трудъ къ издѣліямъ изъ дерева. Выше ихъ по имущественной состоятельности стояли шапошники (уплатили въ среднемъ почти по 4 р.), специалисты портняжнаго дѣла, какъ сермяжники, покровщики и проч. ($4\frac{1}{2}$ руб.), наконецъ, далѣе поднимаются такія спеціальности, какъ овчинники и прочіе специалисты въ кожевенномъ дѣлѣ (платили по 6 съ полов. руб.), кузнецы и вообще представители желѣзо-дѣлательнаго промысла въ среднемъ платили отъ 6 до 7 р. Наиболѣе состоятельнымъ элементомъ оказываются серебряники, изъ которыхъ каждый въ среднемъ уплатилъ налогу по 18 руб. и дегтяри, изъ которыхъ одинъ уплатилъ налогу 100 руб. Вообще единичные случаи мастерскихъ болѣе или менѣе крупнаго масштаба (считаемъ такимъ масштабомъ болѣе или менѣе предположительно, впрочемъ, сборъ пятинны въ размѣрѣ болѣе 30 руб., т. е. опредѣленіе животныхъ и промысловъ въ размѣрѣ болѣе полутора ста тогдашнихъ рублей, т. е. приблизи-

тельно капиталъ на наши деньги въ суммѣ болѣе 3250 руб.) встрѣчаются въ шапочномъ ремеслѣ, холщевномъ дѣлѣ, въ кожевенномъ, въ кузнечномъ (9 мастерскихъ во всѣхъ видахъ ремесла), въ серебряномъ дѣлѣ (3 мастерскихъ), въ красильномъ, дегтярномъ и мучномъ. Это уже болѣе или менѣе крупныя предпріятія, которыя можно приравнять къ современнымъ заводамъ и фабрикамъ. Эти предпріятія могли работать только при участіи извѣстнаго контингента рабочихъ, хотя разумѣется, какъ мы видѣли, наемные рабочіе или захребетники примѣнялись и въ мастерскихъ менѣе крупнаго масштаба.

Но нѣкоторые промыслы не только не доходили даже въ отдѣльныхъ случаяхъ до указаннаго размѣра, и вообще представляли собою бѣдныя мастерскія. Такъ, наибольшій сборъ съ портныхъ не доходилъ до 3 руб., такъ же какъ и съ тѣхъ, которые занимались извознымъ промысломъ или наймомъ на работы; въ такомъ же положеніи были рукавишники; у хлѣбниковъ сборъ не поднимался выше 5 р., у сапожниковъ—выше 7 р.; выше 10 р. онъ подымался только у шапочниковъ, скорняковъ, кузнецовъ и въ др. аналогичныхъ профессіяхъ, серебряниковъ, квасниковъ, даже у плотниковъ. Вообще же, число этихъ лицъ не велико.

До сихъ поръ мы говорили о ремесленникахъ изъ числа посадскихъ тягловъ. Среди патріаршихъ крестьянъ наиболѣе крупныя мастерскія (по 80 руб. пятиннаго сбора) встрѣчаются въ котельномъ дѣлѣ, овчинномъ и скорняжномъ. Затѣмъ, какъ и среди посадскихъ тягловъ, сборъ пятины въ размѣрѣ отъ 3 руб., до 14 руб. (большого сбора, кромѣ трехъ случаевъ сбора по 80 р. не встрѣчается) представляетъ собою уже единичныя явленія, и слѣдовательно вся масса ремесленнаго люда этой категоріи жителей уплатила налогъ въ размѣрѣ до 3 руб. Что касается посадскихъ захребетниковъ, то самыми бѣдными въ ихъ средѣ профессіями, т. е. такими, которыя уплатили налогъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ размѣрѣ всего-на-всего до полурубля, были: рабочіе деревянныхъ промысловъ (14 изъ 15), въ кожевенномъ дѣлѣ (9 изъ 13), въ портняжномъ дѣлѣ (5 изъ 8), извозчики и наемные рабочіе (15 изъ 25), кузнецы (17 изъ 24) и проч. Наиболѣе крупный размѣръ сбора пятины (8 руб.) уплаченъ однимъ квасникомъ, болѣе 3 руб. тоже уплачено однимъ квасникомъ. Однимъ словомъ, распределеніе пятиннаго сбора по профессіямъ среди захребетниковъ вполне соотвѣтствуетъ той общей характеристикѣ, которую можно вывести изъ изученія общихъ данныхъ.

Дѣйствительно, въ общемъ каждый захребетникъ уплачивалъ пятинный сборъ въ среднемъ въ размѣрѣ $18\frac{1}{2}$ алтынъ, но по отдѣльнымъ профессіямъ этотъ сборъ значительно падалъ. Въ самомъ дѣлѣ только немногія профессіи изъ числа захребетниковъ уплатили пятинный сборъ въ размѣрѣ въ среднемъ около 1-го рубля съ cadaго плательщика. Такими были: холщевники, красильники и мыльники, скорняки, серебряники и алмазники. Всѣ остальные значительно меньше рубля. Такъ, портные платили въ среднемъ по 15 алтынъ, рукавишники только по 3 алтына и 3 деньги, мѣдники по 11 алт. 2 деньги, плотники по 10 алт. 2 д., рабочіе въ деревянномъ дѣлѣ по 9 алт. 1 д. Очень много отдѣльныхъ случаевъ можно указать взноса пятой деньги въ размѣрѣ 3 алт. 3 ден. и т. д.

Разработанныя выше данныя представляют собою весьма важный материалъ для характеристики ремесленного и частью вообще торгово-промышленнаго класса Москвы первой половины XVII вѣка. Эти данныя рисуютъ намъ большой городъ съ широко-развитою торговлею и ремесленнымъ производствомъ, переходящимъ частью въ фабрично-заводское. Низы этого города и частью срединный его элементъ представляют собою довольно мало обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи классъ. Несмотря на удовлетворительную, въ соотвѣтствіи со стоимостью первичныхъ продуктовъ потребленія, рабочую плату нельзя не замѣтить, что въ общемъ столица скопила въ нѣдрахъ своихъ весьма численное, но экономически слабое, бѣдное достаткомъ и капиталомъ ремесленное и частью торговое населеніе. Въ самомъ дѣлѣ, и неремесленные тяглецы, наполнявшіе московскія сотни и слободы, какъ мы только что видѣли, въ среднемъ не являются зажиточнымъ элементомъ, а эти тяглецы и представляли собою часть торговаго населенія столицы, занимавшагося очевидно мелкимъ торгомъ и промыслами. Надо однако замѣтить, что въ нашемъ распоряженіи, къ сожалѣнію, весьма неполный матеріаль, именно такой матеріаль, который преимущественно характеризуетъ окраинное населеніе столицы и только часть болѣе центральной ея мѣстности. Для учета экономического положенія ремесленного класса нашъ матеріаль является вполне удовлетворительнымъ по количеству наблюдений, которыя онъ собою представляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, такія слободы, какъ Ново-Алексѣевская, Екатерининская, Голутвенная, Воронцовская, Ново-Заяузская, описаніемъ которыхъ мы выше пользовались, представляли собою уже окраины Москвы. Другія слободы и сотни, матеріаломъ которыхъ мы также располагали, какъ Срѣтенская, Мясницкая, Покровская, Ордынская, Кожевницкая, Новгородская, Устюжская и Кузнецкая, уже представляют собою такія части Москвы, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивалось болѣе или менѣе среднее по своему матеріальному положенію торгово-промышленное населеніе. Этотъ характеръ названныхъ слободъ и сотенъ необходимо имѣть въ виду. Но кромѣ того, принявъ во вниманіе высказанныя замѣчанія, мы можемъ еще использовать нашъ матеріаль для характеристики экономической мощи московскаго двора указаннаго типа. Прежде всего замѣтимъ, что когда рѣчь идетъ о дворѣ московскаго времени, то необходимо сдѣлать оговорку о его населенности. Мы уже знаемъ, что наемъ помѣщенія былъ довольно обычнымъ явленіемъ въ тогдашней Москвѣ. Но еще болѣе обычнымъ явленіемъ было устройство особыхъ избъ во дворѣ дворовладѣльца. Такимъ образомъ различаются дворы и дворовыя мѣста. Въ изучаемое время количество дворовыхъ мѣстъ въ Москвѣ было почти вдвое больше числа дворовъ. Это значитъ, что, въ среднемъ, въ каждомъ дворѣ помѣщалось двѣ избы самостоятельныхъ хозяйствъ. Принявъ къ свѣдѣнію эти замѣчанія, мы теперь можемъ привести данныя, характеризующія среднюю экономическую мощь какъ двора, такъ и двороваго мѣста на основаніи сбора пятинныхъ денегъ 1634 года. Мы расположимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ наши данныя, начиная съ средняго максимума, по дворовымъ мѣстамъ, потому что дворовое мѣсто, т. е. отдѣльное хо-

зяйство является болѣе мелкой единицей сравнительно съ дворомъ. Получаемъ слѣдующія данныя:

	Средній налогъ	
	въ рубляхъ:	
	съ двороваго мѣста.	съ двора.
Кожевницкая полусотня	9,5	12,6
Срѣтенская сотня	5,8	10,6
Кузнецкая слобода	5,25	7,2
Голутвенная слобода	4,8	4,6
Новгородская сотня	4,2	9,9
Ново-Заяузская слобода	3,8	7,5
Покровская сотня	3,56	6,0
Мясницкая полусотня	2,82	3,8
Ордынская сотня	2,8	4,6
Устюжская сотня	2,45	6,0
Екатерининская слобода	2,2	6,7
Ново-Алексѣевская слобода	1,5	3,0
Ново-Никитская слобода	0,63	2,2
Воронцовская слобода	0,2	0,45

Итакъ, наибольшій средній платежъ на дворовое мѣсто и на дворъ приходится на Кожевницкую и Срѣтенскую сотни: въ первой каждый дворъ по животамъ и промысламъ своимъ въ среднемъ былъ принимаемъ въ 63 руб., а во второй—въ 53 руб. Это значитъ, что каждое дворовое хозяйство обладало капиталомъ около 1000 современныхъ рублей, а каждое отдѣльное хозяйство, дворовое мѣсто,—капиталомъ въ 500 или 900 руб. Низшій размѣръ падаетъ на тяглецовъ Воронцовской, Ново-Никитской слободы и Ново-Алексѣевской; особенно бѣдность тѣснилась въ первой. Еще бѣднѣе была Воронцовская слобода, гдѣ средній налогъ двороваго мѣста равнялся всего 0,2 руб. Всѣ слободы, вмѣстѣ взятыя, въ среднемъ съ двора платили 6,67 руб., а съ двороваго мѣста—3,49 руб.

Мы уже подчеркнули то обстоятельство, что указанные данныя относятся къ такимъ сотнямъ, гдѣ было мало богатыхъ тяглецовъ, и даже болѣе того, гдѣ преобладалъ бѣдный тяглець, или по крайней мѣрѣ срединный. Нельзя не пожалѣть, что, пока не удалось найти данныхъ, характеризующихъ экономическую мощь болѣе состоятельныхъ сотенъ, особенно Кадашевской и Садовничей. Между тѣмъ по всѣмъ даннымъ видно, что именно въ этихъ сотняхъ сосредоточивался наиболѣе состоятельный торговый и промышленный классъ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ бо тяглецовъ Конюшенной овчинной слободы, занимавшіеся торгомъ и промысломъ въ кожевенномъ дѣлѣ, которое, какъ мы видѣли, вообще было въ числѣ экономически мощныхъ отраслей промышленности, заплатили въ 1663 году пятиннаго сбора 746 руб., при чемъ половина изъ числа плательщиковъ уплачивала менѣе 10 руб., въ среднемъ около 3 руб. каждый, изъ остальной половины болѣе состоятельныхъ каждый уплатилъ пятиннаго налога около 21 съ четвертью рубля. Слѣдовательно, въ общемъ уже населеніе Конюшенной овчинной слободы оказывается въ среднемъ зажиточнѣе населенія тѣхъ слободъ, данныя которыхъ мы имѣемъ по сбору пятины 1634 года. Мало того, мы можемъ привести и голую цифру пятиннаго сбора 1634 года, взятаго на тяглецахъ Садовничей слободы,—

именно окладъ ея былъ въ 3511 руб. 26 алт. Однимъ словомъ, это указываетъ намъ на то, что при бѣдности московскихъ низовъ и даже при маломъ достаткѣ срединнаго тяглеца, надъ уровнемъ этихъ элементовъ подымались весьма состоятельные верхи тогдашняго торгово-промышленнаго класса, капиталисты въ собственномъ смыслѣ слова. Достаточно сказать, что обычно весьма немногочисленная суконная сотня въ 1634 году уплатила окладъ пятинной деньги 6437 р. 13 ал. 2 д., что составляетъ почти $\frac{3}{4}$ того оклада, который уплатили тогда же всѣ 14 сотенъ и слободъ, свѣдѣнія о которыхъ мы выше приводили. Такимъ образомъ, почти 2 $\frac{1}{2}$ тысячи дворовыхъ мѣстъ, т. е. отдѣльныхъ хозяйствъ этихъ слободъ и сотенъ уплатили почти столько же, сколько уплатило нѣсколько десятковъ торговыхъ людей суконной сотни (вообще «полныхъ» членовъ суконной сотни даже и въ 1649 году насчитывалось всего 42 человекъ, остальные были въ числѣ обнищавшихъ, а для 1634 года едва ли можно предполагать число членовъ суконной сотни болѣе 40 человекъ). Разумѣется, по размѣрамъ капитала членовъ гостинной и суконной сотенъ въ сильной мѣрѣ превосходили гости, капиталъ которыхъ, по утверженію Котошихина, простирался отъ 20 до 100 тысячъ тогдашнихъ рублей. Это уже миллионеры въ нашемъ смыслѣ слова. Очевидно, основа торговой жизни Москвы сосредоточивалась въ рукахъ уже относительно небольшой группы капиталистовъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что Москва занимала доминирующее положеніе въ торговлѣ, притягивала къ себѣ всѣ экономическіе интересы огромной страны и управляла этими интересами.

I. Таблица распредѣленія неремеслен. населенія по платежу пятинныхъ денегъ 1634 года *).

		на з в а н і е с л о б о д ѣ и с о т е н ѣ .																	
Размѣръ налога.		Воронцов.	Голуевен.	Ново-Никитг.	Ново-Алекс.	Екатерин.	Новгород.	Ново-Заяуз.	Покровск.	Ордынская.	Мясницкая.	Кожевниц.	Срѣтенск.	Хамовная.	Калашевск.	Итого.	Патріаршіе крестьяне.		
Т	я	До 1 руб.	14	12	1	14	14	3	4	10	19	4	14	9	—	—	118	37	
		Отъ 1 до 2 руб.	3	6	1	3	9	5	18	11	20	16	23	14	—	—	129	31	
		Отъ 2 до 3 руб.	2	1	3	6	3	4	7	8	22	9	19	7	—	—	91	24	
		Отъ 3 до 4 руб.	—	4	—	2	—	1	7	8	7	1	13	7	—	—	50	12	
		Отъ 4 до 5 руб.	—	1	—	5	1	1	4	5	5	1	16	10	—	—	49	7	
		Отъ 5 до 7 руб.	—	2	—	5	4	1	2	5	6	1	16	5	—	—	47	16	
		Отъ 7 до 10 руб.	—	2	—	1	1	—	1	1	1	—	9	3	—	—	19	—	
		Отъ 10 до 15 руб.	—	—	1	—	—	1	6	3	5	1	7	7	—	—	31	10	
		Отъ 15 до 20 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	3	—	—	—	7	—	
		Отъ 20 руб.	—	1	—	2	—	3	4	2	3	—	2	3	—	—	20	3	
		24 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	
		26 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
		30 руб.	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	2	—	—	5	—	
		36 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	
		40 руб.	—	1	—	1	—	2	—	—	1	1	—	2	—	—	8	1	
		45 руб.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	
		50 руб.	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	3	—	—	—	5	3	
60 руб.	—	—	—	—	1	1	—	—	1	1	—	2	—	—	6	2			
80 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	2	2			
100 руб.	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	3	—	—	6	1			
200 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2		
250 руб.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—		
Неизв. плат.	—	—	—	—	—	2	1	1	—	1	—	1	—	—	—	6	—		
		19	32	6	40	34	24	55	57	93	40	125	71	—	—	603	163		

*) Матеріалъ для составленія настоящихъ таблицъ обязательно доставленъ мнѣ моими уважаемыми учениками П. П. Смирновымъ и Е. Д. Стешевскимъ, которымъ мнѣ пріятно здѣсь засви-

на з в а н і е с л о б о д ѣ и с о т е н ь .

Размѣръ налога.	на з в а н і е с л о б о д ѣ и с о т е н ь .													Итого.	Пагріаршіе крестьяне.	
	Воронцов.	Голутвин.	Ново-Никит.	Ново-Алекс.	Екатерин.	Новгород.	Ново-Залув.	Покровск.	Ордынская.	Мясницкая.	Кожевницк.	Срѣтенск.	Хамовная.			Кадшевск.
Захребетники. { До 1/2 руб.	—	5	—	5	—	8	3	7	10	4	16	4	9	—	71	—
{ До 1 руб.	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
{ Отъ 1 до 2 руб.	—	1	—	5	—	3	—	2	3	—	5	1	10	—	34	—
{ Отъ 2 до 3 руб.	—	—	—	3	—	1	—	2	1	—	1	1	4	—	15	—
{ Отъ 3 до 4 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	—
{ Отъ 4 до 5 руб.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—
{ Отъ 5 до 7 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
{ Отъ 10 до 15 руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
{ 20 руб.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
{ Незав. плат.	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	3	—
	—	7	—	13	4	13	8	12	15	7	27	9	29	4	150	—

II. Таблица распредѣленія посадскихъ ремесленниковъ по размѣру взносовъ пятинной денги 1634 года.

Нѣкоторыя однородныя ремесла соединены въ одну строку, при чемъ при названіи этихъ ремеселъ въ скобкахъ поставлены цифры, обозначающія количество ремесленниковъ данной профессіи.

	Неизв. плата.											Итого число лицъ.					
	До 1 руб.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 4 р. до 5 р.	Отъ 5 р. до 7 р.	Отъ 7 р. до 10 р.	Отъ 10 р. до 15 р.	Отъ 15 р. до 20 р.	20 руб.	30 руб.		40 руб.	50 руб.	60 руб.	76 руб.	100 руб.
Портные	1	7	6	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Сермяжники (2), подкладники (1), покровщики (1), монатейщики (1), кафтанники (6), завязочники (3), сарафанники (1), штанники (1)	—	3	5	3	1	1	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	16
Шапочники	1	4	4	4	2	—	3	2	1	—	—	—	1	—	—	—	22
Рукавишники	—	6	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Холщевники (11), шелковн. (2)	—	3	4	—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	1	—	—	13
Шубники (17), пушники (1)	—	3	5	4	2	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	18
Скорняки	—	4	4	4	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	14
Кожевники	—	2	1	1	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Сыромятники (1), овчинники (10), стригальники (2), гладильщики (6), уздники (3), сырейщики (4), сѣдельники (3)	—	5	7	7	5	3	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	29
Сапожники	—	27	23	10	3	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	68
Кузнецы	—	24	16	23	3	2	4	—	4	—	5	1	—	3	1	—	87
Самопальные мастера (ствольники, станочники и замочники)	—	65	10	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	78
Мѣдники (5), тазники (1), пуговичники (3), желѣзники (3), замочники (1), игольники (1), шильники (1), котельники (6)	2	4	6	1	2	2	—	—	2	—	—	1	—	1	—	—	21
Серебряники	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	2	1	1	—	1	—	9
Ожерелейники	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

дѣлать искреннюю признательность. Матеріаль о пятинѣ 142 г. хранится въ Моск. Дворц. Архивѣ. При своихъ личныхъ занятіяхъ для настоящей работы я встрѣтилъ въ высшей степени предупредительное отношеніе со стороны управляющаго архивомъ Л. М. Савѣлова и его помощниковъ Ф. А. Брауна и А. И. Успенскаго, которымъ считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность.

	Неизв. плата.												Итого число лиц.					
	До 1 руб.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 4 р. до 5 р.	Отъ 5 р. до 7 р.	Отъ 7 р. до 10 р.	Отъ 10 р. до 15 р.	Отъ 15 р. до 20 р.	20 руб.	30 руб.	40 руб.		50 руб.	60 руб.	76 руб.	100 руб.	
Зелейщики (3), красильщики (6), мыльщики (7), бѣдильщики (4), свѣшники (7)	1	1	10	6	1	2	1	—	3	—	1	—	—	1	—	—	27	
Стекольщики (1), зеркальщики (2)	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3	
Гончары (3), печники (3), горшечники (1)	—	2	3	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7	
Дегтяри	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	
Плотники	—	16	14	5	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	39	
Деревщики (1), колесники (2), коробейники (2), лучники (1), лѣсники (3), клѣтчики (1), оконшники (2), обручники (1), судники (1), бочарники (4), болванники (1)	—	4	3	5	—	2	3	—	1	—	1	—	—	—	—	—	19	
Иконники (1), крестешники (3)	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4	
Квасники и сусленники	—	4	12	3	2	1	1	—	6	—	—	—	—	—	—	—	29	
Хлѣбники	—	2	6	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	
Колачники	—	2	3	3	4	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	17	
Пряжильщики и пирожники	—	2	6	7	2	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	19	
Блинники, крупеники, житники (10), харчевники, сытники (5)	—	—	6	2	—	3	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	15	
Пивовары, медовщики	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	4	
Извозчики (8), ярыжники (2), пастухи (5), водоливы (1), пильщики (1)	—	7	8	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	
Итого	5	201	167	100	29	29	27	10	23	1	15	5	4	3	4	1	2	626

III. Таблица ремесленниковъ-захребетниковъ и патриаршихъ крестьянъ по размѣру взносовъ пятинной деньги 142 года.

При наименованіи каждого ремесла поставлены цифры: первая цифра обозначаетъ количество ремесленниковъ данной категоріи изъ числа посадскихъ захребетниковъ, вторая цифра — то же количество изъ числа патриаршихъ крестьянъ; отсутствующая цифра обозначаетъ —.

	Патриаршіе крестьяне.										Посадскіе захребтники.													
	Неизв. платеж.	До 1/2 руб.	Отъ 1/2 р. до 1 р.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 4 р. до 5 р.	Отъ 5 р. до 6 р.	8 руб.	10 руб.	12 руб.	14 руб.	80 руб.	Всего.	До 1/2 руб.	Отъ 1/2 р. до 1 р.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 5 р. до 7 р.	8 руб.	Неизв. платеж.	Всего.	
Портные мастера	—	2	2	1	2	—	—	—	—	1	—	—	—	8	5	2	1	—	—	—	—	—	—	8
Покромщики (-+2), завязочники (-+1), штанники (-+1), мѣшочники (-+1), щепетинники (-+1)	—	2	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шапочники	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	2	3	—	1	—	—	—	—	—	—	4
Рукавишники	—	4	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	6	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Холщевники (1+3), войлочники (-+1)	—	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Шубники (3+-), пушники (1+-), бобровники (1+-)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	1	—	—	—	—	—	5
Скорняки	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2
Кожевники	—	—	—	2	—	1	1	—	1	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Патріаршіє крестьяне.

	Наим. платеж.										Всего.			
	До 1/2 руб.	Отъ 1/2 р. до 1 р.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 4 р. до 5 р.	Отъ 5 р. до 6 р.	8 руб.	10 руб.	12 руб.		14 руб.	80 руб.	
Овчинники (2+7) стригальники (1+-), гладильники (8+-) кнутники (1+-), сырейшики (-+1), сѣдельники (-+1), живодеры (-+1), переплетчики (-+2), сыромятники (-+7), струнники (1+-)	—	5	2	4	5	—	1	1	—	—	—	—	1	19
Сапожники, чоботники	—	2	1	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	9
Кузнецы	—	—	2	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	6
Самопальные мастера (ствольники, ставочники, замочники) Паникадильщики (1+-), желѣзники (1+3), бронники (1+-), игольники (1+-), скобеники (-+1), котельники (-+4)	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	2
Сабельники (+2), пуговичники (-+3), ножевики (-+2), кирочники (-+2)	—	—	1	2	—	—	—	1	1	1	—	—	—	7
Серебряники	1	4	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	10
Олмазники (-+3), канительщики (1+-)	—	1	1	1	5	1	1	1	—	—	—	—	—	11
Зелейщики (-+1), красильники (1+2), мыльники (1+1), бѣлильники (-+1), свѣчники (1+5)	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	3
Зеркальники (-+1)	—	2	3	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	9
Гончары и печники (2+3)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Дегтяри	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Плотники	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	1
Колесники (-+1), лучники (1+2), лѣсники (-+2), клѣтчики (1+-), оконшники (2+-), бочарники (-+4), болванники (1+1)	1	16	4	5	2	—	1	3	—	—	—	—	—	32
Дровяники (-+1), лапотники (-+7), спишники (-+2), телѣжники (-+1), фонарники (-+1), угольники (-+2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Иконники, крестешники (1+9)	—	3	2	2	—	—	1	1	1	—	—	—	—	10
Квасники и сусленники	1	2	1	5	1	2	—	1	—	—	—	—	—	14
Хлѣбники	—	1	2	4	1	—	—	1	—	—	—	—	—	9
Калачники	—	1	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	4
Прянишники и пирожники	—	1	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	4
Блинники (1+1), крупеники (-+2), сытники, житники, харчевники (4+3), кисельники (1+-)	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Пивовары, медовщики	—	2	—	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	6
Мельники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Винокуры, кабатчики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Извошки (5 + 21), ярыжники (9+-), сторожа (-+1), пастухи (2+-), водоливы (-+-), колодезники (3+-), рабочіе (1+-), батышники (1+-)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Банщики (-+4), дровосѣки (3+2), (-+1)	—	9	8	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	24
	—	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	3	65	34	46	35	15	10	15	5	5	1	1	3	238

Посадскіе захребетники.

	Наим. платеж.							Всего.	
	До 1/2 руб.	Отъ 1/2 р. до 1 д.	Отъ 1 р. до 2 р.	Отъ 2 р. до 3 р.	Отъ 3 р. до 4 р.	Отъ 5 р. до 7 р.	8 руб.		
	9	3	1	—	—	—	—	13	
	8	1	2	—	—	—	—	11	
	17	6	1	—	—	—	—	24	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	3	—	—	1	—	—	—	4	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	1	2	1	—	—	—	4	
	—	—	2	—	—	—	—	2	
	1	—	2	—	—	—	—	3	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1	—	1	—	—	—	—	2	
	1	—	—	—	—	—	—	1	
	7	4	—	—	—	—	—	11	
	14	1	—	—	—	—	—	15	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1	—	—	—	—	—	—	1	
	—	2	1	—	1	—	1	5	
	3	1	1	—	—	—	—	5	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	1	—	—	—	—	—	1	
	6	—	—	—	—	—	—	6	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	—	—	—	—	—	—	—	—	
	15	5	3	—	—	1	—	1	25
	2	1	1	—	—	—	—	—	4
	103	28	15	4	1	1	1	1	158

IV. Таблица распределения посадских ремеслен-

	Сретенская.		Новгородская.		Н. Завузская.		Покровская.		Ордынская.	
	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.
Портные мастера	1	1 р.	2	2 р.	7	5 р. 30 а. 1 д.	2	2 р. 13 а. 4 д.	—	—
Сермяжники, подкладники, по- кромщики, монатейщики, каф- танники, завязочники, сара- фанники, штанники	13	48 1/2 р. 25 а. 3 д.	—	—	—	—	—	—	—	—
Шапочники	10	30 р. 26 а. 5 д.	1	30 р.	5	11 р.	3	3 р. 15 а. 2 д.	—	—
Рукавишники	—	—	1	2 р.	7	6 р. 23 а. 3 д.	—	—	—	—
Холщевники, шелковники . . .	3	5 р.	—	—	5	98 р. 20 а.	1	5 р.	—	—
Шубники, пушники	6	24 р. 16 а. 5 д.	4	16 р.	—	—	1	2 р.	1	2 р.
Скорняки	7	23 р.	1	1 р.	3	2 р. 13 а. 2 д.	2	1 р.	—	—
Кожевники	1	1 р.	1	8 р.	1	4 р.	2	6 р. 13 а. 2 д.	—	—
Сыромятники, овчинники, стри- гальники, гладельщики, узд- ники, сырещики, съдельн. . .	6	146 р.	—	—	7	16 р.	4	7 р.	—	—
Сапожники	6	12 р.	8	22 р.	17	18 р. 21 а. 3 д.	14	12 р. 23 а. 4 д.	—	—
Кузнецы	2	2 р.	—	—	2	1 р. 6 а. 4 д.	2	5 р.	1	2 р.
Мѣдники, тавники, пугвичники, железники, замочники, иголь- ники, шильники, котельники.	7	9 р. 16 а. 5 д.	5	103 р.	—	—	4	4 р. 6 а. 4 д.	—	—
Серебряники	5	140 р. 16 а. 5 д.	—	—	4	33 р. 3 а. 2 д.	—	—	—	—
Ожерелейники	1	20 а.	—	—	—	—	—	—	—	—
Зелейщики, красильники, мыл- ники, бѣдильники, свѣшники.	4	6 р. 6 а. 4 д.	6	24 р.	6	20 р.	5	36 р.	—	—
Стекольщики, зеркальщики . .	1	4 р.	1	20 р.	1	2 р.	—	—	—	—
Гончары, печники, горшечники.	1	8 р.	—	—	4	7 р. 16 а. 5 д.	—	—	—	—
Детяри	2	116 р.	—	—	—	—	—	—	—	—
Плотники	10	17 р. 20 а.	4	7 р.	8	9 р.	6	13 р. 20 а.	—	—
Деревщики, колесники, коробей- ники, лучники, дѣсники, клѣт- ники, оконщики, обручни- ки, судники, бочарники и бол- ванники	7	19 р. 37 а.	2	4 р.	3	5 р.	4	32 р.	1	6 а. 4 д.
Иконники, крестешники	2	20 р. 16 а. 5 д.	1	1 р.	1	1 р.	—	—	—	—
Квасники и сусленники	12	68 р. 20 а.	4	4 р.	4	7 р.	3	9 р.	2	2 р. 20 а.
Хлѣбники	4	7 р. 20 а.	2	2 р.	—	—	5	7 р. 12 а. 2 д.	—	—
Калачники	6	22 р.	3	10 р.	1	2 р.	—	—	—	—
Пряничники и пирожники . . .	—	—	1	1 р.	4	37 р. 16 а. 5 д.	2	4 р.	—	—
Блинники, крупеники, житники, харчевники, сытники	1	4 р.	—	—	5	6 р.	3	12 р.	2	8 р.
Ивовары, медовщики	1	2 р.	2	50 р.	1	12 р.	—	—	—	—
Ивовщики, ярыжники, пастухи, водоливы, пильщики	1	5 р. 7 а.	—	—	2	3 р.	1	20 а.	3	3 р. 16 а. 5 д.

никовъ по сотнямъ и слободамъ, пятна 142 года.

	Лясницкая.		Кожевницкая.		Воронцовская.		Голутвенная.		П.-Никитская.		П.-Алексѣев.		Екатериненск.		Кузнецкая.	
	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.	Кол-во лиц	Сумма налога.
1	13 а. 2 д.	—	—	—	—	—	1	13 а. 2 д.	1	6 а. 4 д.	—	—	1	13 а. 2 д.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	2 р.	—	—	—	—	—	—	—	2	1 р. 6 а. 4 д.	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	2	1 р. 20 а.	—	—	1	13 а. 2 д.	—	—	—	—	—	—
1	1 р. 16 а. 4 д.	—	—	—	—	—	—	—	1	1 р.	1	1 р.	1	1 р. 21 а. 4 д.	—	—
1	1 р.	—	—	—	—	—	—	—	4	4 р. 6 а. 4 д.	1	1 р.	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2 р.	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4 р. 20 а.	—	—	—	—	1	2 р.
—	—	6	5 р. 28 а. 5 д.	—	—	—	—	—	5	10 р. 6 а. 4 д.	—	—	1	80 д.	—	—
3	3 р.	1	1 р.	5	28 а. 2 д.	5	5 р. 6 а. 4 д.	5	5 р. 20 а.	—	—	1	20 а.	3	2 р.	—
1	2 р.	—	—	2	20 р. 13 а. 2 д.	—	—	2	10 р. 6 а. 4 д.	—	—	1	13 а. 2 д.	73	513 р.	—
1	16 а. 5 д.	—	—	—	—	—	—	—	1	3 р.	—	—	1	6 а. 4 д.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	2 р.	—	—	1	2 р.	1	52 р.	—	—	—	—	—	2	2 р. 6 а. 4 д.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	16 а. 5 д.	—	—	—	—	—	—	—
2	1 1/2 р.	—	—	1	13 а. 2 д.	—	—	—	—	—	—	—	6	3 р. 6 а. 4 д.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5 р.	—	—	—	—	—	—
2	3 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2 р.	—	—
1	4 р.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	13 р.	—	—	—	—	2	3 р.	—	—	1	1 р.	—	—	—	—	—
10	18 1/2 р.	—	—	—	—	—	—	—	1	1 р.	—	—	1	10 а.	—	—
1	6 р.	1	10 р.	—	—	—	—	—	—	—	1	1 р.	1	10 р.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1 р.	2	2	1	6 а. 4 д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1 р.

V. Таблица распределенія посадскихъ ремесленниковъ -

	Стрѣтенская.		Новгородская.		Н.-Заяузская.		Покровская.	
	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.
Портные мастера	2	1 р. 16 ал. 5 д.	1	3 ал. 2 д.	1	6 ал. 4 д.	—	—
Шапочники	—	—	2	6 ал. 4 д.	1	1 р.	—	—
Рукавишники	—	—	1	6 ал. 4 д.	—	—	—	—
Холщевники	—	—	—	—	1	1 р.	—	—
Шубники, пушники, бобровники.	—	—	1	6 ал. 4 д.	1	2 р.	—	—
Скорняки	1	2 р.	1	3 ал. 2 д.	—	—	—	—
Овчинники, стригальники, гладильщики, кнутники, струнники	—	—	—	—	2	13 ал. 2 д.	—	—
Сапожники и чоботники	—	—	1	3 ал. 2 д.	2	1 р. 3 ал. 3 д.	3	1 р. 3 ал. 2 д.
Кузнецы	—	—	—	—	2	13 ал. 2 д.	—	—
Желѣзники, паникадильщики, бронники, игольники	—	—	2	2 р. 6 ал. 4 д.	1	3 ал. 2 д.	—	—
Серебряники	—	—	—	—	2	3 р.	—	—
Канительщики	1	1 р.	—	—	1	1 р.	—	—
Красильники, мыльники, свѣчники	—	—	1	3 ал. 4 д.	—	—	—	—
Гончары и печники	—	—	—	—	—	—	—	—
Дегтяри	—	—	—	—	—	—	—	—
Плотники	1	16 ал. 5 д.	5	1 р. 3 ал. 3 д.	—	—	4	1 р. 23 ал. 2 д.
Лучники, клѣтники, оконешники, болванники, бочарники	—	—	—	—	1	10 ал.	—	—
Крестешники	—	—	1	6 ал. 4 д.	—	—	—	—
Квасники и сусленники	4	12 р. 16 ал. 5 д.	—	—	—	—	—	—
Хлѣбники	—	—	—	—	—	—	2	20 ал.
Колачники	—	—	—	—	—	—	—	—
Прянишники и пирожники	—	—	—	—	—	—	—	—
Блинники и харчевники	1	3 ал. 2 д.	—	—	1	6 ал. 4 д.	—	—
Извозники, ярыжники, колодезники, рабоче, батышники	2	1 р.	5	1 р. 26 ал. 5 д.	2	1 р. 16 ал. 5 д.	1	—
Дровосѣки	2	1 р. 6 ал. 4 д.	—	—	—	—	—	—

захребетниковъ по сотнямъ и слободамъ; пятна 142 года.

	Ордынская.		Мясницкая.		Кожевницкая.		Годутвенская.		Екатерининская.		Кузнецкая.	
	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.	Кол-ч. лицъ.	Сумма налога.
—	—	—	—	—	1	3 ал. 2 д.	2	20 ал.	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	10 ал.	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	6 ал. 4 д.	1	3 ал. 2 д.	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	6 ал. 4 д.	1	3 ал. 2 д.	—	—	1	6 ал. 4 д.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	10	10 р. 46 ал.	1	1 р.	—	—	—	—
—	—	1	1 р.	1	1 р.	—	—	—	—	—	1	6 ал. 4 д.
—	—	—	—	—	—	—	1	1 р.	—	—	21	5 р.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	2	1 р. 20 ал. 4 д.	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	1 р.	1	1 р.	—	—	—	—
—	—	1	1 р.	—	—	—	—	—	—	—	1	3 ал. 2 д.
—	—	—	—	—	—	—	1	6 ал. 4 д.	—	—	—	—
1	6 ал. 4 д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	4	1 р. 3 ал. 1 д.	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	16 ал. 5 д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	2	26 ал. 4 д.	1	1 р.	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	16 ал. 5 д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3	13 ал. 2 д.	—	—	—	—
2	23 ал. 2 д.	2	13 ал. 2 д.	9	3 р. 30 ал.	3	3 р. 9 ал. 13 д.	1	3 ал. 2 д.	1	3 ал. 2 д.	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

